

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

РИТОРИКА

Рекомендовано учебно-методическим объединением
высших учебных заведений Республики Беларусь
по педагогическому образованию в качестве практикума
для студентов, обучающихся по специальностям:

1-02 03 04-01 Русский язык и литература.

Белорусский язык и литература;

1-03 04 02 Социальная педагогика.

Дополнительная специальность

Минск 2011

УДК 808(075.8)
ББК 81–923
Р55

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Составители:

доктор филологических наук, профессор кафедры культуры речи
и межкультурных коммуникаций БГПУ *И.П. Кудреватых*;
кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи
и межкультурных коммуникаций БГПУ *Ю.А. Гурская*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского
языкознания *В.Д. Стариченок*;
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
славянских языков МГЛУ *О.А. Полетаева*

Риторика : практикум / сост. И.П. Кудреватых, Ю.А. Гурская. –
Р55 Минск : БГПУ, 2011. – 176 с.
ISBN 978-985-501-932-0.

В пособии предлагаются практические задания, направленные на формирование у студентов навыков, обеспечивающих высокий уровень построения публичных речей. Рассматриваются разные типы текстов – от античных до современных. Приводится богатый иллюстративный материал, включающий сведения из истории, философии, литературы, культурологии.

Адресуется студентам, обучающимся по специальностям: 1-02 03 04-01 Русский язык и литература. Белорусский язык и литература; 1-03 04 02 Социальная педагогика. Дополнительная специальность, а также студентам исторического факультета и аспирантам.

**УДК 808(075.8)
ББК 81–923**

ISBN 978-985-501-932-0

© Кудреватых И.П., Гурская Ю.А.,
составление, 2011

© БГПУ, 2011

ВВЕДЕНИЕ

В основе всей профессиональной и общественной деятельности ратора лежат высокие нравственные принципы и высокая культура речи, опирающаяся на нормы современного литературного языка. Поэтому акцент в пособии делается на культурологический аспект, который предполагает совокупность знаний и навыков, обеспечивающих целесообразное и незатрудненное применение языка в целях общения, а также свидетельствует о коммуникативном совершенстве речи.

«Культура речи в значительной степени обусловлена культурой мышления и сознательной любовью к языку. От точности мышления зависит выбор средств выражения, неточность же выражения ведет к фактическим ошибкам» (Н.И. Ивакина). Поэтому каждому человеку надо задумываться не только над тем, что он говорит, но и над тем, как говорит. В связи с этим встает вопрос об искусстве речи учителя, о его профессиональной подготовленности, предполагающей широкое общее образование. Учитель должен постоянно обогащать свой язык, развивать навыки публичных выступлений. «Пусть не мысль ваша ищет слова... – писал А.Ф. Кони, – напротив, слова покорно и услужливо предстанут перед вашей мыслью в полном ее распоряжении».

Данное пособие представляет собой соединение лингвистических, логических и этических вопросов культуры устной публичной речи и направлено на воспитание у студентов – будущих учителей – бережного отношения к языку как орудию их будущей профессиональной деятельности.

В пособии предлагаются речи мастеров слова – известных писателей, ученых, политиков, предлагаются упражнения на предупреждение ошибок лексико-стилистического характера, которые будут способствовать «воспитанию чувства личной и социальной ответственности за речевое поведение и состояние речевой культуры того коллектива, в котором живет и учится, живет и работает» будущий учитель (Б.Н. Головин). Пособие призвано сформировать навыки правильного построения текстов различного содержания и обозначить тот круг вопросов, которые в будущем учителю придется решать самостоятельно.

В результате изучения дисциплины обучаемый должен

знать:

- кодифицированные нормы современного литературного языка;
- особенности речевой коммуникации, приемы передачи информации, законы речи и правила риторики;

- практические (логические и психологические) приемы убеждения;
- языковые качества ораторской речи, речевую выразительность тропов и стилистических (риторических) фигур;
- вербальные и невербальные средства ораторской речи, средства создания контакта, темпо-ритмические особенности ораторской речи;
- основные характеристики ораторской речи: коммуникативная направленность, связность, целостность, смысловая законченность;
- жанровые особенности монологической речи, приемы популяризации научной информации;
- принципы и правила ведения спора (корректные / некорректные), речевые тактики, законы аргументации, способы опровержения;
- виды делового общения, речевой этикет;

уметь:

- продуцировать тексты различного функционального содержания в соответствии с нормами литературного языка, языковыми качествами речи, коммуникативными намерениями автора, правилами риторики и в соответствии с ситуацией общения, а также в соответствии с их жанровыми особенностями и функционально-смысловыми типами;
- использовать аргументацию и демонстрацию как способы и приемы доказательности речи, а также приемы опровержения и средства управления вниманием;
- структурировать речи, устанавливать зависимость композиции от характера аудитории;
- применять голосовые и кинесические средства воздействия, создания контакта оратора и аудитории;
- вести дискуссию и полемику в различных ситуациях общения, инициировать коммуникативный акт и регулировать коммуникативное поведение сторон;
- пользоваться Интернетом, электронной почтой при ведении деловых переговоров.

РИТОРИКА – НАУКА О ПОСТРОЕНИИ ТЕКСТА

I. Марк Тулий Цицерон в одной из своих речей говорил: «Часто подолгу размышлял я наедине с собой о том, добра ли более или зла принесло людям и государствам красноречие и глубокое изучение искусства слова. И в самом деле: когда задумаюсь о бедах, что терпит наша республика, и вспомню о несчастьях, что постигли самые цветущие города, везде вижу, что большую часть в бедах этих виновны люди речистые. Но когда, поверяя историей, восстанавливаю перед мысленным взором времена давно минувшие, вижу, как мудрость, а еще более – красноречие, основывают города, гасят войны, заключают длительные союзы и завязывают священную дружбу между народами. Так что по зрелом размышлении сам здравый смысл приводит меня к заключению, что мудрость без красноречия мало приносит пользы государству, но красноречие без мудрости зачастую бывает лишь пагубно и никогда не приносит пользы. Поэтому, если человек, забыв о мудрости и долге, отбросив и чувство чести и доблесть, станет заботиться лишь об изучении красноречия, такой гражданин не добьется ничего для себя, а для родины окажется вредоносным; если же вооружится он красноречьем для того, чтобы защищать интересы государства, а не чтобы на них нападать, тогда станет полезен и себе, и своим близким, и разумным начинаниям в своем отечестве, и заслужит любовь сограждан»¹.

Прокомментируйте слова великого римского оратора о пользе и вреде красноречия.

II. *Охарактеризуйте ораторское мастерство А.П. Чехова. Укажите, на ваш взгляд, приемы красноречия и приемы ораторского мастерства.*

¹ Цицерон Марк Тулий. О нахождении материала / Марк Тулий Цицерон // Эстетика: трактаты, речи, письма. – М., 1994. – С. 52.

А.П. ЧЕХОВ
О ВНИМАНИИ К УСТНОЙ РЕЧИ.
ОБ ИСКУССТВЕ СЛОВА¹

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, то есть искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло «уткнув брады», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ – десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект... У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессии должно предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильными», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывается всего-навсего настоящих ораторов пять–шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слышать. На кафедрах у нас сидят заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому и, когда читает стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирався прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул – и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В.В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстакаде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого,

¹ Чехов А.П. Хорошая новость / А.П. Чехов // Собрание сочинений. – М., 1983. – Т. 8. – С. 499–501.

про жрецов науки, которые изводили своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже заpekлась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому нисколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, ханжество слова, или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания, — обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.

III. Старый английский афоризм гласит: есть люди, которых нельзя слушать, есть люди, которых можно слушать, и есть люди, которых нельзя не слушать. *Каким образом данный афоризм отражает особенности речевой деятельности оратора?*

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА И ЕЕ ТЕОРИИ

І. Прочитайте фрагменты из диалога Платона «Федр»¹. Какие две необходимые «способности» говорящего выделяет Сократ в беседе с Федром о достоинствах речи? Какое важнейшее требование к хорошей речи выдвигает Сократ? Выполните задания, данные после текста.

Сократ. Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину того, о чем он собирается говорить?

Федр. Об этом, милый Сократ, я так слышал: тому, кто намеревается стать оратором, нет необходимости понимать, что действительно справедливо, – достаточно знать то, что кажется справедливым большинству, которое будет судить. То же самое касается и того, что в самом деле хорошо и прекрасно, – достаточно знать, что таковым представляется. Именно так можно убедить, а не с помощью истины.

Сократ. Так вот, когда оратор, не знающий, что такое добро, а что – зло, выступит перед такими же несведущими гражданами с

¹ Диалог «Федр» относится к зрелому периоду творчества Платона. Это одно из наиболее высокохудожественных произведений философа. Диалог «Федр» справедливо считается первым написанным в диалогической форме учебником риторики, в котором сформулированы основы античной риторической теории. В диалоге «Федр» отражен диалектический метод познания, говорится о принципах организации речей, направленных на поиски истины. В тексте содержится «в свернутом виде практически весь комплекс основных идей “Риторики” Аристотеля» [Михальская, с. 42].

В диалоге два собеседника – Сократ и Федр. Они говорят о любви. И, хотя, по словам А.Ф. Лосева, здесь нет поисков сущности любви, но зато раскрывается ее неистовая, безумная сторона, ее роль в становлении души на путях блага и в создании подлинной философии, а не пустого красноречия. Сократ искусным ведением диалога демонстрирует своему ученику то, как можно подвести человека к знанию истины в процессе беседы.

Сократ и Федр анализируют три типа речей: 1) риторически несовершенную речь софиста Лисия, текст которой приносит Федр; 2) речь Сократа – с ложным тезисом, но соответствующую правилам построения речей; 3) вторую речь Сократа – гармоничную, со строгой системой логических доказательств, открывающую истину о предмете и отражающую речевой идеал Сократа.

целью их убедить, причем будет расхваливать не тень осла, выдавая его за коня, но зло, выдавая его за добро, и, учтя мнения толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие, по-твоему, плоды принесет впоследствии посев его красноречия?

Федр. Не очень-то подходящие.

Сократ. Впрочем, друг мой, не слишком ли резко мы нападаем на ораторское искусство? Оно, пожалуй, возразило бы нам: «Что за вздор вы несете, странные вы люди! Никого, кто не знает истины, я не принуждаю учиться говорить, напротив, – если мой совет что-нибудь значит, – пусть лишь обладающий истиной приступает затем ко мне. Я притязая вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня средства искусно убеждать».

Федр. Разве не было бы оно право, говоря так?

Сократ. Согласен, если подходящие к случаю доказательства подтвердят, что оно – искусство. Мне сдается, будто я слышу, как некоторые из них подходят сюда и свидетельствуют, что красноречие не искусство, а далекий от него навык. Подлинного искусства речи, сказал наконец, нельзя достичь без познания истины, да и никогда это не станет возможным.

Федр. Эти доказательства необходимы, Сократ. Приведи их сюда и допроси: что и как они утверждают?..

Сократ. Искусство красноречия не есть ли вообще умение увлекать души словами, не только в судах и других общественных собраниях, но и в частном быту? Идет ли речь о мелочах или о крупных делах, – оно все то же, и, к чему бы его ни применять правильно – к важным ли делам или к незначительным, – оно от этого не становится ни более, ни менее ценным. Или ты об этом слышал не так?

Федр. Клянусь Зевсом, не совсем так. Говорят и пишут искусно прежде всего для тяжб, говорят искусно и в народном собрании. А о большем я не слыхал.

Сократ. Значит, ты слышал только о наставлениях в красноречии, которые написали в Илионе Нестор и Одиссей, чтобы занять свой досуг, а о наставлениях Паламеда ты не слыхал?

Федр. Да я, клянусь Зевсом, и о наставлениях Нестора не слыхал, если только ты не сделаешь из Горгия какого-то Нестора, а Одиссея – из какого-нибудь Фрасимаха и Феодора.

Сократ. Может быть. Но оставим их. Скажи мне, что делают на суде тяжущиеся стороны? Не спорят ли они, или назвать это как-то иначе?

Федр. Нет, именно так.

Сократ. Спорят о том, что справедливо и что несправедливо?

Федр. Да.

Сократ. И тот, кто делает это искусно, сумеет представить одно и то же дело одним и тем же слушателям то справедливым, то, если захочет, несправедливым?

Федр. И что же?

Сократ. Да и в народном собрании одно и то же покажется гражданам иногда хорошим, а иногда наоборот.

Федр. Это так.

Сократ. Разве мы не знаем, как искусно говорит элейский Паламед: его слушателям одно и то же представляется подобным и неподобным, единым и множественным, покоящимся и несущимся.

Федр. Да, конечно.

Сократ. Следовательно, искусство спора применяется не только на суде и в народном собрании, но, по-видимому, это какое-то единое искусство, – если уж оно искусство, – одинаково применимое ко всему, о чем бы ни шла речь; при его помощи любой сумеет уподобить все, что только можно, всему, что только можно, и вывести на чистую воду другого с его туманными уподоблениями...

Кто не знает истины, а гоняется за мнениями, у того искусство речи будет, видимо, смешным и неискусным.

Федр. Пожалуй, так.

Сократ. Хочешь посмотреть, что в речи Лисия, которую ты сюда принес, и в тех речах, которые мы с тобой здесь произнесли, было, по нашему слову, неискусным и что искусным?

Федр. С превеликой охотой; а то мы сейчас говорим как-то голословно, без достаточных примеров...

Сократ. В чем же нас легче обмануть и где красноречие имеет большую силу?

Федр. Видно, там, где мы блуждаем без дороги.

Сократ. Значит, тот, кто намерен заняться ораторским искусством, должен прежде всего произвести правильное разделение и уловить, в чем признак каждой его разновидности – и той, где большинство неизбежно блуждает, и той, где этого нет.

Федр. Прекрасную его разновидность, Сократ, постиг бы тот, кто уловил бы это!

Сократ. Затем, думаю я, в каждом отдельном случае он не должен упускать из виду, но, напротив, как можно острее чувствовать, к какому роду относится то, о чем он собирается говорить.

Федр. Конечно.

Сократ. Так что же? Отнесем ли мы любовь к тем предметам, относительно которых есть разногласия, или нет?

Федр. Да еще какие разногласия! Иначе как бы, по-твоему, тебе удалось высказать о ней все то, что ты только что наговорил: она – пагуба и для влюбленного и для того, кого он любит, а с другой стороны, она – величайшее благо.

Сократ. Ты совершенно прав. Но скажи еще вот что: я из-за своего восторженного состояния не совсем помню, дал ли я определение любви в начале моей речи?

Федр. Клянусь Зевсом, да, и притом поразительно удачное...

Сократ. Но по крайней мере вот что ты мог бы сказать: всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому...

Сократ. Мы утверждали, что любовь есть некое неистовство. Не так ли?

Федр. Да.

Сократ. А неистовство бывает двух видов: одно – следствие человеческих заболеваний, другое же – божественного отклонения от того, что обычно принято.

Федр. Конечно, так.

Сократ. Божественное неистовство, исходящее от четырех богов, мы разделили на четыре части: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства – к Дионису, творческое неистовство – к Музам, четвертую же часть к Афродите и Эроту – и утверждали, что любовное неистовство всех лучше. Не знаю, как мы изобразили любовное состояние: быть может, мы коснулись чего-то истинного, а возможно, и уклонились в сторону, но, добавив не столь уж неубедительное рассуждение, мы с должным благоговением прославили в сказочном гимне моего и твоего, Федр, владыку Эрота, покровителя прекрасных юношей.

Перейдем к другим речам. В них было, мне кажется, нечто такое, к чему следует присмотреться тем, кто хочет исследовать красноречие... Одно стараемся из этого понять — как могло наше рассуждение от порицания перейти к похвале.

Федр. Как же это, по-твоему?

Сократ. Мне кажется, все было там в сущности только шуткой, кроме одного: все, что мы там случайно наговорили, — двух видов, и суметь искусно применить их возможности было бы для всякого благодарной задачей.

Федр. Какие это виды?

Сократ. Первый — это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе.

Федр. А что ты называешь другим видом, Сократ?

Сократ. Второй вид — это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них, как это бывает у дурных поваров: так, в обеих наших недавних речах мы отнесли неразумную часть души к какому-то одному общему виду. Подобно тому как в едином от природы человеческом теле имеется две одноименные части, лишь с обозначением «левая» или «правая», так обстоит дело и с состоянием безумия, которое обе наши речи признали составляющим в нас от природы единый вид, но одна речь выделила из него часть, обращенную налево, и не остановилась на этом делении, пока не нашла там некую так называемую левую любовь, которую вполне справедливо и осудила; другая же наша речь ведет нас к правой части неистовства, одноименной с первой, и находит там некую божественную любовь, которой отдает предпочтение, и восхваляет ее как причину величайших для нас благ.

Федр. Ты говоришь в высшей степени верно.

Сократ. Я, Федр, и сам поклонник такого различения и обобщения — это помогает мне рассуждать и мыслить. И если я замечаю в другом природную способность охватывать взглядом единое и множественное, я гонюсь следом за ним по пятам, как за

богом. Правильно ли или нет я обращаюсь к тем, кто это может делать, знает бог, а называю я их и посейчас диалектиками...

Сократ. ... По-моему, на первом месте, в начале речи, должно быть вступление. Ведь это ты считаешь, не правда ли, тонкостями искусства?

Федр. Да.

Сократ. На втором месте – изложение и свидетельства, на третьем месте – доказательства, на четвертом – правдоподобные выводы... Что же касается заключительной части речей, то у всех, видимо, одно мнение, только одни называют ее сжатым повторением, а другие иначе.

Сократ. ...Рассмотрим при ярком свете дня: как и когда красноречие воздействует своим искусством..? Значит, ясно, что Фрасимах или кто другой, если он всерьез преподает ораторское искусство, прежде всего со всей тщательностью будет писать о душе и наглядно покажет, едина и единообразна ли она по своей природе или же у нее много видов, соответственно сложению тела. Это мы и называем показать природу [какой-либо вещи].

Федр. Совершенно верно.

Сократ. Во-вторых, он укажет, на что и как душа по своей природе воздействует и что и как воздействует на нее.

Федр. И дальше?

Сократ. В-третьих, стройно расположив виды речей и души и их состояния, он разберет все причины, установит соответствие каждого [вида речи] каждому [виду души] и научит, какую душу какими речами и по какой причине непременно удастся убедить, а какую – нет.

Федр. Это было бы, верно, очень хорошо.

Сократ. Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине легко убедить в том-то и том-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению. Кто достаточно все это продумал, тот затем наблюдает, как это осуществляется и применяет-

ся на деле, причем он должен уметь остро воспринимать и проследить, иначе он не прибавит ничего к тому, что он еще раньше слышал, изучая красноречие. Когда же он будет способен определять, какими речами какой человек даст себя убедить, тогда при встрече с таким человеком он сможет распознать его и дать себе отчет, что вот как раз тот человек и та природа, о которой прежде шла речь. Теперь она на самом деле предстала перед ним, и к ней надо вот так применить такие-то речи, чтобы убедить ее в том-то. Сообразив все это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться: все изученные им виды речей – сжатую речь или жалостливую, или возбуждающую – ему следует применять вовремя и кстати: только тогда, и никак не ранее, его искусство будет разработано прекрасно и совершенно...

Кто не учтет природные качества своих будущих слушателей, кто не сумеет различать существующее по видам и охватывать одной идеей все единичное, тот никогда не овладеет искусством красноречия настолько, насколько это возможно для человека.

...Прежде всего надо познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь; суметь определить все соответственно с этой истиной, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что не поддается делению. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждому природному складу, и таким образом строить и упорядочивать свою речь; к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе – с простыми. Без этого невозможно искусно, насколько это позволяет природа, овладеть всем родом речей – ни теми, что предназначены учить, ни теми – что убеждать, как показало все наше предшествующее рассуждение.

Вопросы и задания к тексту

1. Вспомните, из каких частей состояла классическая риторика. Охарактеризуйте задачи каждого раздела. Найдите в тексте описание модели построения речи. Почему построение речи нужно начинать с предварительного определения предмета речи? Определите, в каком фрагменте текста сформулировано требование ясности и непротиворечивости речи.

2. Какие требования выдвигаются Сократом к композиции речи? Укажите, где в диалоге выражено классическое античное понимание гармонии речи как упорядоченной симметричной соразмерности частей и целого. Сформулируйте эстетический идеал речевого произведения Сократа.

3. В чем заключается принцип уместности и целесообразности речи, сформулированный Сократом?

4. Почему Сократ советует ораторам изучать разнообразие человеческих душ? Почему при построении речи необходимо учитывать когнитивную структуру адресата?

5. Вспомните, что означает термин *майевтика*. Опишите сократовский метод ведения беседы с обучающими целями. В чем суть эвристического диалога Сократа? Найдите во фрагментах диалога вопросы, эксплицирующие данный метод построения диалогического дискурса.

6. Чем, по-вашему, различаются истина и правдоподобие?

7. Учитывая основные принципы построения речи, сформулированные Сократом, подготовьте свою речь о любви. Попробуйте доказать тезис, что *любовь является достаточным / недостаточным условием для вступления в брак* двумя способами. В первом случае используйте майевтику Сократа, а во втором – монологическую форму.

Сделайте вывод о достоинствах и недостатках двух методов убеждения.

II. Прочитайте отрывок из диалога Платона «Евтидем»¹. Выполните задания, данные после текста.

Прочитайте отрывок из диалога Платона «Евтидем», который посвящен критике методов софистов. В этом диалоге Сократ рассказывает своему земляку, другу и сверстнику Критону беседу с двумя софистами – братьями Евтидемом и Дионисодором. Ученики знаменитого софиста Протагора, они были заядлыми спорщиками, увертливыми в хитросплетениях мысли и беззастенчивыми хвастунами. Софисты в полной мере проявляют себя, давая наставления юному Клинию. Вот как об этом рассказывает Сократ:

¹ Хрестоматия по античной литературе / сост.: Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. – М., 1947.

Сократ:

– Убедите вот этого юношу в том, что следует заниматься философией и заботиться о добродетели; этим вы очень угодите и мне, и всем здесь собравшимся. Ведь отрок этот попал именно в такие обстоятельства: я и все окружающие страстно желаем, чтобы он стал как можно более достойным человеком...

Как же мне получше описать тебе, мой Критон, все, что там было потом? Ведь нелегкое это дело – обстоятельно воспроизвести столь своенравную мудрость... Начал же Евтидем, как мне помнится, следующим образом:

– Скажи мне, Клиний, те из людей, кто идет в обучение, – они мудрецы или невежды?

Мальчик же, услышав столь трудный вопрос, покраснел и бросил на меня недоумевающий взгляд. А я, видя его смущение, говорю:

– Мужайся, Клиний, отвечай смело то, что ты думаешь. Быть может, это принесет тебе величайшую пользу.

В это мгновение Дионисодор, наклонившись чуть-чуть к моему уху и улыбаясь во весь рот, молвил:

– Предсказываю тебе, Сократ, что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут.

А пока он это говорил, Клиний уже отвечал, так что мне не удалось предупредить мальчика, чтобы он был осторожен, и он сказал, что учатся люди мудрые. Евтидем:

– Называешь ли ты кого-либо учителями или же нет?

Мальчик ответил утвердительно.

– Значит, учителя – это учителя учеников, как, например, кифарист и грамматик были учителями твоими и других мальчиков, вы же были учениками?

Клиний согласился.

– А разве не обстояло дело таким образом, что, когда вы учились, вы не знали того, чему обучались?

– Именно так, – сказал Клиний.

– Но были ли вы мудрыми, коль скоро не знали этого?

– Конечно, нет, – ответил тот.

– Значит, вы были не мудрыми, но невеждами?

– Разумеется.

– Следовательно, учась тому, чего вы не знали, вы учились, будучи невеждами?

Мальчик кивнул в знак согласия.

– Вот и получается, что учатся невежды, а не мудрецы, как ты это думаешь.

Когда он это сказал, все спутники Дионисодора и Евтидема, подобно хору, послушному команде своего наставника, зашумели и засмеялись, и раньше, чем мальчик как следует успел перевести дух, Дионисодор вмешался и сказал:

– Послушай, Клиний, когда учитель грамматики читает вам что-нибудь, кто из мальчиков запоминает прочитанное – тот, кто мудр, или же тот, кто невежествен?

– Тот, кто мудр, – отвечал Клиний.

– Следовательно, учатся мудрые, а вовсе не невежды и ты только что неверно ответил Евтидему. Тут уже всю засмеялись и зашумели поклонники этих мужей, восхищенные их премудростью; мы же, остальные, молчали, пораженные. Евтидем, поняв, что мы поражены, дабы мы еще более выказали ему свое восхищение, не отпускает мальчика, но снова принимается его спрашивать и, подобно искусным плясунам, обращает к нему один и тот же вопрос то одной его, то другой стороной.

Вопросы и задания к тексту

1. Сформулируйте, в чем заключается метод софистической беседы.

2. Приведите свою концептуализацию, раскрыв смысл концептов «мудрость» и «невежество». Совпала ли ваша концептуализация с осмыслением данных понятий софистами? Как бы вы уличили Евтидема в подтасовках?

3. К каким результатам в конце диалога приходят софисты? Почему Сократ сравнивает софистов с плясунами, которые только «пляшут вокруг мальчика и шутят», а софистические методы – «с применением подножки во время борьбы и со злой шуткой, когда у сажающегося выхватывают скамейку и он падает навзничь»?

4. Вспомните, как формулировал цель беседы Сократ?

5. Разыграйте диалог между Евтидемом и Клинием в лицах.

III. Прочитайте отрывок из текста Платона «Апология Сократа»¹. Выполните задания, данные после текста.

Сократ [после обвинительного приговора]

...Я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, – позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош – все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора – говорить правду...

...Наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам?

¹ Апология – оправдательная речь Сократа, произнесенная им на афинском суде в 399 г., после того как были заслушаны речи обвинителей. «Апология Сократа» – единственное произведение Платона, написанное не в диалогической форме. Личность Сократа оказала глубокое влияние на все философское творчество Платона.

Как отмечает А.Ф. Лосев, Сократ вместе с софистами открыл новую эпоху истории античной философии, обратившись от космологии и натурфилософии к проблеме человека, и в частности к проблеме разума. В свое время это, несомненно, было чем-то вроде философской революции. А всякая революция требует героев и по необходимости должна идти на великие жертвы. Таким героем и такой жертвой как раз и оказался Сократ. Его постоянное стремление анализировать традиционные человеческие понятия, добиваться их ясности, стараться сохранить все лучшее и сокрушить все худшее в них естественно вызывало у многих его современников недоумение или боязнь, а некоторые даже испытывали ужас и испуг перед такого рода еще небывалым в Греции критицизмом. Сократа стали обвинять в безбожии, в развращении молодежи, в подрыве существующего государственного строя и даже во введении каких-то новых божеств.

Та сила духа, с которой Сократ проводил свои идеи и выявлял ложь, прикрываемую благоприличным поведением людей и их якобы благонамеренными суждениями, всегда вызвала у Платона неизменный восторг, так что Сократ навсегда остался для него живым символом самой философии.

По мнению многих исследователей, сочинение Платона, скорее всего, художественное, имеющее, однако, большую историческую ценность. Попытка своеобразной реабилитации перед современниками и потомками незаслуженно обвиненного и казненного Сократа принадлежит не только Платону. Известны и другие апологии Сократа, большей частью совсем до нас не дошедшие.

Платон вкладывает в уста Сократа большую речь, которая в свою очередь состоит из трех отдельных речей. В пособии приводятся фрагменты третьей, заключительной речи Сократа.

Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бываю-ют в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своим раньше, чем о себе самом, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю — даровой обед в Пританее.

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленопреклонениями; но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко — в малое время снимать с себя великие клеветы. Ну так

вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это – зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати, постоянно меняющейся власти? Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищите теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? Никким образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь – уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога, а что, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытаю и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, – если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом

для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра; ну столько и назначаю...

Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца.

Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное – все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избегать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, – тем, что идет проворнее, – нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят назло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они – при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, – когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говоря я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей – тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

Вопросы и задания к тексту

1. Проанализируйте фрагмент речи Сократа. Почему те, кто голосовал за смертный приговор Сократу, причинили, по мысли философа, зло не ему, а себе?

2. Объясните, как вы понимаете высказывание известного русского философа А.Ф. Лосева, что в «Апологии» отражена «великая борьба исторических сил разных эпох».

3. Как характеризуют личность Сократа его известные афоризмы: «Я знаю, что я ничего не знаю», «Высшая мудрость – различать добро и зло», «Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре»?

4. Прочитайте высказывание известного русского философа В. Соловьева из его произведения «Жизненная драма Платона» о значимости для европейской науки деятельности Сократа: «Смерть Сократа [...] породила новый взгляд на мир – платонический идеализм. Первое основание, “большая посылка” этого взгляда содержалась в учении Сократа; меньшая посылка была дана его смертью; гений Платона вывел заключение, которое осталось скрытым для других учеников Сократа». Как вы понимаете метафору данного «силлогизма»? Почему мир, в котором праведник должен

умереть за правду, Платон в своей философской концепции характеризует как ненастоящий, неподлинный?

5. Изучите биографию Сократа. Охарактеризуйте личность великого философа. Докажите, что Сократ остался верен своим принципам. Подготовьте выступление на тему: «Риторический и жизненный идеал Сократа».

АНТИЧНЫЙ РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН. «РИТОРИКА» АРИСТОТЕЛЯ¹

Наиболее фундаментальное теоретическое осмысление в эпоху классицизма риторика получила в трактатах ученика Платона Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Аристотель создал специальный труд, посвященный проблемам красноречия – «Риторика», который состоит из трех книг. Первая книга включает 14 глав, вторая – 26, третья – 19. Каждая глава предваряется предтекстом, в котором определяются вопросы, подлежащие рассмотрению. В пособии приведены отдельные фрагменты текста «Риторики» Аристотеля.

Прочитайте фрагменты трактата «Риторика» Аристотеля. Выполните задания, данные после текстов.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I. *Отношение риторики к диалектике. – Всеобщность риторики. – Возможность построить систему ораторского искусства. – Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. – Что должен доказывать оратор? Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики.*

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разби-

¹ Античные риторики / под ред. А.М. Тахо-Годи. – М., 1978.

рать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют согласно со своими способностями, развитыми привычкой. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему, поскольку мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководятся привычкой, так и те, которые действуют случайно [...]. До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а все остальное не что иное, как аксессуар.

Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика, [имеет отношение ко всем областям], а также что она полезна и что дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [...].

Кроме того, очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительного, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к области диалектики относится изучение как действительного, так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ратора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим намерениям, а по своим способностям.

Глава II. Место риторики среди других наук и искусств. – Технические и нетехнические способы убеждения. – Три вида технических способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема. – Анализ убедительного. – Вопросы, которыми занимается риторика. – Из чего выводятся энтимемы? – Определение вероятного. – Виды признаков. – Пример – риторическое наведение. – Общие места (τόποι) и частные энтимемы (εἰδη).

Итак, определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому

что каждая другая наука может поучать и убеждать только относительно того, что принадлежит к ее области, как, например, врачебное искусство – относительно того, что способствует здоровью или ведет к болезни, геометрия – относительно чисел; точно так же и другие искусства и науки; риторика же, по-видимому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определенного класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают «нетехнические», другие же «технические». «Нетехническими» (*atechnoi*) я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т. п.; «техническими» же (*entechnoi*) [я называю] те, которые могут быть созданы с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему, потому что вообще мы более и скорее всего верим людям хорошим [...].

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия или неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснемся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса.

Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение, силлогизм и кажущийся силлогизм, точно так же и здесь, потому что пример

есть не что иное, как наведение, энтимема-силлогизм, кажущаяся энтимема – кажущийся силлогизм [...].

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в «Методике», то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие – энтимемами; точно так же и из ораторов одни склонны к примерам, другие – к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами.

Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, [...] заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие согласно с другими искусствами и возможностями [...]. Я говорю, что силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чем мы говорим общими местами – топами (τοποι); они общие для рассуждений о справедливости, о явлениях природы и многих других, отличных один от другого предметах; таков, например, топ большего и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему как относительно справедливости и явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе. Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений; так, например, есть посылки физики, из которой нельзя вывести энтимему или силлогизм относительно этики, а в области этики есть другие посылки, из которых нельзя сделать никакого вывода для физики, точно так же и в областях всех [других наук] [...].

Теперь точно так же, как в «Топике», нам нужно рассмотреть виды энтимем, а также топы, из которых их нужно выводить. Видами я называю посылки, одинаково общие всем предметам.

Глава III. *Три элемента, из которых складывается речь. – Три рода слушателей. – Три рода риторических речей. – Предмет речей совещательных, судебных, эпидейктических. – Время, которое имеет в виду каждый из трех родов речи. – Цель каждого рода речи. – Необходимость знать посылки каждого рода речи.*

Есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь складывается из трех элементов: из самого оратора, из

предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель необходимо бывает или простым зрителем, или судьей, и притом судьей или того, что уже совершилось, или же того, что может совершиться. Примером человека, рассуждающего о том, что имеет быть, может служить член народного собрания, а рассуждающего о том, что уже было, — член судилища; человек, обращающий внимание [только] на дарование [оратора], есть простой зритель. Таким образом, естественно является три рода речей: совещательные, судебные и эпидейктические. Дело речей совещательных — склонять или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют].

Что же касается судебных речей, то дело их — обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются].

Дело эпидейктической речи — хвалить или порицать. Что касается времени, которое имеет в виду каждый из указанных родов речи, то человек, совещаясь, имеет в виду будущее: отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, он дает советы относительно будущего. Человек тяжущийся имеет дело с прошедшим временем, потому что всегда по поводу событий, уже совершившихся, один обвиняет, а другой защищается. Для эпидейктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего; впрочем, ораторы часто сверх того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположения относительно будущего. У каждого из этих родов речей различная цель, и так как есть три рода речей, то существуют и три различных цели: у человека, дающего совет, цель — польза и вред: один дает совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего; остальные соображения, как-то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное — здесь на втором плане.

Для тяжущихся целью служит справедливое и несправедливое, но и они присоединяют к этому другие соображения.

Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное; но сюда также привносят прочие соображения [...].

[...] Кроме того, так как все ораторы, как произносящие хвалу или хулу, так и уговаривающие и отговаривающие, а также и обвиняющие и оправдывающие, не только стремятся доказать что-нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекрасного или постыдного, справедливого или несправедливого, рассматривая при этом предметы безотносительно, сами по себе или сопоставляя их один с другим. Ввиду всего этого очевидно, что нужно иметь наготове посылки как общего, так и частного характера относительно великости и ничтожества и относительно большего и меньшего, например, относительно того, что можно назвать большим или меньшим благом, или большим или меньшим преступлением, или более или менее справедливым деянием; точно так же и относительно остальных предметов.

Итак, мы сказали, относительно чего необходимо иметь наготове посылки. После этого следует разобрать [предмет] каждого из указанных [родов речей] в отдельности: чего касаются совещательные, эпидейктические и судебные речи.

Глава VI. *Цель речи совещательной – польза, польза – благо; определение блага. – Три рода действующих причин. – К категории блага относятся: добродетель, удовольствие, блаженство, добродетели души, красота и здоровье, богатство и дружба, честь и слава, умение хорошо говорить и действовать, природные дарования, науки, знания и искусства, жизнь, справедливость. – Блага спорные. – Еще одно определение блага. – Два рода невозможного.*

[...] Определим благо, как нечто такое, что желательно само по себе, ради чего мы желаем и другого, к чему стремится все или, по крайней мере, все, способное ощущать и одаренное разумом, или если бы было одарено разумом.

[...] Одним словом, благом необходимо признать следующее: блаженство, потому что оно желательно само по себе и обладает свойством самодовлеемости [...]. Справедливость, мужество, умеренность, великодушие, щедрость и тому подобные качества, потому что это – добродетели души. Красота, здоровье и тому подобное – также блага, потому что все это – добродетели тела, которые создают много благ, например, здоровье создает удовольствие и жизнь, почему оно и считается высшим благом [...]. Богатство, так как оно представляет собой достоинство имущественного состоя-

ния и служит причиной многих благ. Друг и дружба, потому что друг желателен сам по себе, а, кроме того, он может многое сделать. Честь, слава, потому что они приятны и потому что они создают многое [...]. Сюда же относится даровитость, память, понятливость, сметливость и все тому подобные качества, потому что они создают блага. Равным образом [сюда принадлежат] все отрасли знания и все искусства. Сама жизнь [есть благо], потому что, если бы даже с ней не было сопряжено никакое другое благо, она желательна сама по себе. Наконец, справедливость [есть также благо], потому что она полезна всем [...].

Глава IX. *Объекты эпидейктической речи. – Определение прекрасного [...]. Похвала и энкомий [...]. Отношение похвалы к совету. – Усиливающие обстоятельства, сравнения и преувеличения пригодны для эпидейктической речи; для советательной пригодны примеры, для судебной – энтимемы.*

Вслед за этим поговорим о добродетели и пороке, прекрасном и постыдном, потому что эти понятия являются объектами для человека, произносящего хвалу или хулу.

Похвала есть способ изъяснять величие добродетели какого-нибудь человека; следовательно, нужно показать, что деяния этого человека носят характер добродетели. Энкомий же относится к самим делам (другие же обстоятельства внешнего характера, например, благородство происхождения и воспитание, служат поводом, так как естественно, что от хороших предков происходят хорошие потомки и что человек, воспитанный именно так, будет именно таким). Потому-то мы и прославляем в энкомиях людей, совершивших что-нибудь [...].

Похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то само делается похвалой, раз изменен способ выражения [...]. Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другим, как это делал Исократ вследствие непривычки говорить на суде. Следует сравнивать человека с людьми именитыми, потому что, если он кажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют. Преувеличение по справедливости употребляется при похвалах, потому что похвала имеет дело с понятием превосходства, а превосходство принадлежит к числу речей прекрасных,

потому, если нельзя сравнивать человека со знаменитыми людьми, следует сопоставлять его вообще с другими людьми, потому что превосходство служит признаком добродетели. Вообще, из приемов, одинаково принадлежащих всем [трем] родам речей, преувеличение всего более подходит к речам эпидейктическим, потому что здесь оратор имеет дело с деяниями, признанными за неоспоримый факт; ему остается только облечь их величием и красотой. Что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы произносим суждения о будущем, делая предположения на основании прошедшего. Энтимемы, напротив, [наиболее пригодны] для речей судебных, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, особенно требует указания причины и доказательства.

Вопросы и задания

1. Укажите, чем риторика Аристотеля отличается от существующих уже опытов систематизации знаний ораторского искусства. Определите положения, на которых базируется концепция риторики Аристотеля.

2. Как Аристотель определяет риторику? Какие способы убеждения выделяет ученый?

3. Одинаковой ли силой воздействия обладают логический и эмпирический способы убеждения? Рекомендует ли Аристотель пользоваться какими-либо принципами при выборе способа аргументации?

4. Из каких трех элементов, согласно Аристотелю, состоит речь? Как меняется построение речи в зависимости от вида слушателей? Обоснуйте, почему именно на учете третьего компонента базируются принципы изучения современной риторики.

5. Вспомните, какие три рода риторических речей выделял Аристотель. Какую цель преследуют ораторы, по мнению древнегреческих философов? Что характеризует эпидейктические речи? Какие основные особенности совещательных речей? Составьте таблицу, отразив в ней принципы классификации речей Аристотеля.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I. Цели риторики. – *Условия, придающие речи характер убедительности.* – *Причины, возбуждающие доверие к оратору.* –

Определение страсти. – Три точки зрения, с которых следует рассматривать каждую из страстей.

[...] Так как сама риторика существует для вынесения решения (crisis) – ведь и в совещательных делах приходят к [определенному] решению, и суд также выносит свое решение, – поэтому необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада и настроить известным образом судью, потому что для убедительности речи весьма важно (особенно в речах совещательных, а затем и в судебных), чтобы оратор показался человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также чтобы и они были к нему расположены известным образом [...].

Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, – это разум, добродетель и благорасположение [...].

Страсти – все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства]. Каждую из них следует рассмотреть с трех точек зрения, например, гнев: в каком состоянии люди бывают сердиты, на кого они обыкновенно сердятся, за что. Если мы выяснили один или два из этих пунктов, но не все, мы были бы не в состоянии возбудить гнев: точно то же [можно сказать] и относительно других [страстей] [...].

Глава IV. *Определение понятия «любить» и понятия «друг». – Кого и почему люди любят? – Виды дружбы и отношение дружбы к услуге. – Понятие вражды и ненависти, отношение их к гневу. – Как может пользоваться этими понятиями оратор для своей цели?*

[...] Кого люди любят и кого ненавидят и почему, об этом мы скажем, определив понятие дружбы (philia) и любви (philein). Пусть любить значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него, а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему блага. Друг – тот, кто любит, взаимно любим. Люди, которым кажется, что они так относятся друг к другу, считают себя друзьями. Раз эти положения установлены, другом необходимо будет тот, кто вместе с нами радуется нашим радостям и горюет о

наших горестях, не ради чего-нибудь другого, а ради нас самих [...]. Итак, желающий другому того, чего он желает самому себе, кажется другом этого другого человека..[...].

[Любим мы] и тех, с кем приятно жить и проводить время, а таковы: люди обходительные, несклонные изобличать ошибки [других], не любящие спорить и ссориться, потому что все люди такого сорта любят сражаться, а раз люди сражаются, представляется, что у них противоположные желания.

[Любим мы] и тех, кто умеет пошутить и перенести шутку, потому что умеющие перенести шутку и прилично пошутить, и те, и другие доставляют одинаковое удовольствие своему ближнему. [Мы любим] также людей, хвалящих те хорошие качества, которые в нас есть, особенно, если мы боимся оказаться лишенными этих качеств [...].

[...] Мы любим и желаем быть друзьями тех, с кем соперничаем и для кого желаем быть объектом соревнования, а не зависти [...].

[Любим мы] и тех, кто не притворяется перед нами, таковы, например, те люди, которые говорят о своих недостатках, ибо, как мы сказали, перед друзьями мы не стыдимся того, от чего может зависеть репутация; итак, если человек, испытывающий [в подобных случаях] стыд, не любит, то человек, не испытывающий стыда, похож на любящего. [Мы любим] еще людей, которые не внушают нам страха и на которых мы полагаемся, потому что никто не любит того, кого боится. Виды любви – товарищество, свойство, родство и т. п. Порождает дружбу услуга – когда окажешь ее, не ожидая просьбы, и когда, оказав ее, не выставляешь ее на вид, ибо в таком случае кажется, что [услуга оказана] ради самого человека, а не ради чего-нибудь другого [...].

Что касается вражды и ненависти, то очевидно, что их нужно рассматривать с помощью понятий противоположных. Вражду порождают гнев, оскорбление, клевета. Гнев проистекает из вещей, имеющих непосредственное отношение к нам самим, а вражда может возникнуть и без этого [...]. Гнев врачуется временем, ненависть же неизлечима [...].

Глава XII. *Нравы (черты характера) людей в различных возрастах: черты, свойственные юности.*

Я называю страстями гнев, желание и тому подобные [движения души], о которых мы говорили раньше, качествами – добро-

детели и пороки, о них сказано раньше, а также о том, что предпочитают отдельные личности и что способны делать. Возраст – это юность, зрелый возраст и старость. Делом случая (tychē) я называю благородство происхождения, власть и вещи противоположные этим, и вообще удачу (eutychia) и неудачу (dystychia).

Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего желают [...]. По отношению к страстям они переменчивы и легко пресыщаются ими, они сильно желают и скоро перестают [желать]; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу. Они слабее гнева, [не могут совладать с гневом], ибо по своему честолюбию они не переносят пренебрежения и негодуют, когда считают себя обиженными. Они любят почет, но еще более любят победу, потому что юность жаждет превосходства, а победа есть некоторого рода превосходство. Обоими этими качествами они обладают в большей степени, чем корыстолюбием: они совсем не корыстолюбивы, потому что еще не испытали нужды [...]. Они не злы, а добродушны, потому что не видели многих низостей. Они легковерны, потому что не во многом были обмануты [...]. Они преимущественно живут надеждой, потому что надежда касается будущего, а воспоминание – прошедшего; у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: в первый день не о чем помнить, надеяться же можно на все. Их легко обмануть вследствие сказанного: они легко поддаются надежде. Они чрезвычайно смелы, потому что пылки и исполнены надежд [...]. Они великодушны, потому что жизнь еще не унизила их и они не испытали нужды; считать себя достойным великих [благ] означает великодушие, и это свойственно человеку, исполненному надежд. В своих занятиях они предпочитают прекрасное полезному, потому что живут более сердцем, чем расчетом; расчет касается полезного, а добродетель – прекрасного. Юноши более, чем люди других возрастов, любят друзей, семью, товарищей, потому что находят удовольствие в совместной жизни и ни о чем не судят с точки зрения пользы, так что и о друзьях не [судят так]. Они во всем грешат крайностью и излишеством вопреки Хилонову изречению: они все делают через меру: чересчур любят и чересчур ненавидят и во всем остальном также они считают себя всеведущими и утверждают это; вот причина, почему [они все делают] через

меру. И несправедливости они совершают по своему высокомерию, а не по злобе. Они легко доступны состраданию, потому что считают всех честными и слишком хорошими: они меряют своих ближних своей собственной неспорченностью, так что полагают, что те терпят незаслуженно. Они любят посмеяться и сказать острое словцо, так как остроумие есть отшлифованное высокомерие.

Глава XXIII. *Различные топы, которыми можно пользоваться в речи для построения энтимем. – Преимущество энтимем обличительных.*

[...] Еще один [топ получается] из понятия большего или меньшего, например: если даже боги знают не все, то едва ли [все знают] люди. Это значит, что если чего-нибудь нет [у человека], у которого это должно бы быть в большей степени, то ясно, что [этого] нет [и у человека], обладающего этим в меньшей степени. А [заключение], что бьет своих близких тот, кто бьет своего отца, [вытекает] из того, что если есть меньшее, то есть и большее, ибо реже бьют своих отцов, чем своих близких.

[...] Еще один [топ получается] из определения понятия, например, что такое [сократовский] «демонион». Есть ли это божество или создание божества? [...]

[...] Еще один [топ составляется] на основании нескольких значений, [которые может иметь слово], как, например, мы говорили в «Топике» о слове «хорошо».

Еще один [топ получается] из разделения, например, если все поступают несправедливо по трем причинам – или по этой, или по той, или по той – по двум первым [поступить несправедливо в данном случае] невозможно, а о третьей не говорят сами [обвинители].

[...] Еще один [топ получается], когда люди не одно и то же хвалят, на словах и про себя, но на словах хвалят преимущественно все справедливое и прекрасное, а про себя более желают полезного – здесь можно строить двоякий силлогизм; этот способ наиболее пригоден по отношению к парадоксам.

Еще один [топ получается] из заключения, что по аналогии получалось бы то-то, как, например, когда сына Ификрата, по возрасту еще очень молодого, хотели заставить принимать участие в государственных повинностях на том основании, что он велик ростом, то Ификрат сказал, что если они детей, высоких ростом, считают мужами, то признают людей, низких ростом, за детей.

[...] Еще один [топ], общий при тяжбах и совещаниях, заключается в рассмотрении обстоятельств, способствующих и препятствующих, а также тех, под влиянием которых люди что-нибудь делают или избегают делать; таковы обстоятельства, при наличии которых нужно делать что-нибудь, а при отсутствии – нужно не делать, например, если что-нибудь возможно, легко и полезно или для самого человека, или для его друзей, или же вредно и невыгодно для врагов, или же если наказание [за проступок] меньше самого проступка. Люди побуждают, исходя из этих [мотивов], и отклоняют, исходя из [мотивов] противоположных. Исходя из тех же самых [мотивов] люди обвиняют и оправдываются: оправдываются, опираясь [на обстоятельства], препятствующие [совершению чего-нибудь], и обвиняют, опираясь на [обстоятельства] способствующие [...].

[...] Еще один [топ проистекает] из причины; [он заключается в доказательстве], что что-нибудь есть, если есть [его причина], и что чего-нибудь нет, если нет [причины]; ибо причина и то, чему она служит причиной, сосуществуют и ничто не существует без причины [...].

Вопросы и задания

1. Какие условия, согласно Аристотелю, придают речи убедительность? Расскажите о значении, которые, по мнению Аристотеля, имеют личностные качества говорящего.
2. Опишите образ оратора, который, с точки зрения Аристотеля, способен вызывать доверие у публики.
3. Перечислите факторы, которые, по мнению Аристотеля, влияют на убедительность речи.
4. Как вы понимаете крылатое выражение Сократа, оценивающее личность говорящего «Заговори, чтоб я тебя увидел»? Подумайте, какие именно характерные черты личности отражает речь человека?

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава I. *Три основных вопроса, касающихся риторического искусства. – Стиль (декламация), три качества, обуславливающие его достоинства. – Важное значение стиля. Разница между стилем поэтическим и стилем риторическим.*

Есть три пункта, которые должны быть обсуждены по отношению к ораторской речи: во-первых, откуда возникнут способы убеждения, во-вторых, о стиле (*lexis*), **в-третьих, как следует строить** части речи [...]. В связи с этим следует сказать о стиле, потому что недостаточно знать, что следует сказать, но необходимо также сказать это, как должно; это много способствует тому, чтобы речь произвела нужное впечатление. Прежде всего, согласно естественному порядку вещей, поставлен был вопрос о том, что по своей природе является первым, то есть о самих вещах, из которых вытекает убедительное, во-вторых, о способе расположения их при изложении. Затем, в-третьих, [следует] то, что имеет наибольшую силу, хотя еще не было предметом исследования – вопрос о декламации [...]. Очевидно, что для риторики есть условия, подобные условиям для поэтики, о чем трактовали некоторые другие, в том числе Главкон Теосский. Действие заключается здесь в голосе; [следует знать], как нужно пользоваться голосом для каждой страсти, например, когда следует [говорить] громким голосом, когда тихим, когда средним, и как нужно пользоваться интонациями, например, пронзительной, глухой и средней, и какие ритмы [употреблять] для каждого данного случая. Здесь есть три пункта, на которые обращается внимание: сила (*megethos*), гармония и ритм.

(1404 а) Так как все дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы все находящееся вне области доказательства, становилось излишним. Однако, как мы сказали, [стиль] оказывается весьма важным вследствие нравственной испорченности слушателя. При всяком обучении стиль необходимо имеет некоторое небольшое значение, потому что для выяснения чего-либо есть разница в том, выразишься ли так или этак; но все-таки [значение это] не так велико, [как обыкновенно думают]: все это относится к внешности и касается слушателя [...].

Глава II. Достоинство стиля – ясность. – *Выражения, способствующие ясности стиля.* – *Что годится для речи стихотворной и что для прозаической?* – *Какие выражения должно употреблять в речи прозаической?* – *Употребление синонимов и омонимов.* – *Употребление эпитетов и метафор.* – *Откуда следует заимствовать метафоры?* – *Как следует создавать эпитеты?*

Рассмотрев это, определим, что достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что, раз речь не ясна, она не достигнет своей цели. [Стиль не должен быть] ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить [к предмету речи]; и поэтический стиль, конечно, не низок, но он не подходит к ораторской речи. Из имен и глаголов те отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребление. Другие имена, которые мы перечислили в сочинении, касающемся поэтического искусства, делают речь не низкой, но изукрашенной, так как отступление [от речи обыденной] способствует тому, что речь кажется более торжественной: ведь люди так же относятся к стилю, как к иноземцам и своим согражданам. Поэтому-то и следует придавать языку характер иноземного, ибо люди склонны удивляться тому, что [приходит] издалека, а то, что в удивление, приятно. В стихах многое производит такое действие и годится там, [то есть в поэзии], потому что предметы и лица, о которых [там] идет речь, более удалены [от житейской прозы]. Но в прозаической речи таких средств гораздо меньше, потому что предмет их менее возвышен; здесь было бы еще неприличнее, если бы раб или человек слишком молодой, или кто-нибудь, говорящий о слишком ничтожных предметах, выражался возвышенным слогом. Но и здесь прилично говорить то принося, то возвышая слог, сообразно [с трактуемым предметом], и это следует делать незаметно, делая вид, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убеждать, а искусственное напротив. [Люди] недоверчиво относятся к такому [оратору], как будто он замышляет [что-нибудь против них], точно так же, как к подмешанным винам. [Стиль оратора должен быть таков], каким был голос Феодора по сравнению с голосами других актеров: его голос казался голосом того человека, который говорил, а их голоса звучали совершенно чуждо.

[...] Слова общеупотребительные, принадлежащие родному языку, метафоры – вот единственный материал, полезный для стиля прозаической речи. Доказывается это тем, что все пользуются только такого рода выражениями: все обходятся с помощью метафор и слов общеупотребительных. Но, очевидно, кто сумеет это ловко сделать, иностранное слово проскользнет в речи незаметно и будет иметь ясный смысл. В этом и заключается достоинство ораторской речи.

[...] Нужно употреблять в речи подходящие эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть с помощью аналогии; в противном случае [метафора и эпитет] покажутся неподходящими, вследствие того, что противоположность двух понятий наиболее ясна в том случае, когда эти понятия стоят рядом. Нужно рассудить, что так же [подходит] для старика, как пурпуровый плащ для юноши, потому что тому и другому приличествует не одно и то же. И если желаешь представить что-нибудь в прекрасном свете, следует заимствовать метафору от предмета лучшего в самом роде вещей; если же [хочешь] выставить что-нибудь в дурном свете, то [следует заимствовать ее] от худших вещей, например, так как [приводимые понятия] являются противоположностями в одном и том же роде вещей, о просящем милостыню сказать, что он просто обращается с просьбой, а об обращающемся с просьбой сказать, что он просит милостыню на том основании, что оба [выражения обозначают] просьбу [...].

Есть еще третье [условие], которым опровергается софистическое правило: неверно утверждение Брисона, будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово более употребительно, более подходит, скорее может представить дело перед глазами, чем другое. Кроме того, и разные слова представляют предмет не в одном и том же свете, так что и с этой стороны следует предположить, что одно [слово] прекраснее или безобразнее другого. Оба слова означают прекрасное или безобразное, но не [говорят], поскольку оно прекрасно или поскольку безобразно, или [говорят об этом], но [одно] в большей, [другое] в меньшей степени. Метафоры следует заимствовать от слов, прекрасных по звуку, или по значению, или [закрывающих в себе нечто приятное] для зрения или для какого-либо другого чувства. Например, есть разница в выражениях о заре: «розовоперстая» лучше, чем «пурпуроперстая», а «красноперстая» хуже.

То же и в области эпитетов: можно создавать эпитеты на основании дурного или постыдного, например, [эпитет] «матереубийца», но можно также создавать их на основании хорошего, например, «мститель за отца».

Глава III. *Четыре причины, способствующие холодности [выспренности] стиля: употребление сложных слов, необычных*

выражений, ненадлежащее пользование эпитетами, употребление неподходящих метафор.

Холодность стиля может происходить от четырех причин, во-первых, от употребления сложных слов, как, например, Ликофрон говорит о «многоликом небе высоковершинной земли» и об «узко-дорожном берегу» [...]. Или как Алкимадант говорил о «душе, исполненной гнева», и о «лице, делающимся огнецветным». Все эти выражения поэтичны, потому что они составлены из двух слов. Вот в чем заключается одна причина [холодности стиля]. Другая состоит в употреблении необычных выражений, как, например, Ликофрон называет Ксеркса «мужем-чудовищем» и Скирон у него «муж-хищник», и как Алкимадант [говорит] об «игрушках» поэзии, и о «природном грехе», и о человеке, «возбужденном неукротимым порывом своей мысли». Третья причина заключается в употреблении эпитетов или длинных, или неуместных, или в большом числе; в поэзии, например, вполне возможно называть молоко белым, в прозе же [подобные эпитеты] совершенно неуместны; если их слишком много, они обнаруживают [риторическую искусственность] и доказывают, что раз нужно ими пользоваться, это есть уже поэзия, так как употребление их изменяет обычный характер речи и сообщает стилю оттенок чего-то чуждого. В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что [неумеренность здесь] есть большее зло, чем речь простая, [то есть лишенная эпитетов]: в последнем случае речь не имеет достоинства, а в первом она заключает в себе недостаток. Вот почему произведения Алкидаманта кажутся холодными: он употребляет эпитеты не как приправу, а как кушанье, так у него они часты, преувеличены и бросаются в глаза [...].

Наконец, четвертая [причина, от какой может происходить] холодность стиля, заключается в метафорах. Есть метафоры, которые не следует употреблять, одни – потому что [они имеют] смешной смысл, почему и авторы комедий употребляют метафоры, другие – потому что смысл их слишком торжествен и трагичен; кроме того, [метафоры имеют] неясный смысл, если [они заимствованы] издалека, так, например, Горгий говорит о делах «бледных» и «кровавых». Или: «ты в этом деле посеял позор и пожал несчастье». Подобные выражения имеют слишком поэтический вид [...].

Глава IV. *Сравнение, его отношение к метафоре. – Употребление сравнений.*

Сравнение (εἰσὼν) есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт [говорит] об Ахилле: «он ринулся, как лев», это есть сравнение. Когда же он говорит: «лев ринулся» – это есть метафора: так как оба обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом [...].

Глава V. *Пять условий, от которых зависит правильность языка. – Удобочитаемость и удобопонимаемость письменной речи. – Причины, ведущие к неясности речи.*

[...] Итак, первое условие заключается в правильном употреблении союзов. Второе [заключается] в употреблении собственно самих слов, а не описательных выражений. В-третьих, не [следует употреблять] двусмысленных выражений, кроме тех случаев, когда это делается умышленно [...]. В-четвертых, следует правильно употреблять роды имен, как их разделял Протагор – на мужские, женские и средние [...]. В-пятых, [следует] соблюдать последовательность в числе, идет ли речь о многих или о немногих, или об одном [...].

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопонимаемо, а это – одно и то же. Этими свойствами не обладает речь со многими союзами, а также речь, в которой трудно расставить знаки препинания, как, например, в творениях Гераклита – [большой] труд, потому что неясно, к чему что относится ... [...]

Глава VI. *Что способствует пространности и сжатости стиля?*

Пространности (οἰσόν) стиля способствует употребление определения понятия вместо имени, [обозначающего понятие], например, если сказать не «круг», а «плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра». Сжатости (syntomia) же [стиля способствует] противоположное, то есть [употребление] имени вместо определения понятия.

Глава VII. *Какими свойствами должен обладать стиль? – Как этого достигнуть?*

Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства (*patheticē*), если он отражает характер (*ethicē*) и если он соответствует истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским [...].

Слушатель всегда сочувствует оратору, говорящему с чувством, если даже он не говорит ничего [основательного]; вот таким-то способом многие ораторы с помощью только шума производят сильное впечатление на слушателей.

Выражение мыслей с помощью знаков (*sēmeiōn*) отражает характер [говорящего], ибо для каждого положения и душевного качества есть свой соответствующий язык; положение я различаю по возрасту, например, мальчик, муж или старик; [по полу], например, женщина или мужчина; [по национальности], например, лаконец или фессалиец. Душевными качествами [я называю] то, соответственно чему человек в жизни бывает таким, а не иным, потому что образ жизни бывает именно таким, а не иным в зависимости не от каждого душевного качества; и если оратор употребляет выражения, соответствующие душевному качеству, он обнаруживает свой нравственный облик, потому что человек неотесанный и человек образованный сказали бы не одно и то же и не в одних и тех же выражениях.

Все эти виды [оборотов] одинаково могут быть употреблены кстати или некстати. При всяком несоблюдении меры лекарством [должно служить] известное [правило], что человек должен сам себя поправлять, потому что раз оратор отдает себе отчет в том, что делает, его слова кажутся истиной. Кроме того, не [следует] одновременно пускать в ход все сходные между собой средства, потому что таким образом у слушателя является недоверие. Сложные слова, обилие эпитетов и слова малоупотребительные всего пригоднее для оратора, говорящего под влиянием гнева; простиительно назвать несчастье «необозримым, как небо» или «чудовищным». [Простительно это] также в том случае, когда оратор уже завладел своими слушателями и воодушевил их похвалами или порицаниями, гневом или дружбой, как это, например, делает Исократ в конце своего «Панегирика», [говоря]: «слава и память»

(phēmēn de cai mnēmēn), или «те, которые решились» (etlēsān вместо etolmēsān). Такое люди говорят в состоянии энтузиазма и выслушивают, очевидно, испытывая то же самое [...].

Глава IX. *Стиль связный и стиль периодический. – Период простой и период сложный. – Два вида сложного периода. – Противоположение, приравнивание и уподобление.*

Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает, и что что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходить – неприятно [...].

Период может состоять из нескольких членов или быть простым [...]. Колон – член периода, одна из частей его. Простым я называю период одночленный. Ни члены периода, ни сами периоды не должны быть ни укороченными, ни длинными, потому что краткая фраза часто заставляет слушателей спотыкаться: в самом деле, когда слушатель, еще стремясь вперед к тому пределу, о котором представление есть в нем самом, отбрасывается назад вследствие прекращения речи, он как бы спотыкается, встретив препятствие. А длинные периоды заставляют слушателей отставать подобно тому, как бывает с людьми, которые, [гуляя], заходят за намеченные пределы: они, таким образом, оставляют позади себя тех, кто с ними вместе гуляет [...].

Период, состоящий из нескольких членов, бывает или разделительный, или противоположительный. Пример разделительного периода: «Я часто удивлялся тем, кто установил торжественные собрания и учредил гимнастические состязания».

Противоположительный период – такой, в котором в каждом из двух членов одна противоположность стоит рядом с другой или один и тот же член присоединяется к двум противоположностям, например: «Они оказали услугу и тем, и другим, и тем, кто остался, и тем, кто последовал [за ними]; вторым они представили во владение больше земли, чем они имели дома, первым они оставили достаточно земли дома» [...].

Глава XI. *Еще об удачных выражениях и игре слов (asteia). Что такое наглядность? Отношение наглядности к метафоре. –*

Откуда следует заимствовать метафоры? – «Обманывание» слушателя: апофегмы, загадки, парадоксы, шутки, основанные на перестановке букв и на созвучии, омонимы. – Сравнение, отношение его к метафоре. – Пословицы и гиперболы и их отношение к метафоре.

Итак, мы сказали, что удачные выражения получаются из метафоры по аналогии и из оборотов, изображающих вещь наглядно; теперь следует сказать о том, что мы называем «наглядным» и результатом чего является наглядность. Я говорю, что те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают ее в действии [...]:

Тогда греки, воспрянув своими быстрыми ногами.

Выражение «воспрянув» означает действие и есть метафора, потому что заключает в себе понятие быстроты. И как Гомер часто пользовался [этим оборотом], с помощью метафоры представляя неодушевленное одушевленным. Во всех этих случаях от употребления выражений, означающих действие, фразы выигрывают, как, например, в следующих случаях:

Под гору камень бесстыдный назад устремлялся в долину.

И: Горькое жало стрелы.... назад отскочило от меди.

Острая стрела понеслась

В гуцу врагов, до намеченной жадная жертвы.

И: [Копья] в землю жалом вонзались, насытиться жаждая.

[...] И удачные гиперболы – метафоры, например, об избитом лице можно сказать: его можно принять за корзину тутовых ягод, так под глазами сине. Но это в значительной мере преувеличено [...].

Глава XII. *Каждому роду речи соответствует особый стиль. – Стиль речи письменной и речи полемической.*

Не должно ускользать от [нашего] внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же [стиль] в речи письменной и в речи полемической, в речи произносимой перед народным собранием и в речи судебной. Необходимо знать оба [рода стиля], потому что первый заключается в искусном владении греческим языком, а зная второй, не бываешь принужден молчать, если хочешь передать что-нибудь другим, как это бывает с теми, кто не умеет писать. Стиль речи письменной – самый точный, а речи полемической – самый актерский. Есть два вида по-

следнего [стиля]: один этический [затрагивающий нравы], другой патетический [возбуждающий страсти].

[...] Излишне продолжать анализ стиля [и доказывать], что он должен быть приятен и величественен, потому что почему [ему обладать этими свойствами] в большей степени, чем умеренностью, или благородством, или какой-нибудь иной этической добродетелью? А что перечисленные [свойства стиля] помогут ему сделаться приятным, это очевидно, если мы правильно определили достоинство стиля; потому что для чего другого, [если не для того, чтобы быть приятным], стиль должен быть ясен, не низок, но приличен? И если стиль болтлив или сжат, он не ясен; очевидно, что [в этом отношении] пригодна середина [...].

Глава XIII. *На какие две части должна разделяться речь? – Подразделение Аристотеля и подразделение, установившееся до него.*

Речь имеет две части, ибо необходимо назвать предмет, о котором идет речь, и доказать его; поэтому невозможно, назвав, не доказать или доказать, не назвав предварительно; человек доказывающий, доказывает нечто, и человек, предварительно излагающий что-нибудь, излагает это с целью доказательства. Первая из этих двух частей есть изложение (prothesis), вторая – способ убеждения (pistis), как если бы кто-либо разделил речь на части, из которых первая – задача, вторая – решение.

Следовательно, необходимые части речи – изложение и способ убеждения; они составляют ее неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение [...].

Глава XIV. *Анализ первой части – предисловия. Сравнение предисловия с мелодией. – Предисловия к речам эпидейктическим и судебным, к произведениям дифирамбическим, эпическим, трагическим и комическим. – Другие виды предисловия, общие для всех родов произведений, – из чего слагается их содержание и какая цель при этом преследуется?*

Итак, предисловие (prooimion) есть начало речи, то же, что в поэтическом произведении есть пролог, а в игре на флейте – прелюдия. Все эти части – начало; они как бы прокладывают путь для последующего.

[...] Итак, вот из чего [слагаются] предисловия к речам эпидейктическим: из похвалы, из хулы, из убеждения, из разубеждения, из обращений к слушателям. Эта «прелюдия» должна быть или связана с содержанием речи, или быть ему чуждой. Относительно предисловий к речам судебным следует установить, что они имеют такое же значение, как и прологи к драматическим произведениям и предисловия к произведениям эпическим. А предисловия к произведениям дифирамбическим подобны предисловиям к речам эпидейктическим, [например]: *Из-за тебя, твоих даров и добычи.*

В эпических произведениях предисловие есть показатель [содержания] речи, чтобы [слушатели] заранее знали, о чем будет идти речь, и чтобы уж не были в недоумении, потому что неопределенное вводит в заблуждение. А кто как бы дал в руку слушателю начало речи, тот [этим самым] дает возможность следить за речью. Поэтому-то [говорится]: *Пой, богиня, про гнев.*

И: *Муза, скажи мне о том многоопытном муже.*

И: *Скажи мне о другом, о том, как великая война из Азии перешла в Европу.*

Другие виды [предисловия], которыми пользуются [ораторы], представляют собой определенные приемы (*iatreumata*), они общи [всем родам произведений]; содержание их слагается в зависимости от личности самого оратора, от личности слушателя, от дела, от личности противника. Все, что способствует установлению обвинения или опровержению его, касается самого оратора или его противника. Но тут следует [поступать] неодинаково: оправдываясь, [следует приводить] то, что касается обвинения, в начале, а обвиняя, [следует приводить это] в заключении. Поэтому [следует поступать так], это совершенно ясно: когда оправдываешься, необходимо устранить все препятствия, раз рассчитываешь поставить самого себя перед судом, так что прежде всего следует опровергнуть обвинение. А когда сам обвиняешь, следует помещать обвинение в конце, чтобы оно больше осталось в памяти.

Предисловия, имеющие в виду слушателя, [возникают] из желания сделать слушателя благосклонным или рассердить его, а иногда еще из желания возбудить его внимание или наоборот, ибо не всегда полезно возбуждать его внимание; поэтому-то многие [ораторы] стараются рассмешить [слушателей]. Все это приводит к благосклонности [слушателя], если кто этого желает; [того же

достигнет оратор], если выкажет себя нравственно хорошим человеком, потому что [слушатели] относятся с большим вниманием к таким людям. [Слушатели] внимательно относятся ко всему великому и к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному; поэтому следует внушать слушателям, что речь идет о подобных предметах.

Обязанность возбуждать внимание слушателей, когда это нужно, лежит одинаково на всех частях речи, потому что внимание ослабевает во всех других частях скорее, чем в начале. Поэтому смешно стремиться к этому в начале, когда [и так] все слушают с наибольшим вниманием. Таким образом, следует, где это уместно, употреблять [такие фразы]: «Уделите мне ваше внимание, потому что это дело касается не больше меня, чем вас» и «Я вам скажу нечто такое страшное или такое удивительное, подобного чему вы никогда не слыхали».

Глава XVII. *Анализ третьей части речи (доказательства). – Откуда следует заимствовать и как строить доказательства в речах эпидейктических, произносимых пред народом, и судебных?*

Примеры более свойственны речам, произносимым пред народом, а энтимемы – речам судебным: первые имеют в виду будущее, так что необходимо приводить примеры их прошедшего, а вторые [касаются] того, что есть или чего нет; тут более нужны доказательства и понятие необходимости, потому что прошедшее имеет характер необходимости. Не следует приводить энтимемы одну за другой, а [нужно] примешивать их [к другим оборотам], в противном случае они вредят одна другой, потому что есть предел и для количества [...].

[Рассуждения, прямо] направленные против противника, не представляют собою какого-либо особого вида, так как к области способов убеждения относится опровержение доводов противника – посредством ли возражений, или посредством силлогизмов. Оратор, начиная речь, совещательную или судебную, должен сначала изложить свои собственные убеждения, а потом выступить против доводов своего противника [...]. Если же много пунктов, вызывающих возражения, то следует сначала приняться за них [...]. Говоря вторым, [оратор] должен сначала направить свою речь против речи противника, разбивая его доводы или противопоставляя

[им свои], особенно, если [доводы противника] имели успех, ибо как душа не привязывается к человеку, который раньше подвергся обвинению, точно так же [не принимает она] и речи [оратора], если речь противника представляется убедительной. Нужно таким образом в душе слушателя очистить место для предстоящей речи, чего ты достигнешь, опровергнув [доводы противника]; по этой причине должно придать своим словам вес посредством предварительной борьбы или со всеми доводами противника, или с главнейшими из них, или с наиболее поддающимися опровержению.

Глава XVIII. *Три случая, когда в речи уместно прибегать к вопросу. – Двусмысленные вопросы. – Шутки.*

Что касается вопроса, то его всего уместнее предлагать тогда, когда одно из двух положений высказано таким образом, что стоит предложить один вопрос, чтобы вышла нелепость; например, Перикл спросил Лампона о посвящении в таинства «Спасительницы». Тот ответил, что об этом невозможно слышать непосвященному. «А сам ты знаешь об этом?» – спросил Перикл и, получив утвердительный ответ, [сказал]: «Как же [ты узнал], когда не был посвящен?»

Во-вторых, [вопрос уместен], когда из двух пунктов один сам по себе ясен, а относительно другого ясно, что на вопрос о нем дан будет утвердительный ответ. Установив с помощью вопроса одно какое-нибудь положение, не следует предлагать еще вопрос о том, что само по себе ясно, а прямо выводить заключение; так, например, Сократ спросил Мелета, утверждающего, что он не признает богов: «Признаю ли я, по-твоему, существование каких-нибудь демонов?» И, получив утвердительный ответ, продолжал: «А демоны не дети ли богов или не нечто ли божественное?» И на утвердительный ответ спросил: «Есть ли такой человек, который бы признавал детей богов, а самих богов не [признавал бы]?»

В других случаях не [следует] прибегать [к вопросам], потому что, если [противник] устоит пред вопросом, [спрашивающий] представляется побежденным, так как невозможно предлагать много вопросов вследствие неподготовленности слушателей. По той же причине следует придавать энтимемам как можно более сжатый вид.

Что касается шуток, которые, по-видимому, занимают некоторое место в прениях, то, как говорит Горгий, следует серьезность противника отражать посредством шутки, а шутку посредством серьезности [...].

Глава XIX. *Анализ четвертой части речи – заключения. – Четыре части, на которые распадается заключение, и их анализ.*

При составлении эпилога оратору нужно: во-первых, постараться хорошо расположить слушателей к себе и дурно – к противнику, во-вторых, применить преувеличение и умаление, в-третьих, разжечь страсти слушателей, в-четвертых, напомнить [для чего произнесена речь].

Вопросы и задания

1. Какой смысл Аристотель вкладывает в понятие «стиль»?
2. Как Аристотель определяет метафору? В чем сходство и различие между метафорой и сравнением?
3. Какой стиль, по мнению Аристотеля, можно назвать «холодным»? В чем причины «холодности» стиля?
4. Какие правила следует соблюдать, чтобы речь была четкой, последовательной? Какие закономерности между построением речи и содержанием установил Аристотель? Какие компоненты должна включать ораторская речь? В какой последовательности данные компоненты должны быть расположены в речи?
5. На сколько частей, согласно Аристотелю, можно разделить публичную речь? Какие цели должны реализовывать начало и конец речи?
6. Сопоставьте классификацию речей Аристотеля и современные деления речей. Есть ли между ними общее? Какие теоретические положения Аристотеля были развиты в современной риторике?
7. Прочитайте текст Д.С. Лихачева «Письма к молодым читателям» (см. приложение, с. 150). Сформулируйте и сопоставьте свойства, которыми должен обладать хороший научный стиль, выделенные Аристотелем и Д.С. Лихачевым. Укажите, в чем заключается сходство и различие между ними.

I. Первая классификация речей по цели была предложена Аристотелем в его знаменитой «Риторике». С учетом места и времени общения оратор выделил речи совещательные, судебные и эпидейктические. При этом совещательная речь, как он считал, обращена в будущее, выступает в форме совета и ставит целью склонить к совершению определенного действия; судебная речь обращена в прошлое и ставит целью убедить в виновности или невинности подсудимого; эпидейктическая речь обращена к настоящему и ставит целью похвалить или поругать человека.

Определите вид следующих речей, их цель и установите, какие языковые средства формируют эмоциональный образ оратора.

1. ... Впрочем, чего еще недостает до крайней его надменности? Не предписывает ли он Фессалийцам, каким образом должны они управлять? Не посылает ли он наемные войска – одни в Портмос, чтобы изгнать Эрейтрийских демократов, другие в Ореос, чтобы поставить тирана Филистида? Но тем не менее Эллины, видя это, терпят и, мне кажется, смотрят таким же образом на него, как смотрят на град, – всякий молится, чтобы этого не было, но никто не старается этому препятствовать. И не только никто не отражает то, благодаря чему вся Эллада им посрамляется, но не отражает и то, вследствие чего каждая греческая народность в отдельности от него терпит оскорбление. Дальше этого уже идти некуда! Не дошел ли до Амбраки и Левкады – колоний коринфских? Не поклялся ли передать ахейский город Навпакт Этолийцам? Не отнял ли он Эхин у Фиванцев? И теперь не идет ли он на Византийцев, его союзников? Не присвоил ли он – не от нас, я умалчиваю о прочем, – не от Херсонеса – его главный город Кардию? И вот, нагло обращается со всеми, как, думаете вы, он терпя это, все мы медлим, нежимся, смотрим на соседей, не доверяем друг другу, а не ему. Который наносит нам оскорбление. Так, если он сейчас поступит, когда станет господином над каждым из нас в отдельности?

Что же за причина настоящего положения? Ведь не без основания и не без справедливой причины тот факт, что тогда Эллины так рвались к свободе, а теперь так расположены к рабству. Было тогда, было, Афиняне. Нечто такое в образе мыслей большинства,

чего теперь нет, что и одержало верх над богатством Персов и вело к свободе Элладу, которая не уступала никому ни в морском, ни в пешем сражении. Теперь же все потеряно, все расстроилось и во всех делах низ стал верхом (Демосфен)¹.

2. До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости?.. Или ты не чувствуешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знают о твоём заговоре, и тем ты связан по рукам и ногам?

Таковы времена! Таковы наши нравы! Все понимает сенат, видит консул, а этот человек еще живет и здравствует! Живет? Да если бы только это! Нет, он является в сенат, становится участником общегосударственных советов и при этом глазами своими намечает, назначает каждого из нас к закланию. А что же мы? Что делаем мы, опора государства? Неужели свой долг перед республикой мы видим в том, чтобы вовремя уклониться от его бешеных выпадов? Нет, Катилина, на смерть уже давно следует отправить тебя консульским приказом...

Боги бессмертные! Есть ли где народ, есть ли город такой, как наш? Что за государство у нас? Здесь, среди нас, отцы сенаторы, в этом святейшем и могущественнейшем совете, равного которому не знает круг земель, здесь пребывают те, кто помышляет о нашей общей гибели, о крушении этого города и чуть ли не всего мира (Цицерон)².

3. Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды, а тем, кто трудится на общее благо, стремясь быть полезным не только себе, ни наград, ни почестей не воздают, хотя они более достойны уважения, ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем, кто желает приобщиться к плодам его мысли. Но, решив с этим не считаться и полагая достаточной наградой славу, которую мне принесет эта речь, я пришел сюда, чтобы призвать Элладу к единству и к войне против

¹ Демосфен. Из третьей речи «Против Филиппа» (царя Македонии) // Ораторы Греции. – М., 1985. – С. 39–64.

² Цицерон Марк Тулий. Против Катилины / Марк Тулий Цицерон // Избранные сочинения. – М., 1975. – С. 134–147.

варваров. Хотя многие, притязавшие на звание ораторов, уже выступали на эту тему, я твердо намерен их превзойти, ибо лучшими речами считаю такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу, а моя речь, надеюсь, именно такова...

Пусть те из вас, кто сведущ в делах государства, добиваются примирения Афин и Спарты, а те, кто опытен в красноречии, пусть перестанут рассуждать о денежных залогах и прочих безделках, пусть лучше попробуют превзойти эту речь и поищут способа на эту тему высказаться красноречивей, чем я, помня, что настоящему мастеру слова следует не с пустяками возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что их избавит от бедности и другим принесет великие блага (Исократ)¹.

КРАСНОРЕЧИЕ В БЕЛАРУСИ

В ораторской прозе Киевской Руси по аналогии с византийским красноречием выделяют два жанра, два стиля: дидактическое, или учительское, и панегирическое, или торжественное. Каждому стилю свойственна своя тематика, свой язык, свои художественные средства.

Прочитайте тексты. Определите, к какому виду и жанру красноречия они относятся.

Кирилла Туровский²

Притча о человеческой душе и о теле³

Хорошо же, братья, и очень полезно понимать нам Святого писания смысл: это и душу делает целомудренной, и на смирение

¹ Исократ. Панегирик // Ораторы Греции. – М., 1985. – С. 339–364.

² Крупнейший древнерусский мыслитель и писатель Кирилла Туровский (ум. до 1182 г.) всю свою жизнь прожил в Турове, небольшом городе на реке Припяти, центре Турово-Пинского княжества. Выходец из богатой семьи, он получил прекрасное богословское образование, кроме того, специально обучался красноречию. Уже в зрелые годы Кирилла ушел в монастырь. Стремясь к подвигам во имя Христова, и не удовлетворяясь обычными монашескими тяготами, он через некоторое время покидает обитель и затворяется «в столп» – уединенную башню, где предается духовному самосовершенствованию и литературным занятиям.

³ www.old-ru.ru/03-14.html

направляет ум, и сердце на стремление к добродетели изостряет, и самого человека делает благодарным, и на небеса к божьим заветам мысль устремляет, и к духовным трудам тело укрепляет, и пренебрежение к этой земной жизни, и богатству, и славе дает, и все житейского мира печали отводит. Потому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святыя книги, чтобы, божьим насытись словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь: если она и невидима, зато вечна и конца не имеет, прочна и недвижима. Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись, постараемся делом исполнить это. Ибо сладко – медвяный сот, и хорошо – сахар, обоих же лучше книжное знание: потому что оно – сокровище вечной жизни. Если бы здесь кто нашел земное сокровище, то на все и не посягнул бы, но лишь один драгоценный камень взял бы – и вот уже без печали питается, как до самой смерти богатство имеющий. Так и нашедший сокровище священных книг, а также пророческих, и псаломских, и апостольских, и самого спасителя Христа сохраненных речей, ум истинный, размышляющий, – уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему. Сюда и подходит евангельская притча, говорящая: «Всякий книжник, познавший царство небесное, подобен мужу домовитому, который из сокровищ своих раздает и старое, и новое»; если же от тщеславия, большим угождая, малыми пренебрегает, дерзко скрывает серебро господина, не пустив его в оборот при жизни, чтобы удвоить царское серебро – человеческие души, то, узря горделивый его ум, возьмет господь от него свой талант; ибо сам он гордым противится, смиренным же дает благодать. Если же мира сего властелины и в житейских делах погрязшие люди усердно требуют книжного знания, насколько больше следует нам учиться у них и всем сердцем в него погружаться, познавая речи господни, о спасении душ наших писанные! Но затрудняется мой неясный ум, слабый разум имея, не может нужных слов по порядку изложить и подобен слепому стрелку, над которым смеются, ибо не может попасть в свою цель. Пусть же не от себя изложу я необученным языком, но из священных извлекая писаний; с великой боязнью евангельских решаюсь коснуться речей, для начала господню притчу сказав так, как Матфей ее церкви донес.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ¹ СЛОВО О ВЗЫСКАНИИ ПРЕМУДРОСТИ²

Се коликая, о православнии людие, премудростей изводства, полза и приобретение. Вы же оставивше греческий языкъ, и небрежуще о нем, от него же имеете просвещение ваше въ вере православной, оставили есте и мудрость и аки оземствовасте ю. Страннии роди и противнии вере православной на западе обитающии, греческий языкъ яко светилник держать ради мудрости его и училища его назидают...

О твоей паки богомъ дарованной ревности, благочестивейший, тишайший, самодержавнейший государю царю и великий княже, Алексей Михайловичъ, всея великия, и малыя, и белыя России самодержче, вемы то, яко теплый еси рачитель премудрости: видимъ ты подобно Соломону в любительстве ея. Тем же и дарова тебе господь по желанию сердца твоего, еже ся разумно и премудро делати, строити и правити. Точию о семь твои царский пресветлый престоль умоляемъ: да якоже солнце, месяцъ, звезды, планиты, и всю поднебесную освещаетъ, тако и ты солнце сый России, даромъ премудрости свыше тебе дарованымъ, вся тебе подрученныя осветиши. Положи от ныне в сердце твоемъ, еже училища, тако греческая, яко славенская, и иная назидати, спудеовъ милостию си, и благодатию умножати, учителя благоискусныя взыскати, всехъ же честми на трудолюбие поощряти. То абие узриши многи учения тщатели, а в мале времени приимеши дасть богъ плодъ стократный и полныя рукояти от сихъ семен...

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕЙ. ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ РЕЧИ

I. *Определите, к какому типу красноречия относятся следующие тексты. Аргументируйте свой ответ.*

¹ Симеон Полоцкий (Самуил Петровский-Ситнианович) родом из Беларуси. Получил прозвище Полочанин, или Полоцкий, в Москве. Окончил Киево-Могилянскую академию. Основатель Московской Славяно-греко-латинской академии.

² Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.) – М., 1987. – С. 384.

1. Спор упирается в вопрос: что такое культура? Я не могу дать ей определение, которое удовлетворило бы всех. Но я хочу обратить внимание на некоторые ее свойства, о которых не следует забывать. Прежде всего, для каждого человека культура едина. Нельзя говорить, что в некоторых случаях нас якобы удовлетворяет одна культура, в других – другая. Культура не вызывается настроением, как дух из кувшина. Человек принадлежит ей целиком. Он пронизан ею, он с нею слит.

Культура не может делиться на популярную, создающую знаменитостей, и непопулярную, известную немногим. Культура театральных пьес Шекспира неизменна. Она не зависит от того, был ли Шекспир широко известен или, напротив, мало известен в ту или иную эпоху. Мерить культуру популярностью произведений нельзя. Вопрос о распространенности той или иной культуры, ее типа – это особый вопрос. И если уровень культуры нельзя измерить по степени ее известности, распространенности, то тем более нельзя измерить ценность отдельных памятников культуры, людей культуры по количеству строк в энциклопедических словарях. Количество строк в энциклопедиях должно соответствовать нужде в разъяснениях, степени сложности вопроса, величине его охвата. Ну, да бог с ними, с энциклопедиями (Д.С. Лихачев).

2. Восемьдесят семь лет тому назад наши праотцы породили на этом материке новую нацию, зачатую под знаком Свободы и посвященную принципу, что все люди созданы равными. Ныне мы ведем великую гражданскую войну, подвергающую испытанию вопрос, может ли эта нация или любая другая нация, так зачатая и тому посвященная, долго просуществовать. Мы сошлись на поле одной из великих битв этой войны. Мы пришли освятить часть этого поля как место последнего упокоения тех, кто отдал жизнь свою, чтобы эта нация могла жить. Такое действие нам вполне подобает и приличествует. Но, в более обширном смысле, мы не можем посвящать, мы не можем освящать, мы не можем возводить в святыню это место. Мужественные люди, – живые и мертвые, – здесь боровшиеся, уже осветили его, далеко превысив при этом все, что мы с нашими слабыми силами могли бы прибавить или отнять. Мир мало заметит и не запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он никогда не сможет забыть то, что они здесь свершили. Это нам, живым, скорее следует здесь посвятить себя незаконченному

делу, которое сражавшиеся здесь двигали доселе столь доблестно. Это скорее нам следует посвятить себя великому труду, который еще остается пред нами; дабы набраться от этих чтимых нами усопших вящей преданности тому делу, которому они принесли последнюю полную меру преданности; дабы нам здесь торжественно постановить, что смерть этих умерших не останется тщетной; что эта нация, с помощью Божьей, обретет новое рождение свободы и что правление народное, народом и для народа не исчезнет с лица земли (Речь Авраама Линкольна, произнесенная 19.11.1863 г. на открытии Геттисбергского кладбища. Перевод В. Набокова).

3. Дорогие друзья! Сегодня я хочу поговорить с вами о таком, казалось бы, давно известном и вкусном продукте, как мороженое. Съев очередную порцию импортного чуда, я вдруг подумала о том, что оно, помимо того, что полезно, вкусно и питательно, о чем неустанно повторяет реклама и с чем спорить не приходится, обладает еще и другими качествами, не очень, может быть, заметными на первый взгляд.

Во-первых, оно позволяет нам познавать новые вкусовые ощущения и еще раз убедиться в том, что нет предела человеческой фантазии. Как просто было в этом отношении еще лет пять назад: мы имели фруктовое, сливочное, пломбир и очень редко эскимо. Быстренько перепробовали весь этот нехитрый набор и все! А с выходом нашей страны на большую мировую арену, вернее, с выходом всемирно известных компаний на нашу большую арену, мы оказались просто захлестнуты валом сладкой продукции. Скажите, разве когда-нибудь мы могли предположить, что сливочное мороженое прекрасно сочетается не только с шоколадом и орехами, но и со сгущенной тянучкой, кукурузными хлопьями, кока-колой, кокосовой стружкой и т. п. Во-вторых, оно возбуждает чувство азарта: азарта первооткрывателя! И начинается соперничество с друзьями: кто попробует больше, кто съест первым... Смотрите: вот пуншевое, а вот с ромом, с цукатами, с миндалем. Экзотика!

Но оказывается, что мороженое помимо этих свойств обладает еще одним – оно может переносить нас в детство как машина времени. Представьте себе, что лето, жарко, вы идете по проспекту. Народу вокруг полно, вы едите мороженое, а оно тает, оно бессовестно течет по вашим рукам, такое дорогое и вкусное. Еле успеваешь слизывать его с пальцев. И тут натыкаешься на укоризненный

и строгий взгляд какой-нибудь дамы, и сразу чувствуешь себя ناشкодившим ребенком: с пальцев – языком! И кажется, что сейчас мама даст подзатыльник и отчитает за такое свинство! Только не говорите, что это не правда. Каждый хоть раз попадал в такую ситуацию. Машина времени работает, просто иногда дает сбои. И это замечательно! Не стесняйтесь оказаться на несколько минут в роли ребенка. Ведь это здорово, что мы можем себе это позволить, окунуться в давно забытый, но такой притягательный мир вкусов и ощущений своего детства. Поэтому не обращайте внимания на то, что это удовольствие весьма дорогое, а помните только о том, что мороженое – это вкусно, полезно, питательно и, наконец, просто приятно и для души, и для тела. А значит, ешьте мороженого больше, ешьте чаще, и вообще, ешьте, пока не растаяло! (В. Сахнова. «Мороженое»)

II. Красноречие, будучи живым процессом, состоящим из двух стадий, едино по своему творческому характеру. Первая стадия может быть названа временем ораторского замысла, его вынашивания, продумывания идеи и темы, а тем более конкретного содержания предстоящего выступления, его конспектирования. Вторая стадия – это уже реальное воплощение замысла и темы ораторской речи – ее публичное исполнение. Как на первой, так и на второй стадиях оратор целиком предоставлен самому себе, и его труд составляет единство первичного и вторичного творчества. В своей работе истинный оратор самостоятелен и в известной мере оригинален от начала и до конца.

Проанализируйте возможные ситуации, где вам может понадобиться выступить с речами на предложенные темы. Сформулируйте для каждой ситуации цель и задачу речи. Выступите на одну из тем с небольшой речью.

1. Опасности купания в озерах. 2. Реклама обманывает вас. 3. Как выбирать профессию. 4. Как следует изучать географию (педагогику, филологию...) 5. Новая система вступительных экзаменов. 6. Образованный человек – полезный человек. 7. Импортные лекарства на нашем прилавке. 8. Собака – мой друг. 9. О пользе сна. 10. Курсы по интересам для старшеклассников.

III. Сенека говорил: «Кто не знает, в какую гавань плывет, для того нет попутного ветра». Эти слова напрямую связаны с

первым правилом риторики – инвенцией – постановкой цели и задачи. Но в любой речи существует и сверхзадача – это скрытая идея, которая внушается слушателям путем воздействия на их чувства и подсознание. Термин «сверхзадача» ввел К.С. Станиславский в теорию театрального искусства, и означает он ту скрытую пружину действия, которая, по замыслу режиссера, должна на протяжении всего спектакля удерживать эмоции зрителей в русле режиссерского замысла. Сверхзадача никогда не предъявляется открыто, а прячется в подтексте. Ее содержание никак не связано с родом речи по цели и зависит только от намерений говорящего.

Сформулируйте задачу и сверхзадачу речи на предложенные темы:

1. Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу (А.Т. Твардовский).
2. Разобщенность человечества угрожает ему гибелью (А.Д. Сахаров).
3. Если ты выстрелишь в прошлое из ружья, то будущее тебе ответит из пушки (Р. Гамзатов).
4. Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Но кто управляет настоящим, тот управляет прошлым (Джордж Оруэлл).

IV. Второй шаг в подготовке речи – формулирование основного тезиса речи. В отличие от темы речи, где предмет выступления только предъявляется, тезис – это стержень высказывания, который оратор постоянно держит в памяти, чтобы сохранить смысловое единство речи. «Тезис – это основное положение, которое оратор собирается доказывать или защищать. В тезисы не включаются доказательства, факты, иллюстрирующие основные положения. Но надо помнить, что тезис – это не вопрос, а сжатый определенный ответ на основной вопрос»¹. Последовательность операций при вычленении тезиса выглядит так: 1) внимательное чтение текста и выделение основных смысловых частей; 2) формулирование основной мысли в каждой части; 3) формулирование основной мысли всего текста, объединяющей все смысловые части в целое высказывание, и задачи речи.

Проанализируйте Нобелевскую речь А. Солженицына по предложенной схеме (см. приложение, с. 131).

¹ Иванова С.Ф. Лекторское мастерство. – М., 1983. – С. 46.

В. Основной критерий отличия нравственного оратора указал Н.Ф. Кошанский: «Красноречие всегда имеет три признака: силу чувств, убедительность и желание общего блага. Первые два могут быть и в красноречии мнимом; последний существенно отличает истинное красноречие»¹. Таким образом, именно стремление к общему благу определяет оценку нравственно-ценностной ориентации оратора (этоса), которая проявляется во всем: в выборе темы речи, определении задачи общения, в предмете выступления, в отборе средств аргументации, в атмосфере встречи и т. д.

Прочитайте фрагмент из книги А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Определите речевой имидж этого персонажа. Какими риторическими средствами он создается?»²

Завхоз НИИ ЧАВО инструктирует сотрудника, которому предстоит дежурство по институту в ночь под Новый год. Помните, однако, что это волшебный институт, поэтому демоны там работают как вахтеры и их можно заговаривать. Дубль – это копия человека, способная выполнять некоторые его функции. В остальном же – это вполне нормальное учреждение.

– Дежурство по учреждению во время праздников – занятие ответственное. Это вам не кнопки нажимать. Во-первых – противопожарная безопасность. Это главное. Не допускать самовозгорания. Следить за обесточенностью вверенных вам производственных площадей. И следить лично, без этих ваших фокусов с раздваиваниями, растраиваниями. Без этих ваших дубелей. При обнаружении фактора горения немедленно звонить по телефону 01 и приступать к принятию мер. На этот случай получите сигнальную дудку для вызова авральной команды (он вручил мне платиновый свисток с инвентарным номером). А также никого не пускать. Вот список лиц, которым разрешено пользоваться лабораториями в ночной период, но их все равно не пускать, потому что праздник. Во всем институте чтоб ни одной живой души. Демонов на входе и выходе загово-

¹ Кошанский Н.Ф. Общая риторика. – СПб., 1835. – С. 11.

² Анисимов Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика // www.twipx.com/filc/34641/

ритель. Понимаете обстановку? Живые души не должны входить, а все прочие не должны выходить. Потому что уже был пренцендент, сбежал черт и украл луну. Широко известный пренцендент, даже в кино отражен.

Значит, в 15.00 в соответствии с трудовым законодательством рабочий день закончится, и все сдадут вам ключи от своих производственных помещений. После чего вы лично осмотрите территорию. В дальнейшем производите обходы каждые 3 часа на предмет самовозгорания. Не менее двух раз за период дежурства посетите виварий. Если надзиратель пьет чай – прекратите. Были сигналы: не чай он там пьет. В таком вот аспекте. Пост ваш в приемной у директора. На диване можете отдыхать. Завтра в 16.00 вас сменит Почкин Владимир из лаборатории товарища Ойры-Ойры. Доступно?

– Вполне, – сказал я.

VI. Античные философы декларировали связь искусства убеждения с наукой о мышлении, об умении обнаруживать противоречия в рассуждениях, о способности находить доводы разума в поддержку своей мысли. Древние мыслители называли эту науку диалектикой (греч. *вести спор, беседу*). Позднее наука о способах рассуждения стала называться логикой (греч. *мысль, слово, закономерность*). Истоки традиционной логики заложил Аристотель. Со времен античности риторика стала связываться с двумя другими науками – логикой, наукой о способах рассуждения, и грамматикой, наукой о правильном построении речи. Величайшим мастером, владевшим в совершенстве искусством логического построения речи, был Сократ.

Вспомните, что такое силлогизм. Расскажите: а) из чего он состоит; б) какие суждения выступают в качестве общей посылки; в) какие суждения выступают в качестве меньшей посылки; г) на какие части делятся суждения в посылках; д) как образуется заключение силлогизма?

VII. *Вспомните четыре основные фигуры силлогизма. Для проверки знаний обращайтесь к таблице. На какой аксиоме основано действие силлогизма?*

1. Фигура		Большая посылка – общее суждение. Меньшая – утвердительное. <i>Все художники любят рисовать.</i> <u><i>N – художник.</i></u> <i>N любит рисовать.</i>
2. Фигура		Большая посылка – общее суждение. Меньшая – отрицательное суждение. <i>Все музыканты знают ноты.</i> <u><i>N не знает нот.</i></u> <i>N – не музыкант.</i>
3. Фигура		Меньшая посылка – утвердительное суждение. Заключение – частное суждение. <i>Все тигры любят мясо.</i> <u><i>Все тигры усатые.</i></u> <i>Некоторые усатые любят мясо.</i>
Встречается редко	Не дает общеутвердительных суждений.	
4. Фигура		Если большая посылка является утвердительным суждением, то меньшая посылка должна быть общим суждением. Если одна из посылок отрицательная, то большая посылка должна быть общей. <i>Женщины любят цветы.</i> <u><i>Любящие цветы покупают их.</i></u> <i>Женщины являются одними из тех, кто покупает цветы.</i>

VIII. Что называется энтимемой? Что такое истинная посылка, или в чем состоит закон достаточного основания?

IX. *Определите, являются ли следующие силлогизмы правильными.*

а) Сократ – человек.

Человек – не то же самое, что Сократ.

Сократ – это нечто иное, чем Сократ.

б) Боги ни в чем не нуждаются, обладая полнотой бытия, а потому никуда не стремятся.

Эрот стремится к прекрасному, которого ему не хватает.

Эрот не бог.

в) Материя вечна.

Бархат – материя.

Бархат вечен.

X. *Сделайте вывод из следующих посылок:* Все планеты Солнечной системы движутся вокруг Солнца; Меркурий – планета Солнечной системы. Преобразуйте силлогизм в энтимему так, чтобы: а) была опущена большая посылка; б) была опущена меньшая посылка (используйте в энтимеме причинные союзы и слово «поэтому»).

XI. *Определите, какая посылка опущена в энтимеме:* Иванов не музыкант, так как не знает нот?

XII. *Выясните, что опущено в следующих энтимемах – посылка или заключение. Восстановите энтимемы до полного категорического силлогизма:*

а) Это животное кит, следовательно, это животное не дышит жабрами.

б) Тренировка памяти – важное и необходимое условие интеллектуальной деятельности человека, а заучивание поэтических текстов есть вид тренировки памяти.

XIII. Постройте несколько энтимем, обосновывающих ваше мнение относительно некоторого лица. Допустим, вы хотите обосновать

а) почему данное лицо нельзя назвать порядочным человеком. Какая фигура использована в данном силлогизме?

Все порядочные люди – ...

Он не ...

Он не порядочный человек.

б) почему его можно считать профессионалом в своем деле; в) почему его можно считать талантливым человеком; г) почему его можно назвать образованным человеком; д) почему его нельзя назвать интеллигентным человеком; е) почему его нельзя назвать воспитанным человеком; ж) почему его нельзя назвать благородным человеком?

XIV. Вспомните, что такое сорит. Используя сорит, постройте рассуждения, доказывающие что а) зависть делает человека несчастным; б) смертную казнь нужно отменить / сохранить.

XV. Как вы считаете, достаточно ли много знать и учиться, чтобы считаться образованным, умным, интеллигентным, творческим, воспитанным, профессионалом? Чем, по-вашему мнению, отличаются понятия «культурный человек» и «воспитанный человек»?

XVI. Прочитайте отрывок из очерка Ю.М. Лотмана «Мы живем потому, что мы разные». Как автор определяет глупого человека? Сравните данное определение с известным высказыванием Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю» и установите, в чем сходство данных определений. В чем, по мнению автора, разница между культурным и некультурным человеком?

Ведь первое свойство глупого человека – он считает себя умнее других; первое свойство умного человека – понимать ограниченность нашего ума. Нашего. Надо понять, что творчество необходимо человеку. Представление, что сначала хлеб, а потом творчество, –

одна из самых распространенных ошибок. Не будет хлеба без творчества.

Итак, значит, во-первых, разные люди – и одинаковые. Как язык. Во-вторых, творчество. Из этого вытекает еще одна особенность – терпимость. Разница между культурным и некультурным человеком может определяться несколькими способами. Но есть один практический критерий – человек сталкивается с непонятным: он может заинтересоваться или обозлиться. Культурный человек заинтересуется, некультурный человек обозлится. Ломоносов предложил бессмертную формулу – «пугливые невежды». Невежды пугливы, подозрительны, им кажется, что весь мир в заговоре против них. И особенно бояться людей, которых не понимают, которые чем-то не похожи на них.

XVII. Прочитайте отрывок из завещания А.П. Чехова. Кого, по мнению автора, можно назвать воспитанным человеком? Как вы считаете, совместимы ли понятия «порядочный» и «лживый» человек? Для выражения своей точки зрения используйте следующие языковые средства: по-моему, я считаю, что.., я полагаю, что..; на мой взгляд; я думаю, я уверен, я убежден и т. п.

Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2. Они сострадательны... болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом.

3. Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня... Не лгут даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего...

5. Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними...

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства со знаменитостями...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...

8. Они воспитывают в себе эстетику....

XVIII. *Подготовьте и проведите в группе дискуссию на тему: «Согласны ли вы с утверждением, что в современном мире преуспевают только наглые и напористые люди?»*

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РЕЧИ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ. МОНОЛОГИЧЕСКАЯ И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ. ДИСКУССИОННАЯ РЕЧЬ.

I. Аристотель выделил три типа речей в зависимости от целей, которые преследует оратор: *совещательные, судебные и эпидейктические*. Классификацию речей ученый дополнил типологией по месту произнесения: *судебные* речи произносятся в суде, *совещательные* – в народном собрании, *эпидейктические* речи (хвалебные и порицающие) произносятся там, где нужно говорить о добродетели или пороке. В современной риторике *совещательные* речи ученые называют *убеждающими*, цель которых – принять точку зрения оратора относительно какого-то положения вещей.

Сформулируйте цель речи, если тема определена следующим образом:

1. День Победы – ваш праздник. 2. Необходимо ввести суд присяжных. 3. Сны и сновидения. 4. Необходима реформа городского самоуправления. 5. Введем в школе новую систему оценок. 6. Как предупредить простудные заболевания. 7. Вам необходимо избавиться от речевых ошибок. 8. Двадцать лет родной школе. 9. Чего можно добиться с помощью диеты. 10. Нужно сохранить бесплатное высшее образование.

II. *Определите тип речи, сформулируйте цель и тему.*

1. Нет, вряд ли появится когда-нибудь на земле такая вычислительная техника, на которой можно будет подсчитать, и измерить длину и ширину тех духовных нитей и дорог, которые связывали и связывают душу белорусскую с душой русской. Нет, и не будет никогда тех весов, на которых можно было бы взвесить то духов-

ное богатство, что пришло с просторов России, ее театров, музеев и библиотек на нашу белорусскую землю, что проросло в наших сердцах неисчерпаемыми чувствами любви, преданности и благодарности, что дало нам духовную закалку. Связи русского и белорусского народов имеют очень глубокие и разветвленные корни. Корни эти идут из глубины столетий, придавая этому дереву необычайную мощь и силу. У нас общая история, мы воевали против одних и тех же врагов, которые шли с мечом с Запада, у нас общие трагедии и общие победы. Они укрепили единство веры, традиций, быта, культуры.

Белорусский народ заплатил огромную цену за победу над фашизмом. И мы чтим подвиг каждого, кто героически сражался на фронтах Великой Отечественной, кто завоевал нашу Победу, наше мирное будущее...

У славян память победы вырвать невозможно. Мы – наследники победителей! Отстаивать свою историю, память, победу будем всегда! Господь даровал каждому из нас всего лишь одну, не слишком длинную жизнь для того, чтобы мы стремились к солнцу, к мечте, к добру. Почему кто-то решил, что имеет право распорядиться этой чужой жизнью? Что стало с нашей памятью? Ведь именно благодаря ей происходит накопление человеческого опыта, его сохранение и творческое использование, делаются выводы, анализируются ошибки с целью их неповторения в будущем... На данном этапе у наших северных соседей, в странах Балтии, происходит переоценка ценностей. Не успев вступить в Евросоюз, они стали переписывать историю под себя. Начали чернить имена героев-освободителей, устраивать позорные парады фашистов. Грустно и больно...

В Грузии тоже забыли о прошлом, развязав братоубийственную войну с осетинами и абхазцами. И это в день открытия Олимпиады! Невзирая на девиз: «О спорт! Ты – мир!»

Все это оскорбляет историческую память многомиллионного советского народа, его наследников, то есть нашу память. А где нет памяти, там нет будущего!..

История – лучший учитель. Поэтому нам следует знать прошлое, чтобы в будущем, выстраивая свой путь, опираться на сложившуюся духовность, связь с настоящим. Знать прошлое необходимо и потому, что сегодня многие люди в погоне за красивой жиз-

нью, за «крутым» имиджем забывают о своем родном, о близком, о своей Родине... Но я верю, что в наших возможностях все изменить к лучшему. В наших руках очень важные ниточки, связывающие нас друг с другом, с Богом, со Вселенной. Духовное единение – великая сила...¹.

2. Уважаемые дамы и господа!

Имя доктора Фридриха Йозефа Гааза имеет для меня особое значение... Гааз приехал в Россию и на всю жизнь остался связан с этой страной. Его пример впечатляюще подтверждает, что русские – в каком бы положении они ни находились – всегда сохраняют сердечность, позволяющую им воспринимать чувства других людей и понять их. Такое чувство они испытывали и по отношению к доктору Гаазу. Не случайно люди в России называли крещенного в католичество Фридриха Йозефа Гааза «святым доктором».

Сначала доктор Гааз приехал в нашу страну, чтобы лечить тех людей, которые могли заплатить за лечение. Однако он изменил свою жизнь, посвятил себя помощи заключенным, бедным и отчаявшимся людям. Он был человеком, чье сердце переполнялось от сочувствия и любви к людям. Именно поэтому имя его сохранилось столь живо в нашей истории и в памяти русских людей, даже несмотря на то, что с той поры прошло очень много времени. Русские и немцы имеют богатую общую историю. В ней много хорошего, о чем любят вспоминать и к чему охотно обращают свое внимание вновь, но есть и такое, о чем хотелось бы забыть. Но мы не должны забывать, мы должны помнить! Не для того, чтобы в чем-то обвинять друг друга, но чтобы извлекать уроки и ориентироваться на тот огромный позитивный потенциал, который заложен в российско-германских отношениях.

Нас всех затрагивает то, что происходило с русскими и немцами в их недавней истории и как они действовали. В последней серии кинофильма «Освобождение», который я смотрел в последние дни накануне годовщины окончания войны, приводятся цифры потерь, которые понесли народы, в том числе главные участники –

¹ Рында Сергей (учащийся Слонимского государственного лицея) // Россия и Беларусь: историческая и духовная общность: материалы III междунар. олимпиады школьников. – Смоленск: СмолГУ, 2009. – С. 92–97.

русские и немцы. Немцы потеряли 9,7 миллионов, русские – более 20 миллионов человек. Если мы об этом забудем, то мы ничего не стоим как нации, нас нужно вычеркнуть из истории человечества. Но мы ничего не забыли. Когда сегодня где-то сносятся памятники и называют оккупантами тех, кто пал – за освобождение Польши погибло 600 тысяч солдат, а сегодня там оскверняют могилы – то я вспоминаю о том, в каком положении были немцы и русские. Они до конца прошли эту ужасную войну. И сегодня в обеих странах заботятся о могилах павших. В России начало этому положили ветераны, которых поддерживали местные власти. И в Германии были возведены памятники павшим солдатам. Это тот путь, которым нужно идти, и это урок истории.

Я говорю об этом, так как есть и моя доля в тех заслугах, которые вы отмечаете этой премией. И я горжусь этим, даже несмотря на то, что в годы перестройки были допущены и ошибки. Ведь нужно было сделать очень многое: примирить людей, примирить СССР с США, Китаем и с западноевропейскими странами, уладить конфликты, которые тлели повсюду в мире, начать сокращение ядерных вооружений – ведь десяти процентов этого оружия хватило бы для того, чтобы уничтожить всю жизнь на земле. Гонка вооружений была безумием. Это был безумный мир. Нужно было иметь мужество, чтобы сказать об этом открыто и решиться на перемены. Думаю, люди на Западе тоже чувствовали и понимали, что может произойти ужасное. Мы освободили Европу от противостояния вооруженных до зубов армий. Невозможно представить себе, сколько здесь было оружия. Если бы это оружие было применено, Европа сгорела бы в огне.

XX столетие – во многих отношениях удивительное столетие. 90 процентов всех изобретений было сделано в этот период, состоялось несколько революций, распалась колониальная система. К этому столетию нужно отнести и холодную войну, и многое другое. К началу XX века на Земле жили 1,6 миллиарда человек, в конце его их было уже более 6 миллиардов. И в этом двадцатом веке русский и немецкий народы противостояли друг другу в двух мировых и одной холодной войне. Весь тот исторический опыт, на который мы могли бы опираться, был обращен в свою противоположность. Мы не сумели использовать для мирного сотрудниче-

ства в наших взаимных интересах наши огромные духовные и материальные ресурсы.

Я вспоминаю высказывание первого генерального секретаря НАТО Исмея: «Американцев нужно держать в Европе, немцев – в узде, русских – вне Европы». Генри Киссинджер в своих мемуарах написал: «Главная внешнеполитическая задача Соединенных Штатов – ни в коем случае не допустить германо-российского сближения». Я рад, что история распорядилась по-другому.

А затем перестройка подготовила почву для демократического развития в нашей стране и создала новые предпосылки для международных отношений. События следовали одно за другим. Отношения с США и Китаем были восстановлены, контакты с Индией и Западной Европой расширились.

Решающее значение для поворота в мировой истории имели события в Европе. В ГДР тогда прошла бархатная революция. Все немцы, на Востоке и на Западе, внесли большой вклад в то, чтобы она проходила спокойно, мирно и недраматично. Справедливости ради должен сказать, что в Советском Союзе по вопросу о преодолении раскола Германии тоже не сразу было принято окончательное решение. Уже в 1988 году в отношениях между СССР и ФРГ все начало быстро меняться. Тем не менее, во время моего государственного визита в Федеративную республику в июне 1989 года мы говорили о том, что германское единство – это тема XXI века. Такие шутки играет с политиками история.

Перелом произошел в конце 1989 года. На Мальте Буш и я заявили, что мы больше не рассматриваем друг друга как противников. Холодная война закончилась. В странах Центральной и Восточной Европы состоялись одна за другой бархатные революции. Это изменило лицо Европы. Сами немцы, как в ФРГ, так и в ГДР, высказались за безотлагательное объединение. Я считаю, что тогда, в 1990 году, когда принимались все эти решения, подписывались документы и вопросы единства были урегулированы юридически, родился действительно исторический консенсус, который отвечал интересам всех европейских стран. Это урок для всех нас. В таком непростом месте, которое Европа занимает в мире, с такой нелегкой недавней историей в XX веке, все же удалось прийти к такому решению. Это значит, никогда не надо впадать в панику.

История не фатальна. Всегда имеются альтернативы. Требуются лишь мудрость, добрая воля и решимость; последнего нередко не хватает. Всегда необходимо, чтобы кто-то слушал голос истории, ее требования. Это относится к числу необходимых качеств руководителя государства. Я полагаю, что нужно поставить в большую заслугу Герхарду Шредеру и Владимиру Путину тот факт, что они учредили «Петербургский Диалог». Этот форум призван не только подхватывать инициативы правительства; его цель и задача состоят скорее в том, чтобы сделать более интенсивными уже существующие связи в сферах экономики, политики и культуры, действуя на уровне городов, семей, в рамках молодежных контактов. Это великолепная инициатива, и я в ответ на просьбу нашего президента Владимира Путина согласился взять на себя обязанности российского сопредседателя «Петербургского Диалога».

Позвольте мне сказать еще несколько слов о ситуации в России. Ельцин развалил союз, разрушил государство и федерацию, развалил армию, нанес ущерб культуре, – а Запад ему аплодировал. Тогда у нас, у русских, впервые возникло подозрение, что Запад тем громче хлопает в ладоши, чем хуже у нас идут дела. Но вот Ельцин ушел. Весь этот хаос получил в наследство Владимир Путин. Я, как и почти все россияне, поддерживаю Путина. Но по многим вопросам граждане выражают недовольство, критикуют власть. Однако позитивное перевешивает. У нас появилась стабильность, восстановлено действие конституции. Прежде во многих регионах были нарушения и отступления от ее положений.

Но вместе с тем я придерживался и придерживаюсь мнения, что без гласности не было бы перестройки. Что и сегодня без свободной прессы, без влиятельных общественных институтов не добиться прогресса. Нужно осознать ту противоречивую ситуацию, в которой находится Россия, чтобы понять и даже, возможно, выразить россиянам признательность за то, что они, вопреки всему, снова встали на ноги.

Большое спасибо за внимание и еще раз сердечное спасибо за премию, имеющую такое большое значение. Именно эта премия побудила меня сказать то, что я сегодня попытался сказать¹.

¹ Благодарственная речь М.С. Горбачева в связи с вручением ему Премии доктора Гааза 07.06.2007.

III. Прочитайте текст. Определите тип речи и укажите его признаки.

Записка КГБ при СМ СССР об опубликовании текста речи

А. Солженицына в связи с вручением знаков лауреата Нобелевской премии (8 сентября 1972 г. Секретно. ЦК КПСС)¹

По полученным Комитетом госбезопасности данным, в США и других капиталистических странах поднята очередная антисоветская шумиха вокруг СОЛЖЕНИЦЫНА. Поводом для этого послужила опубликованная 24 августа в Стокгольме в ежегоднике «Нобелевские премии 1971 года» речь СОЛЖЕНИЦЫНА, которую он намерен был произнести в апреле 1972 г. на частной квартире по случаю предполагаемого вручения ему знаков лауреата Нобелевской премии. Текст речи СОЛЖЕНИЦЫНА по нелегальным каналам передал на Запад. В речи отражены взгляды автора на вопросы литературы, затрагиваются некоторые социальные проблемы, в целом она носит откровенно антисоветский характер. Так, говоря о «незавидной судьбе» советской литературы, СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что она «погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги». Осуждая «вмешательство» властей в литературу, он характеризует его как «не просто нарушение свободы печати», а как «замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти». Призывая «братьев по перу» во всем мире разоблачать ложь и несправедливость, СОЛЖЕНИЦЫН пишет: «...писатель не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы – то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя». Речь СОЛЖЕНИЦЫНА заканчивается призывом: «не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, – но выйти на бой!» По мнению большинства буржуазных газет, опубликовавших текст речи, в настоящее время СОЛЖЕНИЦЫН и так называемый «Комитет по защите прав человека», возглавляемый академиком САХАРОВЫМ, являются единственными активными «обличителями существующих в СССР порядков». В Нью-Йорке создан «Комитет в защиту СОЛЖЕНИ-

¹ www.Solzhenicyn.ru/modules/pages/ob_opublikovanii_nobelevskej_lekcii.html

ЦЫНА», который опубликовал заявление с требованием разрешить СОЛЖЕНИЦЫНУ получить Нобелевскую премию в торжественной обстановке и создать ему необходимые условия для работы. Комитет объявил также, что намерен организовать широкую кампанию по сбору подписей под петицией в защиту СОЛЖЕНИЦЫНА.

Наряду с этим радиостанции капиталистических государств в 20-х числах августа передали сообщение о создании во Франции фирмой «Фильм 13» кинофильма Каспера Вреде «Один день из жизни Ивана Денисовича» и приглашении СОЛЖЕНИЦЫНА на премьеру фильма в Париж. Одновременно указанная фирма передала послу СССР во Франции официальное приглашение СОЛЖЕНИЦЫНУ приехать в Париж на премьеру (письмо на этот счет находится в Союзе писателей СССР).

Учитывая эти обстоятельства и имея в виду враждебную деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА, полагали бы целесообразным полученное приглашение переслать СОЛЖЕНИЦЫНУ обычной почтой, а в случае его обращения за разрешением выехать во Францию решить этот вопрос положительно.

Председатель Комитета госбезопасности Андропов.

IV. Прочитайте текст. Определите его вид и функционально-семантический тип. Выполните задания, данные после текста.

Б.Л. ПАСТЕРНАК¹

Борис Леонидович Пастернак родился в Москве 29 января 1890 года. Отец его, Леонид Осипович Пастернак, был известным художником. Мать поэта была одаренной пианисткой. Борис Пастернак рос в атмосфере искусства. Гостями Пастернаков бывали Лев Толстой и Ключевский, Рахманинов и Скрябин, Серов и Врубель. О роли музыки в своей жизни, и в особенности Скрябина, Пастернак писал: «Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней – Скрябина».

До поступления в гимназию Пастернак получил прекрасное домашнее образование, в совершенстве владел немецким и французским языками. Как пишет академик Д.С. Лихачев, Пастернак

¹ Читаем о России по-русски. – М., 1997.

«был по существу воспитан Москвой, ее бытом – бытом московской интеллигенции, различных взглядов, художественных вкусов, пестротой социального положения интеллигентов, от самого высокого до самого низкого, от традиционно русского направления до западничества».

После окончания гимназии в 1908 году Пастернак учился на философском отделении историко-филологического факультета Московского университета и окончил его в 1913 году. Летом 1912 года он провел семестр в Марбургском университете [...]. Вернувшись в Москву, он выступает как пианист-импровизатор. Но вскоре Пастернак понимает, что его призвание – не музыка, но поэзия.

Стихи Пастернак начал писать летом 1909 года, но первое время не придавал им серьезного значения. В 1913 году были напечатаны его первые стихи [...]. В 1914 году выходит его уже самостоятельный сборник, названный «Близнец в тумане». Особое влияние на поэзию молодого Пастернака оказало творчество поэтов Р.-М. Рильке (знакомомого семьи Пастернаков) и В. Маяковского, несмотря на то, что поэты во многом расходились во взглядах и даже иногда ссорились [...].

В 1922 году вышел сборник стихов Пастернака «Сестра моя – жизнь». Эта книга принесла ему широкую известность.

Зарабатывать переводами Пастернак начал еще в 1918–1921 годах. В 1938 году он начинает переводить Шекспира. Поэт занимается переводом художественной литературы всю жизнь. Он переводил стихи грузинских поэтов, драмы Шекспира, стихотворения венгерского поэта-классика Шандора Петефи, «Фауст» Гете, стихотворения польского поэта Ю. Словацкого.

Во время войны немолодой уже поэт участвует в обороне Москвы. О первых месяцах войны Пастернак рассказывал в журнальной заметке: «Я дежурил в ночи бомбардировок на крыше двенадцатиэтажного дома [...], рыл блиндаж у себя за городом и проходил курсы военного обучения, неожиданно обнаружившие во мне прирожденного стрелка». Стихи Пастернака о войне образуют прекрасный лирический цикл.

Знаменитый роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» был написан после войны. Это роман о сложной и трагической судьбе русской интеллигенции в период революции и после нее. «Жизнь

Пастернака, растворенная в книге, превратила ее в историю поколения. Другой такой книги о русской интеллигенции пока нет», – сказал о романе «Доктор Живаго» современник Пастернака, писатель В. Каверин.

Роман был отвергнут цензурой и впервые был напечатан в Италии. В 1958 году Борису Пастернаку была присуждена Нобелевская премия – «...за выдающиеся достижения в современной лирической поэзии и на традиционном поприще великой русской прозы», как было написано в решении Нобелевского комитета. В Союзе разразился скандал, писателю предложили покинуть страну, но он отказался это сделать, потому что не мог жить вне России.

Умер Б. Пастернак 30 мая 1960 года. Похоронили его в любимом Переделкине под Москвой, где он прожил, не выезжая нигуда, более 25 лет («Читаем о России по-русски», 1997).

1. Вспомните особенности повествования как типа речи? Чем повествование отличается от описания? Назовите основные пункты последовательного повествования о каком-либо событии, предложенные Н.И. Гречем.

2. Выпишите основные факты из жизни Б. Пастернака.

3. Назовите фамилии поэтов, произведения которых переводил Б. Пастернак.

4. Перескажите текст, используя схему, предложенную Н.И. Гречем.

5. Смотрели ли вы фильм «Доктор Живаго»? Выразите свое мнение о фильме.

6. Составьте рассказ об одном и том же фрагменте текста «Доктор Живаго», используя параллельное построение речи: события в тексте романа – события в фильме.

7. Подготовьте рассказ о жизни и творчестве одного из Нобелевских лауреатов.

V. Прочитайте текст об Анне Ахматовой¹.

Творчество Анны Ахматовой, – несомненно, одно из самых ярких явлений в русской поэзии XX века. Молодую Ахматову часто называли русской Сапфо. Ее стихи пользовались большим успе-

¹ По свету. – М., 1996. – № 6.

хом, многократно переиздавались. В 1946 году она была подвергнута жестокой и несправедливой критике со стороны властей и была надолго отлучена от литературы.

Забудут? – вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас,
А Муза и глохла и слеpla,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

(1957 г.)

Анна Ахматова родилась 11 июня 1889 года под Одессой. Годовалым ребенком ее привезли в Царское Село. Там она прожила до шестнадцати лет... Летом всегда был Крым. По целым дням Анна пропадала у скалистых берегов Херсонеса. Здесь она могла ходить босиком, гулять без шляпы, бросаться с лодки в открытое море и загорать до того, что сходила кожа. В Царском Селе было иначе: уроки французского, поездки с отцом в Петербург – в театр, на музыкальные концерты и картинные выставки. Первое стихотворение Анна написала, когда ей было одиннадцать лет. Ахматова была одним из самых образованных русских поэтов. Прошрое России она знала как настоящий историк. О многих исторических деятелях говорила как о хорошо ей знакомых, а об исторических событиях так, как будто была непосредственной участницей их. Ахматова хорошо знала архитектуру и скульптуру и занималась изучением архитектуры старого Петербурга. В ней всегда узнавали человека, воспитанного городом Пушкина. Об этом говорили черты ее духовного облика: повышенная восприимчивость к искусству, тонкий вкус, безупречная правильность речи и столь же безупречное умение вести себя с другими людьми, высокое чувство гражданского и личного достоинства.

Об удивительной доброте Ахматовой сохранилось немало воспоминаний. Не раз в голодные 20-е годы, а потом во время блокады Ленинграда она отдавала нуждающимся последний кусок хлеба, единственную бутылку молока. Делала она это всегда незаметно, с большим тактом, как бы мимоходом.

Ахматову называют поэтом Пушкинской традиции. Для нее Пушкин – ПОЭТ, победивший время и пространство, по имени которого целая эпоха названа Пушкинской.

Ахматова стала признанным исследователем творчества Пушкина. Она отдала его изучению долгие годы и сумела проникнуть во многие тайны замысла и мастерства великого поэта.

Великая Отечественная война (1941–1945) застала Анну Ахматову в Ленинграде. Окруженный кольцом блокады город превратился в военный лагерь. Как и другие ленинградки, Ахматова участвовала в оборонительных работах. Ее стихи по ленинградскому радио звучали как клятва и призыв: «Вражье знамя растает, как дым, правда за нами и мы победим!»

В сентябре 1941 года Ахматова была эвакуирована в Ташкент, принявший под свой гостеприимный кров тысячи эвакуированных. В мае 1944 года она самолетом возвращалась из эвакуации. Далеко внизу проплывали необозримые российские просторы. И к Ахматовой пришли славные слова:

Как в первый раз я на нее,
На родину глядела.
Я знала: это все мое –
Душа моя и тело.

В конце жизни Анна Ахматова побывала на родине двух своих любимых поэтов – Данте и Шекспира. В 1964 году в Италии ей была вручена международная литературная премия. А год спустя Оксфордский университет в Англии удостоил поэтессу почетной докторской степени. Согласно местному обычаю, во время церемонии Ахматовой предстояло подняться по многоступенчатой лестнице. Но она была уже стара и нездорова. И впервые педантичные англичане из уважения к русской поэтессе нарушили вековой этикет: ректор университета сам спустился навстречу Ахматовой, чтобы вручить ей почетный диплом. Номер лондонской гостиницы не вместил всех цветов, поднесенных поэтессе.

В 1965 году вышла наиболее полная при жизни Ахматовой книга лирических стихотворений «Бег времени», включившая в себя и «Поэму без героя» («По свету», № 6/96).

1. Перескажите текст об Анне Ахматовой по следующей схеме: 1) укажите факты биографии, содержащиеся в этом тексте;

2) дайте характеристику основных черт духовного облика Анны Ахматовой; 3) охарактеризуйте кратко творческую деятельность поэтессы. Почему Ахматову называют поэтессой Пушкинской традиции?

2. Используя вид речи описание, перескажите случай, происшедший в Оксфордском университете.

3. Знакомы ли вам были раньше биографии Б. Пастернака и А. Ахматовой? Какие сведения о них вы могли бы добавить?

4. Вспомните, что такое дискретная композиция. Сопоставьте тексты-биографии Б. Пастернака и Анны Ахматовой. Чем отличается композиция данных текстов? Сформулируйте цели, которые реализует начало данных текстов?

5. Определите, какие фрагменты биографии двух выдающихся русских поэтов серебряного века совпадают, а какие отличаются.

6. Выберите из биографий поэтов наиболее интересные эпизоды и расскажите их, не забывая указать: лицо, время, место, причины поступков.

7. Напишите небольшое рассуждение-эссе на тему: «Сила и слабость слова», сопоставив судьбы двух выдающихся поэтов начала XX века.

VI. Прочитайте фрагмент текста. Сравните приведенные биографии выдающихся личностей. Какое повествование, по вашему мнению, можно назвать проблемным изложением и почему?

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Жизнь Петра Великого до начала Северной войны¹

Петр родился в Москве, в Кремле, 30 мая 1672 года. Он был четырнадцатое дитя многосемейного царя Алексея и первый ребенок от его второго брака – с Натальей Кирилловной Нарышкиной [...]. Как только Петр стал помнить себя, он был окружен в своей детской иноземными вещами; все, во что он играл, напоминало ему немца [...].

По старорусскому обычаю, Петра начали учить с пяти лет [...]. Царевич учился охотно и бойко. На досуге он любил слушать раз-

¹ Ключевский В.О. Русская история. – М., 2009. – С. 544–545.

ные рассказы и рассматривать книжки с «кунштами», картинками. Зотов сказал об этом царице, и та велела ему выдать «исторические книги», рукописи с рисунками из дворцовой библиотеки, и заказала живописного дела мастерам в Оружейной палате несколько новых иллюстраций. Так составила у Петра коллекция «потешных тетрадей», в которых изображены были золотом и красками города, здания, корабли, солдаты, оружие, сражения и «истории лицевые с прописьюми», иллюстрированные повести и сказки с текстами [...]. Впоследствии Петр очень мало имел досуга заниматься русской историей, но не терял интереса к ней, придавал важное значение для народного образования и много хлопотал о составлении популярного учебника по этому предмету [...].

Едва минуло Петру десять лет, как начальное обучение его прекратилось, точнее, прервалось. Царь Федор умер 27 апреля 1682 года. За смертью последовали известные бурные события: провозглашение Петра царем мимо старшего брата Ивана, интриги царевны Софьи и Милославских, вызвавшие страшный стрелецкий мятеж в мае того года, избиение бояр, потом установление двоевластия и провозглашение Софьи правительницей государства, наконец, шумное раскольниковое движение с буйными выходками старообрядцев 5 июля в Грановитой палате. Петр, бывший очевидцем кровавых сцен стрелецкого мятежа, вызвал удивление твердостью, какую сохранил при этом [...]. Но майские ужасы 1682 года неизгладимо врезались в его памяти. Он понял в них больше, чем можно было предполагать по его возрасту: через год 11-летний Петр по развитости показался иноземному послу 16-летним юношей.

Перескажите фрагмент статьи В.О. Ключевского «Жизнь Петра Великого до начала Северной войны» следующим образом: 1) укажите факты его биографии; 2) охарактеризуйте его личность, свойства натуры; 3) отметьте слова и выражения, которые создают зрительный образ описываемого; 4) определите, где осуществляется переход от описания внешности к характеристике, и далее – от характеристики к повествованию о событиях.

VII. Убеждающая речь состоит из трех основных компонентов: 1) формулировка тезиса; 2) доказательство своей точки зрения; 3) опровержение других возможных точек зрения. Доказа-

тельство – центральная часть речи. Она содержит аргументы – положения, с помощью которых говорящий обосновывает свое мнение.

Прочитайте фрагмент текста М. Богдановича «Белорусское возрождение»¹. Сформулируйте проблему, рассматриваемую в данной речи. Выполните задания, данные после текста.

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры русской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала росших и развивавшихся независимо друг от друга... Дело в том, что уже к концу XIII века (по авторитетному свидетельству профессора Карского) белорусская народность выступает сформировавшейся в своих основных чертах, опередив в этом отношении народность великорусскую, которая, таким образом, не могла влиять на процесс ее возникновения. Отсутствие экономических скреп между ними, географические условия, изолировавшие Белоруссию от северо-восточных земель – все это оставляло еще меньше места для какого-либо взаимодействия. Наконец, в том же XIII веке подошли они к государственному распытию, что еще резче обособило их: Белоруссия целиком оказалась в границах Великого княжества Литовского, а великорусские области сгруппировались вокруг Москвы. С этого времени жизнь обоих данных народов, равно как и исторические судьбы их, надолго утрачивают всякую общность.

Что касается великорусского народа, то ход его развития общеизвестен. Ассимилировав массу финских племен, усвоив их приспособленный к окружающим условиям бытовой уклад и, следовательно, отклонившись от исконного славянства как антропологически, так и культурно, он в довершении всего пережил эпоху татарщины и оказался почти совершенно отрезанным от Западной Европы.

Судьбы Белоруссии сложились иначе. Войдя полностью в состав Великого княжества Литовского, она ... перетянула тяжестью своей культуры на весы историю Литвы и, приобретя над ней при-

¹ Багдановіч М. Беларусскае ўзроўдзненне / М. Багдановіч // Поўн. зб. тв.: у 3 т. – Мінск, 1975. – Т. II. – С. 259–284.

оритет, продолжала развиваться на своих древнеславянских корнях. «Писарь земски (то есть гос. канцлер) маеть по-руску (то есть по-белорусски) литерами и словы рускими вси выписы, листы и позвы писати, а не инымъ языкомъ и словы», — гласила знаменитая фраза тогдашнего закона (статут 1588), а это значило, что государственная жизнь Великого княжества Литовского должна была проявляться в белорусских национальных формах. На белорусском языке творился суд, по-белорусски писались акты и грамоты, велись сношения с иностранными государствами, белорусский же язык, наконец, являлся обиходным для великого князя и придворных. Но закрепление и развитие старых культурных основ являлось лишь одной стороной в процессе поступательного движения белорусской национальности... Не менее крупное значение имело ее сближение с Западной Европой ... именно с той поры в выработке белорусской культуры участвует не только серая деревня, но и торговый город европейского типа, город, организованный на основах магдебургского права. Он сделал белорусскую культуру более красочной, многогранной, ввел ее в оборот западноевропейской жизни и стал, таким образом, передовым форпостом Западной Европы на востоке.

Неудивительно поэтому, что в эпоху Возрождения общий умственный подъем, начавшийся на Западе, отразился и в Белоруссии. Ключом забила тут жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религиозная, национальная и классовая борьба, организовывались братства, бывшие оплотом белорусской народности, закладывались типографии, учреждались школы с неожиданно широкой по тому времени программой..., возникали высшие учебные заведения (юридическая школа имени св. Яна, Полоцкая академия с правами университета и т. д.). Все это придавало огромный размах книгопечатанию, только что успевшему сделать в Белоруссии несколько шагов. Основу ему положил один из лучших представителей нарождавшейся тогда белорусской интеллигенции, доктор медицины и бакалавр «семи свободных наук» Франциск Скорина из славного града Полоцка...

1. Дайте определение понятиям тезис, антитезис, аргументы.

2. *Определите, в какой части текста выражен тезис. Как автор обосновывает свой тезис?*

3. *Укажите, какие типы аргументов использует автор для доказательства своего тезиса.*

4. *Определите средства выразительности, которые использованы автором. Какова их роль в тексте?*

5. *Из каких частей состоит убеждающая речь?*

6. *Какой способ рассуждения использован в тексте (дедукция, индукция, аналогия, силлогизм)?*

7. *Выделите ключевые слова текста. Составьте план пересказа статьи М. Богдановича «Белорусское возрождение», озаглавив каждую часть.*

VIII. Особый тип речей представляют собой речи, которые произносятся по специальному поводу. Данный тип речей имеет особую форму, отличную от речи с выражением мнения или делового доклада. Речи по специальному поводу исследователи делят на четыре основных типа: 1) рамочная речь (приветствие, благодарность и т. д.); 2) торжественная речь; 3) траурная речь; 4) речь в дружеском кругу.

Прочитайте инаугурационную речь Ф. Рузвельта¹. Определите, к какому типу речи относится данный текст. Какую цель

¹ В октябре 1929 года Соединенные Штаты Америки поразил тяжелейший экономический кризис, вошедший в историю под названием Великая депрессия. Сохраняя верность объявленному им лозунгу «американского (или грубого) индивидуализма», президент Г. Гувер отказывался принимать меры по оказанию помощи бедствующим американцам. Лидирующую позицию в Демократической партии с самого начала занимал губернатор Нью-Йорка Франклин Делано Рузвельт, которому удалось овладеть доверием партийного съезда, состоявшегося в июле 1932 года в Чикаго. После выборов президента экономическое положение страны продолжало ухудшаться еще более быстрыми темпами. От только что избранного президента ожидали решений, способных вывести страну из бездонной пропасти, в которую она неумолимо проваливалась. Инаугурационная церемония состоялась 4 марта 1933 года. После принесения присяги президент Рузвельт обратился к собравшимся с программной речью, признанной образцом ораторского искусства. — Режим доступа: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/fdr-pervaya-inauguracinnaya-rech.php>.

преследует данный тип речи? Выполните задания, данные после текста.

Я уверен, что мои дорогие соотечественники-американцы ждут, что, вступая в должность президента, я обращусь к ним с прямоотой и решимостью, как того требует нынешнее положение нашей страны. Сейчас самое время говорить правду, всю правду, открыто и смело [...].

Эта великая страна выстоит, как это бывало и прежде, возродится и расцветет. Поэтому первым делом разрешите мне высказать твердое убеждение, что единственное, чего нам следует бояться, это страха – отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление [...].

Наконец, вновь берясь за работу, мы нуждаемся в двух гарантиях защиты от старых зол. Должен быть установлен строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью. Должен быть положен конец спекуляциям с чужими деньгами и обеспечена адекватная требованиям, но здоровая валюта.

Таковы направления атаки [...].

Я без колебаний возьму на себя руководство великой армией нашего народа, направляя ее на целеустремленное решение наших общих проблем [...].

За оказанное мне доверие я расплачусь соответствующей моменту отвагой и преданностью. Это минимум того, что я обязан сделать.

Мы смотрим в грядущие трудные дни, согретые теплом национального единства, с осознанным стремлением вернуться к старым и дорогим моральным ценностям, с светлым удовлетворением, которое приносит строгое исполнение долга как стариками, так и молодежью. Наша цель – гарантировать полноценную и стабильную жизнь страны [...].

Преданные своей стране, мы смиренно просим Божьего благословения. Да хранит Он всех и каждого из нас. Да руководит Он мной в грядущие дни.

1. Выделите основные части речи.
2. Найдите риторические приемы, придающие речи выразительность.
3. Определите способ рассуждения, который использован в данной речи.

IX. Прочитайте речь. Определите, к какому типу она относится. Выполните задания, данные после текста.

Речь Р. КЕННЕДИ
на похоронах MARTINA ЛЮТЕРА КИНГА (4 июня 1968)¹

[...] Я хочу воспользоваться представившимся случаем, чтобы обсудить с вами ... угрозу насилия в Америке, позорящего нашу страну и ломающего наши жизни. Это беда не какой-то одной расы.

Жертвами насилия становятся черные и белые, богатые и бедные, молодые и старые, знаменитые и безвестные. Но все они люди, все личности. Все они нужны кому-то и любимы.

Ни один человек, где бы он ни жил и чем бы ни занимался, не застрахован от того, чтобы стать следующей жертвой глупого кровопролития. Вакханалия смерти продолжается, продолжается и продолжается по всей нашей стране.

Ради чего? Разве насилием что-либо достигнуто? Что-то создано? Когда один американец без необходимости отнимает жизнь другого, неважно, во имя закона или вопреки закону, в одиночку или группой, хладнокровно или в злом порыве, чиня насилие или отвечая на него, – это всегда разрыв ткани чужой жизни, заботливо, быть может, неловко сплетенной кем-то ради себя и своих детей.

Когда такое происходит – это удар по всей стране. И все же мы терпим нарастающую волну насилия, угрожающую нашему людскому облику и нашей претензии на цивилизованность. Слишком часто мы склоняемся перед чванливостью и спесью грубой силы. Слишком часто мы оправдываем тех, кто строит свое благополучие на чужих разбитых надеждах и жизнях. Но несомненно одно: насилие плодит насилие, подавление рождает сопротивление. И чтобы вылечить эту заразу, надо очистить все общество.

¹ <http://samanblog.com/category/политика>

Когда вы учите человека ненавидеть и бояться ближнего, учите, что тот неполноценен из-за цвета кожи или из-за своих политических пристрастий, утверждаете, что те, кто непохож на вас, угрожают вашей свободе, вашей работе, вашему дому и семье, тогда вы воспринимаете окружающих не как сограждан, а как врагов, как объект завоевания, а не сотрудничества. Их, мол, надо придавить и подчинить. В итоге мы начинаем воспринимать своих братьев как чужаков, тех, с кем мы живем рядом, но не имеем с ними дел.

Эти люди нам соседи, но никак не сподвижники. Мы учимся разделять лишь общий страх, общее желание держать дистанцию, общую готовность решать споры силой.

Наша жизнь на этой планете слишком коротка. Предстоящая нам работа слишком велика, чтобы позволить духу вражды витать над нашей Землей.

Да, проблему не решить программой и воззванием. Но мы должны хотя бы помнить, что рядом с нами живут наши братья, что мы разделяем с ними наши краткие годы на Земле, что они, как и мы, мечтают прожить свою жизнь осмысленно и счастливо, добиться по мере сил каких-то свершений. Да, это связь, это общая судьба, это общие цели, которые должны чему-то научить нас.

Мы можем хотя бы оглянуться на окружающих, на наших ближних, приложить усилия, чтобы залечить былые раны, и постараться снова стать в своем сердце единой, целостной нацией.

1. Сформулируйте проблему, рассматриваемую в данной речи в виде вопроса и в виде утвердительного предложения – тезиса. Как автор обосновывает свой тезис?

2. Из каких частей состоит данная речь?

3. Выделите аргументы, выдвигаемые для доказательства тезиса.

4. Определите риторические приемы, используемые автором. Какие способы эмоционального напряжения использует автор?

5. Укажите особенности индивидуального стиля автора.

Х. Основным типом речи в риторике является монолог, поглощающий диалогическую речь.

Прочитайте текст и восстановите систему внутреннего диалога, который ведет оратор с аудиторией.

Есть язык народа как показатель его культуры и есть язык отдельного человека как показатель личных качеств – качеств человека, который пользуется языком народа. Обычно мы обращаем внимание на манеру человека себя держать, его походку, его поведение, его лицо и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно. Но язык человека – гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры. А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюется словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его «словами-плевками» говорит, он хочет показать, что ему все нипочем, что он выше, сильнее всех обстоятельств, умнее всех окружающих, над всем смеется, ничего не боится. А на самом деле он потому и обзывает своими циничными выражениями и насмешливыми прозвищами те или иные предметы, людей, действия, что он не уверен в себе. И если вы хотите быть по-настоящему интеллигентным, образованным и культурным человеком, то обращайтесь на свой язык. Говорите правильно, точно, экономно. Не заставляйте окружающих выслушивать свои длинные речи, не красуйтесь в своем языке; не будьте самовлюбленным болтуном. Язык человека – это его мировоззрение, его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает (Д.С. Лихачев).

ХІ. Прочитайте ответные реплики из интервью с писательницей Т. Толстой. Попробуйте восстановить диалог.

– ...

– Мама тоже окончила физфак, но потом поняла, что ей это неинтересно, и окончила иняз. Но нас у нее было семеро, и этим все сказано.

– ...

– Когда мы были маленькие, кто-то услышал во дворе, как про нас говорили: «Дети Толстых – это те, кто хуже всех одет». Но нас так воспитывали: что есть, то и носишь. Ценности в семье были другие – все читали, писали, ставили спектакли...

– ...

– Наоборот, в семье у нас все что-то сочиняли, поэтому никто этим [обучением] не занимался – и так умеем. И все дети начинали с какой-нибудь профессии, а потом все равно пришли к творчеству. Я села писать – как сейчас помню – это был январь 83-го, – просто потому, что настолько нечего было прочесть, что захотелось написать самой. Понимание «как», формы, пришло само собой, в ту же минуту... Груз слов, мыслей, образов давит на тебя, заставляет что-то делать. А в голове идет постоянная работа: ты внутри текста, ты вне. Причем все это очень быстро – это такая система зеркал... Творчество вообще самое естественное состояние для человека.

ХII. Представьте себе образ аудитории, перед которой состоялись следующие выступления. Как вы думаете, какую характерную черту аудитории оратор считает для себя наиболее важной?¹

1. Я назвал бы его Наполеоном, но Наполеон пришел к власти ценой вероломства и через море крови. Он же ни разу не нарушил своего слова. Я назвал бы его Кромвелем, но Кромвель был только солдат, и государство, им основанное, ушло вместе с ним в могилу. Я назвал бы его Вашингтоном, но великий виргинец держал рабов. Этот же человек скорее поставил бы на карту судьбу империи, чем допустил работорговлю. Сегодня вы читаете историю, ослепленные предрассудками. Через 50 лет, когда восторжествует правда, Клио, поставившая Фокиона в пример греку, Брута – римлянину, Гемпдена – британцу, Лафайета – французу, избравшая Вашингтона как совершенное воплощение цветущего утра нашей цивилизации, а Джона Брауна как зрелый плод ее полудня, – муза истории напоит перо солнечным сиянием и напишет на голубом просторе над нами имя солдата, государственного деятеля и мученика – Туссена-Лувертюра (Уиндел Филлипс).

2. В жизни любому человеку, где бы он ни находился и ни работал, предоставлена буквально безграничная возможность прино-

¹Анисимов Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика // www.twipx.com/filc/34641/

сить людям добро. Помочь старику перейти в опасном месте шумную автомагистраль, пропустить вперед в очереди женщину с ребенком или инвалида, уступить им место в транспорте, подать руку прохожему на обледелом тротуаре, сказать сердечное слово ободрения удрученному товарищу, заслонить от наскоков уличного хулигана девушку, сходить в аптеку за лекарством для занемогшего соседа, разделить чье-то горе и подставить свое плечо в чьем-то несчастье – поистине нет числа случаям, предоставляемым нашим пестрым и разнообразным бытием, когда один человек может и должен оказать услугу другому! Главное – не проходить мимо, не отворачиваться, не отводить в сторону глаз, если кто-то поблизости явно нуждается в вашей помощи: ведь завтра в его положении можете оказаться вы сами. Как ни скромно сделанное вами доброе дело, оно оставит приятный след прежде всего в собственной вашей душе и принесет вам ни с чем не сравнимое чувство нравственного удовлетворения (В. Ткаченко).

3. ...Я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения – и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему... Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке, это уж по вашей части, Христиан Иванович, – всякую болезнь: когда кто заболел, какого дня и числа. Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача... Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашнее хозяйство заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? Только знаете, в таком месте неприлично. Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал... (Н.В. Гоголь).

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

I. Цицерон писал: «Уметь правильно говорить по-латыни – еще не заслуга, а не уметь – уже позор, потому что правильная речь, по-моему, не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого римлянина».

Прокомментируйте следующие высказывания с точки зрения их коммуникативных качеств.

1. Добираться до места крушения поезда достаточно сложно. 2. В будние дни в конторе яблоку негде упасть. 3. Как это произошло, узнаете из нашего дайджеста. 4. Дети, оставшиеся без родителей, получили долю внимания. 5. Платья великой актрисы были распроданы с молотка на аукционе. 6 Рига не прочь привлечь к себе достаточное количество туристов. 7. Шумахер в шаге возвращения в большой спорт. 8. Еще через час мы встретимся с корреспондентом и он расскажет обзор криминальных новостей. 9. А те (читатели), кто посерьезнее, отправляли журналистов копать этот переход с лопатой в руках. 10. Ознакомьтесь с инструкцией. 11. Сегодня на многие вопросы, волновавшие массы многие века, появились ответы.

II. «Употребляйте слова в соответствии со значением, и вы избавите мир от половины недоразумений», – говорил Декарт.

Прочитайте речь А.А. Фадеева, посвященную юбилею С.Я. Маршака (14.11.1947 г.)¹. Выделите штампы; определите, с какой целью они введены в речь, соответствуют ли выбранному жанру?

Мы собрались здесь для того, чтобы отметить 60 лет жизни нашего общего друга, старого товарища и соратника, С.Я. Маршака. Самуил Яковлевич принадлежит к самым крупным писателям нашей Советской страны, к той когорте писателей, которые принесли советской литературе общенародное признание и мировую славу.

Мне кажется, что если рассматривать Самуила Яковлевича в разрезе детской литературы, то он является первым во всей той

¹ По: Анисимов Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика // www.twipx.com/filc/34641/

линии развития советской детской литературы, которая выделяет ее в мире, как основательницу совершенно новой, принципиально новой литературы для детей. Маршак в полной мере является отцом этой литературы, и новаторство его в этой области имеет настолько принципиальное значение, что можно смело, без преувеличений сказать, что творчество Самуила Яковлевича для детей является новым словом в мировом развитии детской литературы. В чем я вижу эту особенность Маршака как детского писателя? Я вижу ее в том, что он первым среди всех писателей, существующих в мире, сумел рассказать самым маленьким детям о содержании нашей новой жизни, передать им новые идеалы, то есть, короче говоря, говорить с детьми младшего возраста по самым основным вопросам политики, о чем никто и никогда за все время существования детской литературы с детьми этого возраста не разговаривал. Существовало представление, что детям, самым маленьким, можно прививать только общие понятия о добре и зле, справедливости и несправедливости, честности и нечестности.

И Маршак, собственно говоря, первый в развитии детской литературы сумел и доказал, что можно рассказать советским детям решительно все самое главное и важное о том, что отличает наше советское общество, наш советский народ и советское государство от всякого другого. Он сумел рассказать им и о национальной розни и дискриминации, и о колониальной зависимости. Он сумел рассказать им о характере и значении нашей Советской Родины и нашего государства и его отличии от государства в прежние времена. И все это ему удалось потому, что он все эти большие вопросы взял в общем гуманистическом разрезе развития человечества и сумел эти понятия передать детям через всю новую конкретность советской действительности. Если вы возьмете творчество Маршака с самого начала его деятельности и до последних его вещей, в частности последней поэмы («Быль-небылица»), то вы убедитесь в справедливости моих слов.

Жизнь показала, что именно линия Маршака и есть наиболее жизненная линия. Вдруг оказалось, что этот, избранный Маршаком, наиболее трудный путь передачи детскому сознанию самых высоких и сложных понятий политики, понятий большого социального содержания – этот путь и оказался наиболее верным путем. Те же писатели, которые пытались решать эту задачу без учета огромных изменений, принесенных советским строем, и обраща-

лись к детям в обычной, традиционной манере, оперируя примерами, взятыми или только из животного царства, или только из детской игры, как таковой, или увлекаясь отвлеченной, абстрактной фантастикой западноевропейского происхождения, – эти писатели не имели настоящих, больших последователей в развитии детской литературы именно в силу того, что они не ответили духу нового советского ребенка и не принесли с собой чего-то принципиально нового, а были только большим или меньшим «усовершенствованием» того, что уже существовало в прошлом.

Поэтому я прежде всего и хочу отметить эту главную сторону в творчестве Маршака: он является новатором мирового масштаба в развитии детской литературы, потому что сказал в ней действительно новое слово детского писателя социалистического общества.

III. «Риторические украшения, как и прочие элементы..., имеют право на существование только как средства успеха, а не как источник эстетического наслаждения. Цветы красноречия – это курсив в печати, красные чернила в рукописи»¹.

Охарактеризуйте речевое оформление монолога из рассказа И.Л. Андроникова «Первый раз на эстраде»² с точки зрения реализации задачи (дать совет) и сверхзадачи (поддержать, подбодрить, внушить чувство уверенности). Какие выразительные возможности этот текст содержит?

(Молодой И. Андроников принят лектором в Ленинградскую консерваторию, очень волнуется перед первым выступлением и решает посоветоваться с И.И. Соллертинским).

Наконец я уловил его на хорах во время утренней репетиции и быстро произнес первые твердо выученные фразы будущего моего слова. Иван Иванович послушал с напряженной недоумевающей улыбкой, перебил меня и торопливо заговорил:

– Великолепно! Грандиозно! Потрясающе! Высокохудожественно! Научно-популярно! И даже еще более того! Но, к сожалению, все это абсолютно никуда не годится... Ты придумал вступительное слово, смысл которого непонятен прежде всего самому тебе. Поэтому все эти рассуждения о ладах, секвенциях и модуляциях надобно выкинуть, а на завтра сочинить что-нибудь попроще

¹ Сергеев П. Искусство речи на суде. – М., 1988. – С. 46.

² www.bookssite.ru/scr/page_135172.html

и поумнее. Прежде всего ты должен ясно представить себе: ты выйдешь на эстраду филармонии, и перед тобой будут сидеть представители различных контингентов нашего советского общества. С одной стороны будут сидеть академики, а с другой – госиздатовские клерки, подобные самому тебе. С той стороны тебя будут слушать рабочие гигантов-предприятий, рабочие, которые долгие годы посещают филармонию, знают музыку, отлично в ней разбираются, с другой – студенты первого курса консерватории, которые полагают, что они на музыке собаку съели, тогда как они только еще приступают к этой закуске. Всем этим лицам надо будет сообщить нечто такое, что всем было бы понятно в равной степени, независимо от их музыкальной подготовленности. И я думаю, что если ты пожелаешь для начала сообщить, что Танеев не представляет собою плод твоей раздраженной беллетристической фантазии, а в свое время, как и все люди, родился от отца с матерью и что это произошло в 1856 году, то уже сегодня могу заверить тебя, что завтра решительно все поймут тебя одинаково, а именно, что Сергей Иванович Танеев родился в 1856 году и, следовательно, не мог уже родиться ни в 57-м, ни в 58-м, ни в 59-м, эт сетера, и т. д., и т. п., и проч. Если в конце своего выступления ты пожелаешь сообщить, что Танеев не состоит членом Союза композиторов только по той причине, что отошел в лучший из миров еще в 1915 году, то это будет крайне с твоей стороны любезно. Таким образом, ты забил два столба. Теперь натягивай веревку и двигайся от начала к концу. Сообщи по пути, что Танеев не кастрюли паял, а в свое время писал музыку, в том числе ту самую симфонию, которую вы, почтенные граждане, сейчас услышите, – Первую, принадлежащую к лучшим творениям русской симфонической классики. Если же ты при этом сумеешь вернуть, что Танеев был любимым учеником и ближайшим другом нашего прославленного Петра Ильича Чайковского, что лучшие страницы танеевской музыки в чем-то перекликаются с героикой бетховенских симфонических концепций, это будет крайне полезно тебе. Думаю, по этой канве мог бы произнести слово любой идиот. И я не беспокоюсь, что ты не сможешь этого сказать! Но меня возмутило другое! Зачем ты выучил свой текст наизусть! Это не по-товарищески и отчасти даже нечестно. Нам нужна свободно льющаяся речь, живая, эмоциональная... Когда я увидел эти растарашенные глаза, сухой рот, из кото-

рого ничего не вылетает, кроме шумного дыхания, эти чудовищные облизывания, я понял, что мы совершили большую ошибку. Неужели ты не понимаешь, что в таком виде ты никому не нужен? От тебя ожидают той непосредственности, с какой ты рассказываешь свои описания в редакциях и в салонах своих литературных друзей. Если ты думаешь, что тебя назначат завтра ректором Ленинградской консерватории, то жестоко ошибся: место занято! И завтра ты будешь таким же дилетантом, каким являешься сегодня. Но нам нужен человек, умеющий говорить, как говорят наиболее ретивые слушатели в конце года на конференции, сообщая нам все, что им заблагорассудится. Мы постоянно получаем от них записки, что-де вы, профессионалы-музыковеды, выражаетесь слишком учено, пользуетесь специальной терминологией. Так вот вам, товарищ публика, получите вашего выдвиженца, Геракла Андроникова, который поговорит близким вам языком. И ты можешь улыбнуться, провести рукою по волосам, даже отчасти симулировать непосредственность и неопытность, развести руками, подыскивая подходящее слово. Это нисколько меня не пугает. А этот идиотский, прости меня, вид... Уволь! Поди домой и придумай на завтра что-нибудь поумнее и поживее. А главное, обойдись без помощи пера! Ступай! Нет, задержись на минуту: знаешь, ты слишком много околациваешься в филармонии, болтаешь с оркестрантами. Ты еще ничего не произвел, а уже начинают поговаривать, что ты бездельник. Ты должен быть очень краток и на праздные вопросы отвечать, прижимая к боку легкий портфель: «Простите, мне некогда, я готовлюсь к своему выступлению!». Ступай! Минуту еще: сегодня твой затылок много выразительнее твоей физиономии! Не забудь прийти завтра и выступить. Минут за 15 до начала приди. Говори завтра свободно, коротко, остроумно, легко. Помни, что это нетрудно. Если так легче, – вспомни, как я говорю. Прощай! И успокойся: о Танееве ты знаешь гораздо больше, чем нужно для завтрашнего твоего опыта...

IV. Помогите говорящему оценить степень уместности темы для данной аудитории: можно использовать или нельзя; если можно, то в каком аспекте, если нельзя, то почему.

1. В отделе, где работают исключительно люди пенсионного возраста: а) Социальная политика правительства; б) О воспитании

молодежи; в) Мода вчера и сегодня; г) Что такое современная музыка; д) Секреты здорового образа жизни.

2. В женском клубе: а) Современная мода; б) Основные способы похудения; в) Секреты белорусской кулинарии; г) Налоговая политика во Франции; д) Социальная политика правительства.

3. Перед школьниками старших классов на классном часе: а) Нужна ли классическая музыка; б) Вклад И.Ф. Хруцкого в белорусское изобразительное искусство; в) Как вести себя в обществе; г) О новых методах выращивания помидоров; д) Театральная афиша Минска.

4. На родительском собрании: а) О воспитании молодежи; б) Театральная афиша Минска; в) О новой методике преподавания языка в старших классах; г) Как помочь детям подготовиться к вступительным экзаменам? д) Как организовать досуг школьника?

ТЕКСТ КАК ОСНОВА УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

I. Как лучше всего расположить части выступления, какие именно из отобранных доводов оставить, чтобы максимально воздействовать на аудиторию. О проблемах, которые возникают на этом этапе у оратора, хорошо сказал Квинтилиан: «Надо обдумать, нужно вступление или нет, следует ли излагать обстоятельства дела в непрерывной связи или отрывками; начать ли с начала или с середины, как Гомер, или с конца; не лучше ли совсем обойтись без пересказа фактов; выдвигать ли вперед свои соображения или предварительно разобрать доводы противника; когда бывает выгоднее сразу показать свои лучшие доводы, когда лучше приберечь их к концу; к чему заранее расположены слушатели и что может быть внушено им лишь с осторожной постепенностью; опровергать ли доводы оппонента в их совокупности или каждый отдельно..., предпослать ли юридическую оценку нравственной или наоборот...»¹. А Н.Ф. Кошанский советовал располагать материал «по мере увеличивающегося интереса» для слушателей.

Выберите интересную для вас тему агитационной речи. Продумайте содержание этой речи. На основе тезисного плана речи

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде. – М., 1988. – С. 147.

разработайте несколько вариантов композиции речи, предназначенных для разных типов аудитории. Объясняйте каждый раз, почему вы изменяете композицию именно таким образом.

II. «Тезис – это основное положение, которое оратор собирает-ся доказывать или защищать. В тезисы не включаются доказательства, факты, иллюстрирующие основные положения. Но надо помнить, что тезис – это не вопрос, а сжатый определенный ответ на основной вопрос»¹.

Прочитайте отрывок из рассказа А.П. Чехова «О вреде табака»². Определите, какие коммуникативные качества привели оратора к риторической неудаче.

Нюхин: Милостивые государины и некоторым образом милостивые государи. Жене моей было предложено, чтобы я с благотворительной целью прочел здесь какую-нибудь популярную лекцию. Что же? Лекцию так лекцию – мне решительно все равно. Я, конечно, не профессор и чужд ученых степеней, но тем не менее, все-таки я вот уже 30 лет, не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю над вопросами строгого научного свойства, размышляю и даже пишу иногда, можете себе представить, ученые статьи, то есть не то, чтобы ученые, а так, извините за выражение, вроде бы как ученые. Предметом сегодняшней моей лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку. Я сам курю, но жена моя велела читать сегодня о вреде табака – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должной серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредного действия, употребляется также в медицине. Так, например, если посадить муху в табакерку, то она издохнет, вероятно, от расстройства нервов. Табак есть некоторым образом растение. Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайте внимания, это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в 1889 году 13 сентября, в тот самый день,

¹ Иванова С.Ф. Лекторское мастерство. – М., 1983. – С. 46.

² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М., 1986. – Т. 13.

когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились 13 числа. Впрочем, ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, что жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то, чтобы пансион, а так, нечто вроде этого... и т. д.

III. «Все излишнее несосно», – утверждал М.М. Сперанский. Тема речи «О пользе разведения комнатных цветов».

Сформулируйте тезисы на основе следующих вопросов: В чем состоит польза от цветов для человека? Чем полезны цветы для здоровья? Какова эстетическая ценность цветов? В чем состоит положительное психологическое воздействие цветов на человека? Ответив на эти вопросы, получите разработку тезиса.

IV. Определите тип вступления.

1. Вчера на заседании редакционной комиссии разгорелся большой спор. Собственно говоря, именно после этого заседания у меня и появилось желание сказать здесь несколько слов (Г.С. Жуков).

2. Товарищи депутаты! К нам в эти дни поступают звонки и письма от наших избирателей. Они, провожая нас сюда, ждали от нас многого: чтобы мы рассмотрели те вопросы, которые их волнуют. Поэтому они просили получить ответы на три вопроса (И.Н. Шундеев).

3. Уважаемые депутаты! Мне хотелось вначале вспомнить одну старинную притчу о том, как одного руководителя на посту меняет другой. Старый руководитель оставляет молодому три конверта и говорит: когда будет трудно, открывая поочередно пронумерованные конверты. Открыл в трудное время новый руководитель первый конверт, написано: «Обещай все». Он обещает. Положение не меняется. Открывает второй конверт, читает: «Ругай меня, предшественника». Ругает. Ситуация не меняется. Открывает третий конверт, а там написано: «Готовь три конверта». Мне не хотелось бы, чтобы сказанное относилось только к правительству. Это в равной степени относится и к нам с вами, потому что мы уже и обещали, и ругали, и действительно подвели страну к черте, когда пора «готовить три конверта». Но вместо трех конвертов я пред-

лагаю внимательно посмотреть три программы, которые у нас есть (В.И. Жигулин).

4. Высокий Съезд! Я хочу доказать коллегам-депутатам и иностранным гостям Съезда, что нынешнее правительство не рыночное, его реформы бюрократические, от которых вместо модернизации национальная экономика все глубже погружается в хаос. Тупиковая ситуация создается и для честных бизнесменов Запада (Г.В. Саенко).

V. Определите жанр речей. Объясните, по каким признакам вы это делаете.

1. Чуковскому Корнею – / Послание к юбилею. // Я очень сожалею, / Что все еще болею // И нынче не сумею / Прибыть на ассамблею // На улицу Воровского, / Где чествуют Чуковского. // Пять лет, шесть месяцев, три дня / Ты прожил в мире без меня, / А целых семь десятилетий / Мы вместе прожили на свете. // Я в первый раз тебя узнал, / Какой-то прочитав журнал. // На берегу столицы невестской / Писал в то время Скабичевский, / Почтенный, скучный, с бородой. // И вдруг явился молодой, / Веселый, буйный, дерзкий критик, / Не прогрессивный паралитик, / Что душит грудю цитат, / Загромождающих трактат, / Не плоских истин проповедник, / А умный, острый собеседник, / Который, книгу разобрав, / Подчас бывает и не прав, / Зато высказывает мысли, / Что не засохли, не прокисли. // Лукавый, ласковый и злой, / Одних колол ты похвалой, / Другим готовил хлесткой бранью / Дорогу к новому изданию. // Ты строго Чарскую судил. // Но вот родился «Крокодил», / Здоровый, шумный, энергичный, – / Не фрукт изнеженный, тепличный. // И этот лютый крокодил / Всех ангелочков проглотил / В библиотеке детской нашей, / Где часто пахло манной кашей. // Привет мой дружеский прими! / Со всеми нашими детьми / Я кланяюсь тому, чья лира / Воспела звучно Мойдодыра. / С тобой справляют юбилей / И Айболит, и Бармалей, / И очень бойкая старуха / Под кличкой «Муха-Цокотуха». / Пусть пригласительный билет / Тебе начислил много лет. / Но поздравляя с годовщиной, / Тебе я дал бы, друг старинный, / Могу я дать тебе – прости – / От двух примерно до пяти... / Итак, будь счастлив и расти (С. Маршак).

2. А вы, надменные потомки, / Известной подлостью прославленных отцов, / Пятаю рабскою поправшие обломки / Игрою счастья

обиженных родов! / Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда – все молчи! / Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный суд: он ждет; / Он не доступен звону злата, / И мысли и дела он знает наперед. / Тогда напрасно вы прибегнете к злословью: / Оно вам не поможет вновь, / И вы не смоете всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь (М.Ю. Лермонтов).

VI. *Определите жанры выступлений*¹.

1. Мы собрались с вами, чтобы обсудить беспрецедентный случай. Вчера староста нашей группы Николай Сидоренко получил в кассе института стипендию на всю группу, причем его очередь подошла уже после 18.00 вечера. После этого Николай отправился навестить больного товарища, где на него напали хулиганы и ограбили его. Несмотря на своевременное обращение потерпевшего в милицию, хулиганы не были найдены.

2. Я возмущен случившимся. Давно не встречал такого халатного отношения к своим обязанностям. Что мы видим? Вместо того, чтобы сначала поместить деньги в надежное место, Сидоренко отправился разгуливать с ними по городу, подвергаясь риску потерять не принадлежащие ему ценности или подвергнуться нападению хулиганов, что и случилось. Тем самым он нарушил все должностные инструкции. Исходя из требований закона, его нужно было бы обязать выплатить всю сумму из своих средств, но всем понятно, что у него таких денег нет, поэтому предлагаю ограничиться объявлением выговора и увольнением с должности старосты.

3. Давайте будем объективны и разберемся по порядку. Я считаю, что предыдущий оратор слишком сгустил краски. Старосты групп допоздна стоят в очереди, что недопустимо, ведь у них есть и свои дела. Вместе с тем я считаю, что Николай не должен был так поступать. Действительно, разгуливать по городу с большими казенными ценностями – это недопустимо. Это с его стороны неправильно. Конечно, прежде чем отправляться в гости, он должен был поместить деньги в надежное место. Я считаю, что случившееся станет для Николая хорошим уроком и такое с ним никогда больше не повторится.

¹ По: Анисимов Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика // www.twirpx.com/filc/34641/

4. Колька, козел! Из-за тебя мы остались без денег! И так копейки дают, на жизнь не хватает, а тут последнего лишили! Что же нам теперь делать? Нам родители миллионы не шлют, как некоторым, нам все горбом достается. Так что нам такие подарочки ни к чему. А тебе бы врезать как следует, чтоб неповадно было. Дубина ты и больше никто.

5. Я вынужден заявить, что наше собрание пошло по странному руслу. Не без влияния некоторых друзей Николая, кровно заинтересованных в его оправдании, вы пытаетесь все спустить на тормозах, не дать случившемуся принципиальной оценки. Если вы не одумаетесь, мы вынуждены будем обратиться в деканат, а если понадобится, то пойдем и дальше. Мы этого так не оставим! Даже если подкупленные вами милицейские и институтские чины не примут мер, то есть пресса, телевидение, общественность. Всех не купите!

6. По поручению студентов, проживающих в общежитии № 1, хочу сказать следующее. Мы категорически не согласны с теми, кто требует снять Николая с должности старосты. Считаем, что таким образом с ним сводят счеты за то, что он не поддержал их во время последнего инцидента со студкомом. Настаиваем на том, чтобы Николай остался старостой. Если группа примет другое решение, оставляем за собой право обжаловать его в деканате.

7. Я считаю, что Николай не совершил ничего предосудительного. То, что с ним произошло, должно быть квалифицировано как несчастный случай. С каждым может произойти такое. Он ведь не на гулянку пошел, не на базар или другое место повышенной криминальной опасности. Он пошел навестить больного друга, причем мы-то знаем, что Сергей действительно серьезно болен, и опасения за его жизнь имеют под собой серьезные основания. В чем же вы его обвиняете? Ну нет поблизости такого места, где можно было бы оставить деньги в безопасности, а если бы он поехал домой, то к Сергею ехать было бы уже совершенно поздно. Я считаю, что Николаю еще и помочь нужно, ведь хулиганы сильно избили его.

8. Я согласен с тем, что случай беспрецедентный. Мы не можем допустить того, чтобы подобное повторялось. Поэтому мы должны принять такое решение: впредь запретить Николаю таскать деньги домой или в другое место по вечерам. Вам, конечно, извест-

но, что Наташина мама работает у нас в отделе кадров и давно предлагает использовать их сейф для хранения ценностей в экстренных случаях. Если мы воспользуемся ее помощью, то больше никогда не будем иметь подобных неприятностей.

VII. К.И. Чуковский был первым советским писателем, которого во времена хрущевской оттепели пустили за границу.

Прочитайте его «Оксфордскую речь»¹, определите ее жанр и установите задачу и сверхзадачу речи.

У нашей соседки, вдовы моряка, улетел любимый попугай. Думали, что его съела кошка. Но я нашел его на чердаке невредимым. Соседка обрадовалась и дала мне в награду серебряный рубль да какие-то зеленые английские книжки – четырехтомное сочинение какого-то Джемса Бозвелла, эсквайра, под неинтересным заглавием: «Жизнь Сэмюэля Джонсона». Придя домой, я стал перелистывать зеленые книги, с трудом разбирая в них отдельные фразы и поминутно заглядывая в англо-русский словарь Александра. Вначале это было канительно и тяжело, но уже через несколько дней книга поглотила меня всего с головой. Я и сейчас не могу догадаться, каким чародейным искусством этот Джемс Бозвелл, эсквайр, о котором я никогда ничего не слыхал, приворожил меня к своему неотесанному, грубоватому Джонсону. С каждой страницей я все сильнее влюблялся в этот цельный, упрямый и гордый характер, в этот громадный, хотя и затуманенный предрассудками, ум.

С того времени прошло 60 лет! Я пережил 4 войны. Но до сих пор каким-то чудом на полке у меня уцелели четыре зеленые книги, по которым я, одинокий подросток, учился без учителей и учебников любить литературу англичан. Нельзя было и придумать лучшего учебника, чем Бозвелл, так как это – в высшей степени английская книга. Литература Англии, как я убедился потом, очень богата большими и маленькими Бозвеллами. Бозвеллировать – ее специальность, вызванная страстным интересом английских читателей к характерам, судьбам, делам и причудам всякой сколько-нибудь выдающейся личности. Эти читатели как бы сказали себе: для человека нет ничего интереснее, чем другой человек во всех мельчайших подробностях его бытия. Оттого-то в английской ли-

¹ www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index

тературе так много замечательных мемуаров о замечательных людях, всяких биографий, автобиографий, дневников и т. д.

Этих книг я прочитал за свою долгую жизнь немало, благодаря этим книгам по-новому оценил и прочувствовал наши русские книги, например, воспоминания Ивана Панаева, Павла Анненкова, Павла Ковалевского и др. И воспоминания Горького, вершиной которых представляется мне очерк «Лев Толстой» – такой проникновенный, артистически тонкий. Я не говорю уже о книге «Былое и думы» А. Герцена. Это – монументальная книга могучей изобразительной силы и безоглядной, бестрепетной искренности. Невозможно понять, почему эта книга до настоящего времени не получила широкого признания в Англии.

Страна, которую видишь сквозь ее поэзию и прозу, всегда представляется тебе в ореоле. Для меня Англия была и осталась страной великих писателей. Хорошо понимаю, что это наивно, но здесь уж ничего не поделаешь: видеть Англию исключительно в литературном аспекте и значит для меня видеть ее подлинную сущность. Конечно, я слышал много рассказов о лицемерии британцев, об их чопорности, замкнутости и т. д. В газетах мне часто встречалось модное в те времена выражение «коварный Альбион». Очевидно, для этого были все основания и, я верю, достаточно веские, но мне выпала большая удача не сталкиваться с таким Альбионом, не испытывать его коварство. И хотя из литературы я знал, что в Англии множество Пексифонов, но разве не та же литература явилась оружием анти-фарисеев, анти-Пексифонов, таких, как Годвин, Шелли, Байрон, Диккенс, Теккереи, Раскин, Вильямс Морис, Бернард Шоу.

Сам понимаю, что это чудачество, но, приехав, например, в Оксфорд и увидев там Бэллиол колледж, я только и вспомнил о нем, что это был колледж Суинберна, а увидев Магдален колледж, сказал себе: «Это колледж Оскара Уайльда». А когда я впервые подошел к речке Айзис, я не без волнения вспомнил, что ровно сто лет назад жарким летом по этой самой воде проплывала длинная лодка, в которой сидели три девочки, сестры Лиделл и с ними чинный математик Чарльз Лэтвидж Доджсон, то есть Льюис Кэрролл. Несмотря на жару, он, я думаю, так и не снял черного своего сюртука, не расстегнул крахмального своего ворота, но когда стал рассказывать девочкам, слегка заикаясь, сказку «Алиса в стране чудес», ста-

ло ясно, сколько веселого сумасбродства, озорства, необузданной детскости может порою таиться под черным сюртуком иного оксфордского «дона». Где эта лодка? Где маленькие сестры Лиделл? Где вода, струившаяся среди этих лугов ровно сто лет назад? Где он сам, Льюис Кэрролл? А его сказка живет и живет несмотря ни на что, и вот уже второе столетие радует миллионы детей. Как же не верить, что литература прочнее всего и что нет такой силы, которая могла бы ее уничтожить!

Мне, старику-литератору, служившему литературе всю жизнь, очень хотелось бы верить, что литература важнее и ценнее всего и что она обладает магической властью сближать разъединенных людей и примирять непримиримые народы. Иногда мне чудится, что эта вера – безумие, но бывают минуты, когда я всей душой отдаюсь этой вере. «Разве не утешительно, – говорю я себе в такие минуты, – что за всю многовековую историю русско-британских отношений еще не было другого такого периода, когда Англия проявляла столь жгучий, живой интерес к языку и литературе России, а Россия – к языку и литературе Англии». Будем же верить, что это к добру, – и давайте, несмотря ни на что, крепить, насколько это зависит от нас, наши дружеские литературные связи. Хорошо понимаю, что это – банальный призыв, но продиктован он свежим, заново прихлынувшим чувством.

VIII. Прочитайте ответное слово И. Бунина после вручения ему Нобелевской премии¹. Установите ее задачу и сверхзадачу.

Ваше высочество, милостивые государыни, милостивые государи! Девятого ноября, в далекой глуши, в старинном провансальском городе, в бедном деревенском доме телефон известил меня о решении Шведской академии. Я был бы неискренен, ежели бы сказал, как говорят в подобных случаях, что это было наиболее сильное впечатление во всей моей жизни. Справедливо сказал великий философ, что чувства радости, даже самые резкие, почти ничего не значат по сравнению с таковыми же чувствами печали. Ничуть не желая омрачать этот праздник, о коем я навсегда сохраню неизгладимое воспоминание, я все-таки позволю себе сказать, что скорби, испытанные мною за последние 15 лет, далеко превышали мои ра-

¹ www.bibliopskov.ru/nobel1.htm

дости. И не личными были эти скорби, – совсем нет! Однако твердо могу сказать я и то, что из всех радостей моей писательской жизни это маленькое чудо современной техники, этот звонок телефона из Стокгольма в Грас, дал мне как писателю наиболее полное удовлетворение. Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда! Честолюбие свойственно почти каждому человеку и каждому автору, и я был крайне горд получить эту награду со стороны судей столь компетентных и беспристрастных. Но думал ли я девятого ноября только о себе самом? Нет, это было бы слишком эгоистично. Горячо пережив волнение от потока первых поздравлений и телеграмм, я в тишине и одиночестве ночи думал о глубоком значении поступка Шведской академии. Впервые со времени учреждения Нобелевской премии вы присудили ее изгнаннику. Ибо кто же я? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, по отношению к которой я тоже навсегда сохраняю признательность. Господа члены Академии, позвольте мне, оставив в стороне меня лично и мои произведения, сказать вам, сколь прекрасен ваш жест сам по себе. В мире должны существовать области полнейшей независимости. Вне сомнения, вокруг этого стола находятся представители всяческих мнений, всяческих философских и религиозных верований. Но есть нечто незыблемое, всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией. Для писателя эта свобода необходима особенно, – она для него догмат, аксиома. Ваш жест, господа члены Академии, еще раз доказал, что любовь к свободе есть настоящий национальный культ Швеции.

И еще несколько слов – для окончания этой небольшой речи. Я не с нынешнего дня высоко ценю ваш королевский дом, вашу страну, ваш народ, вашу литературу. Любовь к искусствам и литературе всегда была традицией для шведского королевского дома, равно как и для всей благородной нации вашей. Основанная славным воином, шведская династия есть одна из самых славных в мире. Его величество король, король-рыцарь, да соизволит разрешить чужеземному, свободному писателю, удостоенному вниманием Шведской академии, выразить ему свои почтительнейшие и сердечнейшие чувства.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕЧИ

I. «Обезличенность ораторского слова всегда обрекает его на неуспех. Такая речь обращена в “никуда”. Вот почему точный учет состава слушателей и в особенности того, с какими настроениями и желаниями они сегодня собрались, – одно из неперемennых условий успеха ораторского мастерства, нужного воздействия на формирование необходимых индивидуальных и коллективных мыслей и чувств, ибо в этом и состоит та ближайшая цель, которой должен достичь оратор в данной аудитории. Она составляет предпосылку и основу общения (растущих контактов) между оратором и его аудиторией, без которого нельзя рассчитывать на результативность данного публичного выступления»¹.

Проанализируйте предлагаемые рассуждения. Определите, в чем состоит намеренная или нечаянная ошибка говорящего.

1. Купил компьютер ВИСТ-1000. Качество у него отменное, и цена приемлемая. А платить лишние пару сотен долларов только за иностранное имя мне ни к чему. Вот если бы меня, например, не Миша звали, а Майкл, мне что, на работе больше бы платили? Чушь! (реклама).

2. Результаты весеннего призыва в армию совершенно неудовлетворительны. Нам удалось набрать только 14 % от запланированного. Это связано с тем, что многие категории призывников имеют право на отсрочку, причем не у всех это право обоснованное. Кроме того тысячи молодых людей уклоняются от службы в армии. При этом они не несут за это никакой ответственности. Так, в этом году было возбуждено только 4 уголовных дела против уклоняющихся. Такое положение недопустимо. Поэтому мы обратились в Верховный Совет с настоятельной просьбой ликвидировать право на отсрочку для большинства молодых людей и в первую очередь – для студентов вузов (Радио, 4.09.1993).

3. *Журналист:* Сейчас так много по телевизору рекламируют новые лекарства, что у людей глаза разбегаются. Скажите, какой рекламе можно верить?

Профессор, фармаколог: Никакой рекламе нельзя верить. Дело в том, что рекламируют исключительно импортные лекарства, а у

¹ Апресян Г.З. Ораторское искусство. – М., 1978. – С. 171.

отечественных производителей нет таких денег и их не допускают на телевидение, хотя отечественные лекарства не менее эффективные, чем импортные (Радио, 12.10.1995).

II. Охарактеризуйте предполагаемую аудиторию.

«Молодая учительница перед выступлением предупредила:

– Вы знаете, школа у нас особая: дети летного состава, а зарплата у родителей, сами понимаете... поэтому нам бы хотелось, чтобы вы подчеркнули, что в жизни не вещи, пусть даже красивые, главное...

А в чем главное? – подумал я про себя скорее машинально, привыкнув проводить мысль до логического конца.

– Иной раз ученица придет в таком наряде, – продолжала педагог, – что на две учительские зарплаты потянет...

Хорошенькое дело! – я начинал уже злиться; за минуту до лекции говорят об аудитории такое, что в пору поворачивать обратно. По меньшей мере над материалом, а главное – над аргументацией подумать не мешало бы. Впрочем, а сам-то где был? Почему не заинтересовался публикой раньше? Знал ведь, что все надо предвидеть, да ничего не сделал загодя. Но отвечать на все эти вопросы времени уже не было»¹.

III. Анализируя образцы на предмет выражения, следует помнить, что важно не составить опись использованных автором речевых средств, а определить, *зачем* выбрано то или иное средство, насколько оно целесообразно, насколько помогает реализации замысла, а также соответствует ли жанру, ситуации, аудитории.

Проанализируйте текст Владимира Шибачева «Пакт Рериха по сохранению культурных ценностей человечества». Определите, какие речевые средства обеспечивают побуждающую силу речи; какие речевые средства помогают автору реализовать сверхзадачу (см. приложение, с. 145).

IV. Установите средства эмоционального воздействия и цель их использования. Соответствуют ли они жанру, ситуации общения. Удачно ли выбраны средства привлечения внимания и управления вниманием?

¹ Лозовский Б.Н. Искусство взаимопонимания. – Свердловск, 1991. – С. 97.

В воздухе, изломанном бурей, все очертания, утратив обычное свое состояние, неверны, изменчивы и ведут чувство и мысль по новым путям. Облако не облако, а туча. Рушится в небе изорванная серая стена. Из расщелин этой плывущей стены вырываются водопады огня и скаты воды. И если облако баюкает мечту, грозвая туча пробуждает всю душу к новой жизни, в которой страх и пляска, ужас и восхищение, песня и вопль существуют в одной нераздельности. Как хорошо явление грозы в природе, – как оно ужасно и бесчеловечно в мире человеческом.

Революция – гроза. Не я ли сам тоже говорил это? И я? Да, и я сказал эту неверность однажды. Но сердце мне говорит теперь, что это неверно. Ибо гроза приходит и уходит, осиянная в начале и конце изломным огнем и тысячецветною радугой. Гроза всегда приносит утление и правду новой жизни. Никакая революция не дает ничего, кроме того, что было бы в свой час, и в недалекий час, достигнуто и без нее. А проклятия, которые всегда приводит с собой, и за собой, каждая революция, неисчислимы. Они, как те уродливые чудовища, что вырвались из раскрытого сундука злой колдуньи. Они неистребимы, как полчища саранчи, которую не убьешь цепами, не отгонишь молитвой, не расстреляешь пушками, не заговоришь волхвованиями. Они неисчислимы, как песчинки, убивающие пустыни, из которых желтоликие дьяволы крутят веревки и удавки для утопающих в прахе обезумленных караванов.

Брат, предай брата. Сын, убей отца. Муж, покинь жену. Эти заповеди – малая доля тех отравных выдыханий, которые ползут, вот, и по моей стране, оттого что и я, малая песчинка, зазывал с целым полчищем безумных пришествие насилия во имя гибели насилия, пришествие умалишенности во имя торжества разума, пришествие лезвия, во имя пролития злой крови, как будто не одной солнечной кровью напоены жилы всех людей как бы они ни заблуждались. Из пролития крови всегда возникнет лишь новая пролитая кровь. И будет она теперь перекидываться и проливаться, то справа налево, то слева направо, и опять налево, и снова направо, пока никем не слышимый, но над всеми властный, голос Судьбы не скажет: «Довольно».

Смотря в честные глаза ребенка, который из детства завтра уйдет в сознательность, я всегда скажу: «Не верь насилию ни в каком лице. Есть пути духа, которые более властны, чем нож и меч».

Дважды и трижды рассудив с своей душой свою жизнь, я знаю, что никогда более я не смогу поверить ни в какую революцию. Я их видел три, и мне довольно. Три тысячи раз, быть может, я видел таинство грозы в природе, и каждый раз оно было цельно, правдиво и зиждительно. Три раза я соприкасался с грозой человеческой, и был в ней не только зрителем, и трижды я видел, что после нескольких часов правды выползали из недр человеческого духа отвратительные чудовища, изготовители гроз, нарочитые их устраиватели, усугубители распада, лжецы, более всего любящие неpravосудную власть, основанную на крови, слепоте и лжи.

Празднества крови истощат свою сатанинскую силу. Какую же новую песню в день радуги я спою о правде и жизни? Быть может, я не спою никакой. Но ребенок, который смотрит честными глазами, споет и тогда песню о верном железе, разрезающем землю, и о безумии железа и свинца, изливающего кровь (К. Бальмонт).

V. Проанализируйте отрывки приведенных речей. Какие приемы привлечения аудитории в них использованы?

1. «...Есть только миг между прошлым и будущим... Именно он называется жизнь»...

Прошное и будущее моей нации, прошное и будущее моей земли – это и мое прошное и будущее...

Нет будущего без прошлого. Нельзя уничтожить Прошное, ибо, выстрелив в Прошное из пистолета, мы спровоцируем Будущее откликнуться громом пушек...

Мое Будущее... Будущее моей страны... какое оно? (А. Гузовская, ученица 11 класса г. Могилева).

2. Дорогие товарищи!.. Так называемая сильная рука всегда готова зловеще прирасти к рыхлому телу слабой экономики. Если нет демократии экономики, то демократия всегда под угрозой. Недемократичность экономики объясняется прежде всего культом личности, который у нас никогда не прекращался, – культом личности государства... Документ, зачитанный здесь от имени нашего многострадального крестьянства, – это крик самой земли, насилюемой бесконечными противоречащими друг другу постановлениями, как ей, земле, надлежит жить, что она, земля, должна делать, а чего не должна. Культ личности государства отрицательно сказал-

ся и на промышленности, давно ставшей не только долгостроем, а вечностроем счастливого будущего... Мостовики добавляют в строительный раствор соли, чтобы раствор схватился. Но если в спешке кладут слишком много соли, то она затем разъедает железную арматуру. Наша экономика похожа на такой пересоленный, разъедаемый коррозией мост, чьи бесконечные ремонты переросли стоимость самого моста. Отраслевые министерства похожи на раздутые ремстройконторы, а Госплан похож иногда на гигантское ателье по мелкому ремонту платья голого короля... (Е.А. Евтушенко).

3. Дамы и господа! Прежде чем я решился выступить перед вами, я спросил себя, не покажется ли странным и дерзким, что филистер, выражаясь на студенческом жаргоне, предстанет перед студентами, чтобы поучать их, достигших известной высоты образования, которая не доступна нашей братии. Но с другой стороны, я не мог не сознаться, что в данном случае речь идет о вопросе, в котором я, возможно, более сведущ, чем некоторые из студентов, и поэтому было бы вполне уместным прочесть этот доклад. Я не мечтаю покорить вас сразу и сделать настоящими социал-демократами. Конечно, я был бы рад, если бы мне удалось убедить большую часть из вас в справедливости социал-демократических идей и в необходимости осуществления социал-демократического идеала. Но гораздо важнее для меня убедить вас в необходимости заняться социалистическим движением и социализмом вообще, отвлечься от узкого круга занятий студента, оглядеться и понять, что то, что вам чаще всего говорили о социализме и социал-демократии, основано в очень большой степени на преувеличении, непонимании и незнании движения или же на злонамеренности... (Август Бебель).

VI. Определите, являются ли метафоры и сравнения в данных отрывках тропами или риторическими доводами. Аргументируйте свою позицию.

1. Культ личности государства привел к государственному монополизму. Государство, монополизировав все основное производство – от канцелярских кнопок до ракет, стало похоже на неуклюжего динозавра с рахитичными, подгибающимися от веса туловища ножками и с крошечным мозгом в голове, находящейся

слишком далеко от хвоста. Монополия государства на предприятия и землю – это не социализм, задуманный Лениным, а какой-то полуфеодальный, антигосударственный государственный капитализм. Антигосударственный – потому, что он не выгоден самому государству. Показатель силы государства – это не количество тех, кто с ложкой, а жизненный уровень тех, кто с сошкой. Быть таким бедным, как мы, при таких феноменальных природных богатствах – вот неоспоримое доказательство экономической бесперспективности культа личности государства, государственного монополизма (Е.А. Евтушенко).

2. События последнего времени показали, что градус политической жизни несколько повышен, повышен по сравнению с тем, что должно быть по уму после выборов. Эта конструкция (совет четырех при президенте) в том числе должна сыграть роль хинина, такого, который несколько успокоит лихорадку (Г. Саттаров, «Время», 26.10.96).

3. Наше общество серьезно больно. Эта болезнь распространяется почти по всем уровням структуры его организации. Мы это хорошо знаем по материалам прессы, да и по жизни самой. Вот эти кровоточащие раны на теле нашего общества – это национальные вопросы, это вопросы экологии, экономики, вопросы инфляции и так далее. И причем нужно помнить, что это раны и на нашем теле, на теле каждого из нас. Но самое странное, что многие раны – это следы от деятельности наших политических хирургов, которые очень хорошо научились искусству резать, но не научились искусству зашивать, соединять (О. Чернышев).

4. Здесь уже много говорили о масштабах коррупции в нашей стране, но я хотел бы подчеркнуть, что важно говорить не только о количестве, но и о самом характере нарушений. Поясню свою мысль. Сравните три ситуации. Первая. Толковый хозяйственник, завхоз, шустро все делает для своей организации, но отсыпает себе в карман 3 копейки с рубля. Вторая. Такой же шустрый работник, но он отсыпает себе половину. Третья. Вся ситуация низведена до того, что для того, чтобы украсть рубль, работник портит, гноит продукции на тысячу рублей. Как крыса, которая прежде чем съесть одно зерно, портит тысячу зерен. Так вот, я характеризовал бы нашу нынешнюю ситуацию как третий вариант. Власть не просто

ворует, она бессмысленно разрушает нашу страну, ее экономику. Тогда возникает вопрос: если лицо власти столь мрачно, как здесь все говорили, то почему мы позволяем такой власти управлять нами? (Ю. Болдырев)

VII. *Вас пригласили выступить на одном из следующих собраний. Отберите наиболее интересную и актуальную, на ваш взгляд, проблему, которая станет в дальнейшем предметом вашего выступления. Продумайте концепцию своего выступления. Как вы думаете, какие источники накопления информации окажутся для вас наиболее ценными? Почему? Сформулируйте тему своей речи.*

1. Самая острая экологическая проблема нашей области.
2. Причины и меры профилактики преступности среди молодежи.
3. Воспитание гуманного отношения к животным у школьников.
4. Мода вчера и сегодня.
5. Юбилей великого художника.

VIII. 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль в Вестминстерском колледже в г. Фултон (Миссури) произнес речь, вошедшую в историю как Фултонская¹, послужившая в СССР началом холодной войны. В СССР текст речи не переводился полностью, но был подробно пересказан в сообщении ТАСС от 11 марта 1946 года. 14 марта Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР, а также обвинил его в расизме. Таким образом, для всего мира эта мартовская неделя стала началом «холодной войны», а Фултон гарантировал себе место в учебниках по истории – в одних как старт борьбы за свободную Европу, а в других – как место разжигания новой мировой войны. Сам Черчилль назвал эту речь самой важной во всей его карьере.

Определите, какие выразительные средства лежат в основе речи. В чем успех речи? (речь приведена в сокращении)

Я счастлив, что прибыл сегодня в Вестминстерский колледж и что вы присвоили мне ученую степень [...]. Я могу позволить себе,

¹ www.coldwar.ru/Churchill/fulton.php

пользуясь опытом прожитой мною жизни, поразмышлять о проблемах, осаждающих нас сразу же после нашей полной победы на полях сражений, и попытаться изо всех сил обеспечить сохранение того, что было добыто с такими жертвами и страданиями во имя грядущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен. Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны. Мы должны и, думаю, сможем оказаться на высоте этого жесткого требования. [...]

Всем известно страшное потрясение, испытываемое любой семьей, когда на ее кормильца, который ради нее трудится и преодолевает тяготы жизни, обрушивается проклятие войны. Перед нашими глазами зияют ужасные разрушения Европы со всеми ее былыми ценностями и значительной части Азии. Когда намерения злоумышленных людей либо агрессивные устремления мощных держав уничтожают во многих районах мира основы цивилизованного общества, простые люди сталкиваются с трудностями, с которыми они не могут справиться. Для них все искажено, поломано или вообще стерто в порошок. Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод. Никто не может просчитать то, что называют «неисчислимой суммой человеческих страданий». Наша главная задача и обязанность – оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны.

Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, преемница Лиги Наций с ре-

шающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу. Мы обязаны обеспечить успех этой деятельности, чтобы она была реальной, а не фиктивной, чтобы эта организация представляла из себя силу, способную действовать, а не просто сотрясать воздух, и чтобы она стала подлинным Храмом Мира, в котором можно будет развесить боевые щиты многих стран, а не просто рубкой мировой вавилонской башни. Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе. Все, у кого открыты глаза, знают, что наш путь будет трудным и долгим, но если мы будем твердо следовать тому курсу, которому следовали в ходе двух мировых войн (и, к сожалению, не следовали в промежутке между ними), то у меня нет сомнений в том, что, в конце концов, мы сможем достичь нашей общей цели [...].

Если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий принесут миру, прошедшему жестокую школу войны, рост материального благосостояния, невиданный в истории человечества. В настоящее время, в этот печальный и оцепеняющий момент, нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет и может быть быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия. Я часто привожу слова, которые пятьдесят лет назад слышал от великого американского оратора ирландского происхождения и моего друга Берка Кокрана: «На всех всего достаточно. Земля — щедрая мать. Она даст полное изобилие продовольствия для всех своих детей, если только они будут ее возделывать в справедливости и мире [...]. В доме Господа всем хватит места». Особые отношения между Объединенными Нациями, которые не имеют агрессивной направленности против какой-либо страны и не несут в себе планов, несовместимых с Уставом Организации Объединенных Наций, не только не вредны, но полезны и, я полагаю, необходимы. Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строи-

телей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, «если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга», то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли... Я поэтому взываю: будьте бдительны. Быть может, времени осталось уже мало... Лучше предупреждать болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии – я не сомневаюсь, что и здесь тоже, – питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты – уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, – о нынешнем положении в Европе. От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах

того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы... Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. Какие бы выводы ни делать из этих фактов, — а все это факты, — это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира [...].

И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения.

До 1933 или даже до 1935 года Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорила огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой

страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч. Мы не должны позволить такому повториться. Сейчас этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 году, хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества [...].

Если мы будем добросовестно соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и двигаться вперед со спокойной и трезвой силой, не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыслями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее – не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед.

IX. Рассмотрите предлагаемые ситуации. Как вы думаете, какому из ораторов в каждом случае удастся достичь той цели, которую он поставил, а какому нет? Почему?¹

1. Продуктовая машина, подъезжая к магазину, регулярно задевает и ломает деревья, растущие в палисаднике. Жители дома недовольны этим и намерены побеседовать с водителем машины.

а) Ах ты, бессовестный, как тебе не стыдно! Мы сажаем, растим, ухаживаем, а тебе трудно дерево объехать! Вам бы, шоферюгам, все только крушить и ломать, сделать вы ничего не способны! Если еще раз замечу, что дерево ломаешь, начальнику жаловаться буду!

б) Эх, парень, смотрю я на тебя и думаю: машину ты водишь отлично, это видно даже мне с первого взгляда. Однако ж ветки деревьев каждый раз задеваешь. Да я тебя не виню за это. Не твоя это вина. У тебя выбора не было. Какой ты ас ни будь, а ветка висит слишком низко и начни ты ее объезжать, с дороги съедешь. Так что получается, что выбора у тебя нет. Но ведь, когда ты задеваешь ветку, ты можешь поцарапать... а! я вижу уже поцарапал

¹ По: Анисимов Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика // www.twipx.com/filc/34641/

кузов. Глянет на твою машину другой человек и подумает: «Какой водитель неопытный. Чайник, а не водитель». Машина хоть и новая, а вся поцарапанная. Не будешь же ты ее красить. Скажешь: дерево задел, великое дело. А ведь это дерево я сажал, когда еще босоногим мальчишкой был. Выходит, ты не дерево, ты сердце мое задел. Ну что тебе стоит подъезжать к магазину с другой стороны. Там деревья над дорогой не свисают. И сам машину побережешь, и я тебе спасибо скажу. А что колдобина там имеется, так я скажу своим ребятам, сегодня же закопают.

2. Мальчишки регулярно разжигают костры в парке. Поскольку кругом много сухих листьев, костры часто приводят к пожарам и уничтожается много кустов и деревьев.

а) А, шпана, уголовники! Опять костер развели! А ну, потушите немедленно! Я кому говорю! Если через 30 секунд все не будет потушено, я вызову милицию и ваши родители заплатят такой штраф за вас, что вам не сдобровать! А ты, паразит Колька, в любом случае от меня не уйдешь. Устал я смотреть на твои художества. Сегодня же все отцу расскажу, чтобы он тебе уши надрал. Сколько можно ваши безобразия терпеть! И чему вас только в школе учат – совсем природу не любите!

б) Привет, ребята! Хорошо проводите время? Что готовите на ужин? Когда я был мальчиком, сам очень любил разводить костры, – и до сих пор очень люблю. Но знаете, здесь в парке это очень опасно. Знаю, что вы не причините вреда, но другие ребята не так осторожны. Они придут сюда, увидят, что вы разводили костры, разведут сами и не погасят перед уходом. Огонь распространится по сухим листьям и сожжет деревья. Если не соблюдать осторожность, все деревья погибнут и вас могут посадить в тюрьму за разведение костров. Но я не собираюсь командовать здесь и мешать вашим играм. Рад видеть, что вы весело развлекаетесь. Но, пожалуйста, отгребите прямо сейчас листья от костра и засыпьте их землей, а перед уходом насыпьте сюда побольше земли. Сделаете так? А следующий раз, когда захотите поиграть, может быть, лучше разведете костер за холмом на песке? Там это совсем безопасно. Спасибо, ребята. Желаю хорошо провести время (Д. Карнеги).

3. Сосед за стеной включает на полную громкость приемник, причем он работает не только вечером, но и поздно ночью, так как сосед засыпает под музыку. Живет один.

а) А, паразит, наконец-то я тебя застала! Все притворяешься, что тебя дома нет? Ты что ж не понимаешь, что от тебя уже все соседи плачут? Из-за твоей музыки скоро все в сумасшедший дом попадем. Мы между прочим работаем, нам в 7 часов уже уходить нужно, а ты до полночи свой матюгальник слушаешь. Что отворачиваешься-то? Все слова как об стенку горох. Вы как переехали сюда пять лет назад, я сразу сказала: мы с тобой все еще наплачемся. И сколько ты нам уже крови попортил своими выходами, мать в могилу свел, а теперь весь дом решил доконать? Все, кончилось мое терпение. Если еще раз услышу музыку вечером, буду милицию вызывать. Пусть тебя, паразита, в тюрьму посадят, может тогда отдохнем.

б) – Витя, здравствуй. (тон материнский, но достаточно твердый)

– Здрасьте (притворно-вялая напряженность).

– У тебя телефон еще не поставили?

– (Напряженное недоумение, некоторая растерянность) Не...

А у вас?

– У нас тоже нет. Послушай, но ведь вы же были внеочередники!

– Были да сплыли.

– Не может такого быть. Надо выяснить. Спаренный, но должны... В понедельник как раз на узел пойдем. Хорошо бы и ты с нами в подкрепление.

– В понедельник не могу...

– Ну заявление свое давай. Как раз твое заявление, может, и сдвинет, их ведь шевелить надо.

– Заявление-то можно... Да толку-то что?

– От твоего, может, и будет толк. Ты же у нас мастак пробивать дела, как тогда с отоплением.

– Ну, напишу. А если в среду утром прямо туда? Я свободный.

– Пошли в среду, договорились. Кстати, Витя, я насчет приемника твоего хочу спросить. Ты, наверно, засыпаешь под него? Засыпаешь?

– Ну?

– А мы уснуть не можем. А тебя уже не добудишься. А у Нины тоже суточные, Гена и я полшестого встаем... Так что давай по-тише после 10, договорились?

- Вы тоже мне стучали пару раз...
- Верно стучали. И давай на этом покончим. Ты же все отлично понимаешь. В милицию не хотелось бы. Слишком мы были в хороших отношениях с твоей мамой. Помнишь, как у нас ночевал?
- Как не помнить...
- А что, Люся еще не родила? (Замужняя сестра)
- Родила, как же. Пацан, Витек...
- В честь дядюшки, значит?
- Да нет, у них дед вроде тоже...
- Ну все равно, дочки в отцов, а сыновья в дядюшек, говорят...
- На меня похож, это точно... Значит в среду идем. Но если смогу, тетя Рай. А насчет этого, тетя Рай, не беспокойтесь, замечено (В. Леви).

Х. Прочитайте письма Д.С. Лихачева к молодым читателям (см. приложение, с. 150).

Письмо девятнадцатое. Как говорить?

1. Как язык, по мнению Д.С. Лихачева, характеризует человека? Сравните данную мысль Д.С. Лихачева с мыслью, выраженной в известном древнем афоризме «Заговори, чтоб я тебя увидел». Вспомните, кому принадлежит данный афоризм.

2. Чему уподобляет Д.С. Лихачев неряшливость в языке? Какие виды неряшливости в языке выделяет автор?

3. О каких чертах характера человека, по мнению Д.С. Лихачева, свидетельствует грубость, употребление в речи жаргонных слов, циничных выражений и ругани?

4. Какая речь, по мысли автора, характеризует интеллигентного человека?

Письмо двадцатое. Как выступать?

1. В чем секрет, по мнению автора, успешного выступления?

2. Как бы вы объяснили смысл высказывания: «всегда выступайте с добрых позиций. Даже выступление против какой-то идеи, мысли стремитесь построить как поддержку того положительного, что есть в возражениях спорящего с вами»?

Письмо двадцать первое. Как писать?

1. Какой смысл автор вкладывает в понятие «хороший язык»? Почему образный язык изложения не всегда является достоинством научного стиля?

2. Укажите принципы хорошего научного стиля, сформулированные Д.С. Лихачевым.

3. Какие средства выразительности речи вы бы отметили в этом тексте: сравнения, метафоры, повторы, антитезы?

XI. Прочитайте текст Т. Григорьевой «Что есть красота?» (см. приложение, с. 160).

1. Проследите, как происходит развитие концептуализации понятия *красота* в тексте Т. Григорьевой.

2. Выделите концептуальные метафоры, эксплицирующие данный концепт. Дайте классификацию концептуальных метафор, указав их источник. Отрадите свои наблюдения в таблице.

3. Укажите, какие три доминантных концепта были предметом исследования философов Древней Греции классического и эллинистического периодов? В чем суть эстетического идеала античных ученых?

4. Одно из важных понятий эстетических концепций античных авторов обозначается *калокагатия*, в котором к красоте присоединено хорошее – доброе и полезное: греч. калокагатия – сложное слово, в котором первый компонент (*καλός*) означает «красивый, то есть относится к телу (человеку внешнему)», а второй (*ἀγαθός*) – добрый, хороший, то есть относится к душе (человеку внутреннему). Почему, по мысли автора, произошло расщепление понятия красоты? От чего зависит эстетическая оценка объекта, по мнению древнегреческих философов?

5. Выстройте оппозиции, в которых выступает концепт *красота* в данном тексте.

6. Укажите определения, перифразы, которые вербализуют исследуемый концепт.

7. Спрофилируйте концепт *красота*, выделив основные фасы концепта, представленные в тексте.

8. Какие риторические фигуры использует автор в тексте?

9. Составьте план текста и перескажите его по пунктам.
10. Напишите текст-рассуждение на тему: «Является ли красота духовной ценностью в современном мире?»

КУЛЬТУРА

ДИСКУТИВНО-ПОЛЕМИЧЕСКОЙ РЕЧИ

I. *Познакомьтесь со словарем полемиста. Добавьте недостающие толкования.*

СЛОВАРИК ПОЛЕМИСТА

«Апелляция к публике» – полемический прием, суть которого заключается в том, что вместо обоснования истинности или ложности рассматриваемого тезиса начинают воздействовать на чувства людей, что мешает им составить объективное, беспристрастное мнение о предмете обсуждения.

Аргумент (довод, основание) – истинное суждение, приводимое для обоснования истинности или ложности высказанного положения (тезиса). Аргумент является составной частью всякого доказательства.

Аргументация – способ рассуждения, обеспечивающий доказательность и убедительность выступления; совокупность аргументов в пользу чего-либо.

Аргументировать – ...

«Атака вопросами» – полемический прием, состоящий в том, что очередное высказывание полемист заканчивает вопросом оппоненту, заставляя его все время отвечать на вопросы.

«Возвратный удар» («бумеранг») – полемический прием, состоящий в том, что какое-либо непродуманное или недружелюбное выступление, заявление, реплика, направленные против кого-либо, обращаются против самого автора.

Вопрос – логическая форма, включающая информацию, а также указание на ее недостаточность с целью получения новой информации в виде ответа.

Дебаты – ...

Демонстрация (форма, способ доказательства) – логическое рассуждение, в процессе которого из аргументов (доводов) выводится истинность или ложность тезиса. Демонстрация – составная часть всякого доказательства.

Дискуссия – спор, обсуждение какого-либо спорного вопроса на собрании, в печати, в беседе; публичный спор с целью выяснения истины, нахождения правильного решения спорного вопроса.

Дискутировать, дискуссировать – участвовать в дискуссии, обсуждать что-либо, спорить.

Диспут – ...

«Довод к человеку» – полемический прием, суть которого заключается в том, что вместо обоснования истинности или ложности рассматриваемого тезиса начинают оценивать достоинства и недостатки человека, его выдвинувшего.

Доказательность – обоснованность тезиса аргументами; важнейшее свойство правильного рассуждения.

Доказательный – убедительный, представляющий собой доказательство.

Доказательство – совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других положений, истинность которых уже установлена.

Ирония – ...

Критика доводов оппонента – способ опровержения, состоящий в том, чтобы доказать, что аргументы опровергаемого доказательства ложны или несостоятельны.

Логомахия – такой спор, когда спорящие, не определив четко предмета спора, опровергают друг друга или не соглашаются друг с другом только потому, что употребляют неточные слова для выражения своих мыслей; а также спор, который не представляет ничего существенно важного.

Майевтика – один из приемов сократовского метода установления истины. Суть приема состоит в том, что Сократ помогал «рождению мысли»: с помощью искусно поставленных вопросов и полученных ответов приводил собеседника к истинному знанию.

«Не вытекает», «не следует» – логическая ошибка в доказательстве, состоящая в том, что тезис не следует, не вытекает из приводимых в его подтверждение аргументов.

Обоснованность – важное качество правильного мышления, свидетельствующее о том, что в рассуждении все мысли опираются на другие, истинность которых доказана.

Оппонент – ...

Опровержение – доказательство ложности или несостоятельности какого-либо тезиса.

Опровержение демонстрации – способ опровержения, состоящий в выявлении того, что тезис противной стороны логически не вытекает из аргументов.

Опровержение фактами – полемический прием, состоящий в том, что в доказательство ложности или несостоятельности какого-либо тезиса приводятся действительные предметы, явления, события, противоречащие тезису.

«Основное заблуждение» (ложное основание) – логическая ошибка в доказательстве, состоящая в том, что тезис обосновывается ложными аргументами.

Ответ – ...

«Подмена тезиса» – логическая ошибка в доказательстве, состоящая в том, что один тезис умышленно или неумышленно подменяется другим и этот новый тезис начинают доказывать или опровергать.

Полемизировать – ...

Полемика – спор в процессе обсуждения чего-нибудь; борьба принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу, публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента.

Полемист – ...

Полемический прием – способ доказательства или опровержения истинности или ложности какого-либо положения.

«Порочный круг» – логическая ошибка в доказательстве, состоящая в том, что тезис выводится из аргументов, а аргументы, в свою очередь, выводятся из того же тезиса.

«Предвосхищение основания» – логическая ошибка в доказательстве, состоящая в том, что тезис опирается на недоказанные аргументы.

Предмет спора – положения, суждения, которые подлежат обсуждению путем обмена различных точек зрения, сопоставления разных мнений.

Прения – обсуждение, публичный спор по каким-либо вопросам.

Сарказм – язвительная насмешка, злая ирония.

«Сведение к абсурду» – полемический прием, суть которого состоит в том, чтобы показать ложность тезиса, так как следствия, вытекающие из него, противоречат действительности.

Софизм – логическая уловка, умышленно ошибочное рассуждение, которое выдается за истинное.

Софист – ...

Софистика – применение в споре или в доказательствах софизмов; словесные ухищрения, вводящие в заблуждение.

Спор – всякое столкновение мнений, разногласие в точках зрения по какому-либо вопросу, предмету; борьба, при которой каждая из сторон отстаивает свою правоту.

Спорщик – человек, который спорит; любитель спора.

Тезис – ...

Уловка – хитрость, ухищрение; ловкий прием, с помощью которого хотят облегчить спор для себя и затруднить для противника.

Эристика – искусство спорить, вести полемику, пользуясь при этом всеми приемами, рассчитанными только на то, чтобы победить противника.

Юмор – беззлобно-насмешливое отношение к чему-нибудь.

II. *Согласны ли вы с утверждениями, что*

а) «Если вы хотите завоевать человека, позвольте ему победить себя в споре» (Бенджамин Дизраэли).

б) «Два человека, стремящиеся по настоящему понять друг друга, должны сначала противоречить друг другу. Истина – дочь дискуссии, а не дочь симпатии» (Г. Башляр – французский философ XX века).

в) «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» (И. Тургенев).

III. *Постройте рассуждения на предложенные темы, ответив на вопросы:*

1. Нужно ли высшее образование, чтобы сделать карьеру?
2. Надо ли готовиться к семейной жизни?
3. Можно ли сохранить любовь?

IV. Прочитайте и обсудите рассуждение академика Д.С. Лихачева.

УМЕТЬ СПОРИТЬ С ДОСТОИНСТВОМ

В жизни приходится очень много спорить, возражать, опровергать мнение других, не соглашаться. Лучше всего проявляет свою воспитанность человек, когда он ведет дискуссию, спорит, отстаивает свои убеждения. В споре сразу обнаруживается интеллигентность, логичность мышления, вежливость, умение уважать людей и... самоуважение. Если в споре человек заботится не столько об истине, сколько о победе над своим противником, не умеет выслушать своего противника, стремится противника «перекричать», испугать обвинениями, – это пустой человек, и спор его пустой.

Как же ведет спор умный и вежливый спорщик?

Прежде всего, он внимательно выслушивает своего противника – человека, который не согласен с его мнением. Больше того, если ему что-нибудь неясно в позициях противника, он задаст ему дополнительные вопросы. И еще: если даже все позиции противника ясны, он выберет самые слабые пункты в утверждениях противника и переспросит, это ли утверждает его противник.

Внимательно выслушивая своего противника и переспрашивая, спорящий достигает трех целей: 1) противник не сможет возразить, сказав, что его «неправильно поняли», что он «этого не утверждал»; 2) спорящий своим внимательным отношением к мнению противника завоевывает себе симпатии среди тех, кто наблюдает за спором; 3) спорящий, слушая и переспрашивая, выигрывает время для того, чтобы обдумать свои собственные возражения (а это тоже немаловажно), уточнить свои позиции в споре.

В дальнейшем, возражая, никогда не следует прибегать к недозволенным приемам спора и придерживаться следующих правил: 1) возражать, но не обвинять; не «читать в сердце», не пытаться проникнуть в мотивы убеждений противника («вы стоите на этой точке зрения, потому что она вам выгодна», «вы так говорите, потому что вы сам такой» и т. п.); 2) не отклоняться в сторону от темы спора; спор нужно уметь доводить до конца, то есть либо до опровержения тезиса противника, либо до признания правоты противника.

На последнем своем утверждении я хочу остановиться особо.

Если вы с самого начала ведете спор вежливо и спокойно, без заносчивости, то тем самым вы обеспечиваете себе спокойное отступление с достоинством.

Помните: нет ничего красивее в споре, как спокойно, в случае необходимости, признать полную или частичную правоту противника. Этим вы завоевываете уважение окружающих. Этим вы показываете, как дорога вам истина. Этим вы как бы призываете к уступчивости и своего противника, заставляете его смягчить крайности своей позиции.

Конечно, признавать правоту противника можно только тогда, когда дело касается не ваших общих убеждений, не ваших нравственных принципов (они всегда должны быть самыми высокими).

V. Подготовьтесь к участию в дискуссии о науке, культуре и искусстве по таким вопросам:

1. Наука и культура сегодня: взаимообогащение или полный разрыв?
2. Что такое культура, как ее приобрести?
3. Что такое истинно творческая личность?

Выполните следующие задания:

1. *Познакомьтесь с определениями.*

ИСКУССТВО – 1) художественное творчество в целом: литература, архитектура, скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, музыка, танец, театр, кино и другие разновидности человеческой деятельности как художественно-образные формы отражения действительности; 2) в узком смысле – изобразительное искусство; 3) высокая степень умения, мастерства в любой сфере деятельности.

КУЛЬТУРА (лат. *cultura*) – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях; понятие «культура» употребляется для характеристики определенных исторических эпох (античная культура), кон-

кретных обществ, народностей и наций (культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура труда, быта, художественная культура); в более узком смысле – сфера духовной жизни людей. Она включает в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т. д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности людей (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение, способы и нормы общения людей). В основе развития материальной и духовной культуры, находящихся в органическом единстве, лежит развитие материального производства.

2. Прочитайте высказывания. Все ли они объединены одной мыслью?

а) Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука (М. Горький).

б) Разум и чувства – две силы, равно нуждающиеся друг в друге, мертвые и ничтожные одна без другой (В. Белинский).

в) Жизнь есть корень, а искусство и науки – стебли, выросшие на нем (А. Чавчавадзе).

г) В наши дни наука не служит больше обогащению общества, культуры, человечества. Она становится собственностью незначительного коллектива выдающихся специалистов... Наука ускользает от всеобщего понимания... она не входит в общую культуру (Оппенгеймер).

VI. Прочитайте выступление академика Павла Сергеевича Александрова – известного советского математика, Героя Социалистического Труда, профессора МГУ, основателя школы теоретико-множественной типологии – на диспуте в МГУ.

Ответьте на вопросы: 1. Как понимает академик П.С. Александров слово культура? (Обратитесь к определению этого понятия, см. начало темы). 2. Что объединяет понятия «наука» и «культура»? 3. Почему «античный идеал божества состоял в вечной юности»? 4. Что делает человека «признанным царем природы»?

В прологе к «Фаусту» Мефистофель замечает, что он будет говорить не о совершенстве мироздания, а о том, как человек на этой земле страдает и мучается.

Я не собираюсь говорить о судьбах цивилизации и о всех космических проблемах. Меня больше всего заботят наши студенты, их отношение к науке и культуре. Они страдают от наук, особенно во время экзаменационной сессии, и, несомненно, любят культуру.

Мне кажется, наука сегодня связана с очень большим профессионализмом. Я очень не люблю это слово и раньше никогда его не употреблял. Но нельзя отрицать факты: профессия ученого стала требовать настолько большой работы в пределах одной проблемы, что поглощает человека всецело. В то же время культура не может ограничиться, например, той наукой, о которой с необычайным подъемом писал Гоголь: не теряйте вечного богатства юности, не подберете потом...

Юность человеческая длится, к сожалению, недолго. Недаром античный идеал божества состоял в вечной юности! Но она ему не дана. И перед каждым человеком встает проблема: запал юных лет унести в дальнейшую жизнь. Эта задача вполне серьезным образом может и должна стать перед каждым человеком. И поверьте моему опыту, если она будет поставлена, она будет и разрешена.

Каждому из вас я хочу в заключение пожелать иметь большую и яркую увлеченность. Прежде всего увлеченность своим делом, иначе зачем им заниматься?! И еще, чтобы была увлеченность чем-то другим (будь то природа, музыка, живопись, поэзия – что угодно), что делает человека признанным царем природы.

VII. Прочитайте отрывок из выступления академика Андрея Николаевича Колмогорова – профессора МГУ, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии. Он первый был удостоен международной математической премии Больцано и Нобелевской премии математиков.

Ответьте на вопросы: 1. В чем академик Колмогоров не согласен с академиком Александровым? 2. От чего зависит будущее человеческой культуры? 3. Какой вопрос нашего времени академик Колмогоров считал основным? 4. Какие качества в ученом считал важными академик Колмогоров?

Я твердо убежден, что сейчас более серьезно и отчетливо начинают думать самые широкие круги людей.

Но вернемся к уже поднятой полемике.

Тут Павел Сергеевич говорит о лыжниках. Сам он на лыжах очень много ходит по лесам, но, как правило, на лыжню не смотрит. А я уже в профессорском возрасте бегал как-то на 10 километров со студентами и потом не мог сказать, где эти дистанции проложены. Я интересовался только лыжней и показал относительно неплохое время. И нельзя сказать, чтобы это не принесло мне относительно приятных переживаний. По-видимому, все-таки некоторые элементы подлинно человеческой культуры в этом чисто спортивном подходе к делу есть. Мне, например, нравится, как спортсмены относятся к своим ученикам: хорошие опытные мастера с восторгом говорят о своих учениках, заботятся о шлифовке и развитии личности.

Это мое мнение об уже затронутом здесь вопросе. Теперь о другом... Человечество переживает период, когда у него есть все возможности произвести прыжок из царства необходимости в царство свободы. У человека есть сейчас к этому материальные возможности, которых не было сто лет назад. Сделает человечество этот прыжок или у него будет другая судьба? Наступит ли новый этап в жизни человечества, когда оно как единый коллектив будет жить вечными идеалами, или нет? Это есть первый и основной вопрос нашего времени.

Надо понять, как строить преемственную, большую и развивающуюся вперед человеческую культуру. Как постичь всю широту этого понятия? Как участвовать в построении самого прекрасного здания для человечества и человека? Каждый из нас есть участник этого дела.

Когда вспоминают об Эйнштейне, то почему-то говорят о том, что он ходил в мятом пиджаке. Но следовало бы еще знать, что он подписывал воззвание за мир, что он переживал судьбы человечества вплоть до болезненного состояния. Это признак большого человека. Мне хочется сказать, что моральные качества ученого — это важная вещь.

VIII. *Запишите вопросы, какие бы вы хотели задать на диспуте. Используйте следующие выражения: не кажется ли вам,*

что ...; как, по-вашему, ...; считаете ли вы, что ...; каково ваше мнение ...; простите за то, что вопрос не по теме ...

IX. *Выразите ваше отношение к данным высказываниям. Аргументируйте свою точку зрения. Используйте выражения речевого этикета, приведенные выше:*

а) Профессия ученого поглощает человека всецело. Это происходило на протяжении всей истории развития науки.

б) Всякая красота и самый акт ее восприятия есть одно из самых сильных осуществлений культуры.

в) Культура – это способность увлекаться до самозабвения какими-либо ценностями – эстетическими или познавательными.

г) Элементы творчества – вокруг нас, они доступны каждому.

д) Творческой личностью может быть только человек, имеющий глубокое, всестороннее образование.

е) Каждый из нас участвует в развитии человеческой культуры.

X. *Выберите ведущего, который представит студентов вашей группы как участников дискуссии, и проведите обмен мнениями по проблеме: «Наука и культура». Используйте вышеизложенный материал и следующие выражения:*

Я твердо убежден, что...; но вернемся к вопросу (проблеме) о...; собеседник уже говорил о...; мое мнение несколько расходится с тем, что говорил...; здесь была выражена мысль о том, что...; думаю, что...; я этого не думаю.

Как выразить недоверие, сомнение в правильности излагаемых фактов:

В это трудно поверить; этому трудно поверить; вряд ли; вряд ли это возможно (правильно); я не уверен, что это так (правильно, возможно); я не уверен в правильности ваших слов; об этом нельзя сказать с уверенностью; трудно сказать (так ли это).

Как уклониться от ответа, если вы затрудняетесь или не хотите отвечать: к сожалению, я (плохо, совсем) не разбираюсь в этом; понятия не имею, как ответить на этот вопрос; это новая для меня проблема (новый вопрос), я должен ее обдумать; затрудняюсь сразу (сейчас) ответить (высказать свое мнение), надо подумать; я плохо себе представляю эту проблему (вопрос); я не раз-

бираюсь в этом вопросе (в этой проблеме); мне трудно судить об этом; я никогда этим не интересовался; я никогда этим не занимался; я раньше над этим не задумывался; мне трудно ответить на этот вопрос.

XI. *Прочитайте текст. Выразите письменно свое отношение к поднимаемой проблеме.*

Трудно встретить сейчас человека, равнодушного к современной речи, удовлетворенного ее состоянием. На колебания и сложность норм русского литературного языка сетует стар и млад. Впрочем, образованная часть общества никогда не была безразличной к своему языку. Почти всегда находились, с одной стороны, сторонники языкового обновления, даже реформ языка, а с другой – ревнители чистоты и правильности старых, традиционных речевых навыков. Спор между ними – это непреходящий спор, чем-то похожий на извечную проблему отцов и детей.

Но в последнее время интерес к языку стал носить отнюдь не отвлеченный характер. Беспокойная мысль (правильно или неправильно?), творческие муки слова вышли за пределы профессорских кабинетов и учебных аудиторий. Споры о языке, дебаты и прения о его красоте и богатстве, о порче и обеднении нашей речи происходят сейчас, по словам Корнея Чуковского, в обстановке раскаленных страстей.

Неослабный и возрастающий интерес к языку и повышенные требования к форме речи знаменуют собой новый этап в культурном развитии нашего общества. Все более укрепляется в сознании современников то, что речь человека – это лакмусовая бумажка общей культуры, что владение литературным языком составляет необходимый компонент образованности, интеллигентности и что, наоборот, языковая малограмотность, как говорил еще М. Горький, всегда является признаком низкой культуры.

XII. *Прокомментируйте следующие высказывания:*

Спор – это проблема, у которой есть две стороны и нет конца (NN).

Чем больше выигранных споров, тем больше потерянных друзей (NN).

В споре всегда теряется истина (Публий Сир).

Невежда непобедим в споре. Люди, которые знают меньше всего, спорят больше всего (NN).

Не старайся сказать последнее слово, старайся сделать последний шаг (Жильбер Сесброн).

Дискуссия – это обмен знаниями, спор – обмен невежеством (Роберт Куиллен).

Быть опровергнутым – этого опасаться нечего; опасаться следует другого – быть непонятым (Иммануил Кант).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Г.З. Ораторское искусство. – М., 1978.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.
3. Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2001.
4. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М., 2000.
5. Иванова С.Ф. Искусство диалога, или Беседы о риторике. – Пермь, 1992.
6. Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.
7. Лассан Э., Шапиро Р. Искусство русской речи. Риторика. Логика. Грамматика. – Каунас, 2001. – 240 с.
8. Леммерман Х. Учебник риторики. – М., 1997.
9. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1990. – Т. 1.
10. Лосев А.Ф. «Риторика» и ее эстетический идеал // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. – М., 1978.
11. Миртов А.В. Умение говорить публично. – Тула, 2000.
12. Михальская А.К. Педагогическая риторика. – М., 1998.
13. Ничипорчик Е.В. История риторики. Античный период. Хрестоматия: учеб. пособие для студ. филол. вузов. – Гомель. – 236 с.
14. Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика. – М., 1991.
15. Савкова З.В. Искусство оратора. – СПб., 2003.
16. Тронский И.М. История античной литературы. – М., 1983.
17. Чудинов А.П. Умение убеждать: практическая риторика. – Екатеринбург, 1996.
18. Шведов И.А. Искусство убеждать: беседы о современном красноречии. – Киев, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН Нобелевская лекция по литературе, 1972¹

Как тот дикарь, в недоумении подобравший странный выброс ли океана? захоронок песков? или с неба упавший непонятный предмет? – замысловатый в изгибах, отблескивающий то смутно, то ярким ударом луча, – вертит его так и сяк, вертит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной низшей службы, никак не догадываясь о высшей.

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаем за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения – до эстрадных песенок и ночного бара, то – затычкою или палкою, как схватишь, – для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А искусство – не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделяя нам часть своего тайного внутреннего света.

Но охватим ли в е с ь тот свет? Кто осмелится сказать, что *определил* Искусство? перечислил все стороны его? А может быть, уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы недолго могли на том застояться: мы послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как всегда, спеша сменить хоть и самое лучшее – а только бы на новое! И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было.

Один художник мнит себя творцом независимого духовного мира и взваливает на свои плечи акт творения этого мира, населения его, объемлющей ответственности за него, – но подламывается, ибо нагрузки такой не способен выдержать смертный гений; как и вообще человек, объявивший себя центром бытия, не сумел создать уравновешенной духовной системы. И если овладевает им неудача, – валят ее на извечную дисгармоничность мира, на сложность современной разорванной души или непонятливость публики.

¹ www.lib.ru/PROSA/SOLZHENICYN/s_nobel.tht

Другой – знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога, хотя еще строже его ответственность за все написанное, нарисованное, за воспринимающие души. Зато: не им этот мир создан, не им управляется, нет сомнений в его основах, художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям. И в неудачах и даже на дне существования – в нищете, в тюрьме, в болезнях – ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его.

Однако вся иррациональность искусства, его ослепительные извивы, непредсказуемые находки, его сотрясающее воздействие на людей, – слишком волшебны, чтоб исчерпать их мировоззрением художника, замыслом его или работой его недостойных пальцев.

Археологи не обнаруживают таких ранних стадий человеческого существования, когда бы не было у нас искусства. Еще в предутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: зачем нам этот дар? как обращаться с ним?

И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что искусство разложится, изживет свои формы, умрет. Умрем – мы, а оно – останется. И еще пойдем ли мы до нашей гибели все стороны и все назначения его?

Не все – называется. Иное влечет дальше слов. Искусство растекает даже захлавленную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, – такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению.

Как то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь – не себя, – увидишь на миг Недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает...

Достоевский загадочно обронил однажды: «Мир спасет красоту». Что это? Мне долго казалось – просто фраза. Как бы это возможно? Когда в кровавой истории, кого и от чего спасала красота? Облагораживала, возвышала – да, но кого спасла?

Однако есть такая особенность в сути красоты, особенность в положении искусства: убедительность истинно художественного произведения совершенно неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, напористую публици-

стику, программу социальной жизни, философскую систему можно по видимости построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи; и что скрыто, и что искажено – увидится не сразу. А выйдет на спор противонаправленная речь, публицистика, программа, иноструктурная философия, – и все опять так же стройно и гладко, и опять сошлось. Оттого доверие к ним есть – и доверия нет.

Попусту твердится, что к сердцу не ложится.

Произведение же художественное свою проверку несет само в себе: концепции придуманные, натянутые не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те и другие, оказываются хилы, бледны, никого не убеждают. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам ее сгущенно-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать.

Так может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшавшая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трех деревьев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, – то может быть причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвоятся *в то же самое место*, и так выполнят работу за всех трех?

И тогда не обмолвкой, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасет красота»? Ведь *ему* дано было многое видеть, озаряло его удивительно.

И тогда искусство, литература могут на деле помочь сегодняшнему миру?

То немногое, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть, я и попытаюсь изложить сегодня здесь.

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем примощенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их – неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие – может быть с большим даром, сильнее меня – погибли. Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛАГе, рассыпанном на дробное множество островов, да под

жерновом слежки и недоверия не со всяким разговаривался, об иных только слышал, о третьих только догадывался. Те, кто канул в ту пропасть уже с литературным именем, хотя бы известных, — но сколько не узанных, ни разу публично не названных! и почти-почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустынею. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева.

И мне сегодня, сопровождаемому тенью павших, и со склоненной головой пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать о нем?

Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы ее понимали. Словами Владимира Соловьева: «Но и в цепях должны свершить мы сами Тот круг, что боги очертили нам».

В томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог слышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно откликнется мир. Отчетливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами, и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось перевеса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, тою жизнью проверены, оттуда выросли.

Когда ж ослабилось внешнее давление — расширился мой и наш кругозор, и постепенно, хотя бы в щелочку, увиделся и узнался тот «весь мир». И поразительно для нас оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали, как мы надеялись: «не тем» живущий, «не туда» идущий, на болотную топь восклицающий: «Что за очаровательная лужайка!» — на бетонные шейные колодки: «Какое утонченное ожерелье!» — а где катятся у одних неотирные слезы, там другие приплясывают беспечному мюзикалу.

Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувствен ли мир? Или это — от разницы язы-

ков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга? Слова отзвучивают и утекают как вода – без вкуса, без цвета, без запаха. Без следа.

По мере того, как я это понимал, менялся и менялся с годами состав, смысл и тон моей возможной речи. Моей сегодняшней речи.

И уже мало она похожа на ту, первоначально задуманную в морозные лагерные вечера.

Человек извечно устроен так, что его мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, его мотивировки и шкала оценок, его действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Как говорит русская пословица: «Не верь брату родному, верь своему глазу кривому». И это – самая здоровая основа для понимания окружающего и поведения в нем. И долгие века, пока наш мир был глухо, загадочно раскинут, пока не пронизался он едиными линиями связи, не обратился в единый судорожно бьющийся ком, – люди безошибочно руководились своим жизненным опытом в своей ограниченной местности, в своей общине, в своем обществе, наконец, и на своей национальной территории. Тогда была возможность отдельным человеческим глазам видеть и принимать некую общую шкалу оценок: что признается средним, что невероятным; что жестоким, что за гранью злодейства; что честностью, что обманом. И хотя очень по-разному жили разбросанные народы, и шкалы их общественных оценок могли разительно не совпадать, как не совпадали их системы мер, эти расхождения удивляли только редких путешественников, да попадали диковинками в журналы, не неся никакой опасности человечеству, еще не единому.

Но вот за последние десятилетия человечество незаметно, внезапно стало единым – обнадежно единым и опасно единым, так что сотрясения и воспаления одной его части почти мгновенно передаются другим, иногда не имеющим к тому никакого иммунитета. Человечество стало единым, – но не так, как прежде бывали устойчиво едиными община или даже нация: не через постепенный жизненный опыт, не через собственный *глаз*, добродушно названный кривым, даже не через родной понятный язык, – а, поверх всех барьеров, через международное радио и печать. На нас валит накат событий, полмира в одну минуту узнает об их выплеске, но

мерок – измерять те события и оценивать по законам неизвестных нам частей мира – не доносят и не могут донести по эфиру и в газетных листах: эти мерки слишком долго и особенно устаивались и усваивались в особой жизни отдельных стран и обществ, они не переносимы на лету. В разных краях к событиям прикладывают собственную, выстраданную шкалу оценок – и неуступчиво, самоуверенно судят только по своей шкале, а не по какой чужой.

И таких разных шкал в мире если не множество, то во всяком случае несколько: шкала для ближних событий и шкала для дальних; шкала старых обществ и шкала молодых; шкала благополучных и неблагополучных. Деления шкал кричаще не совпадают, пестрят, режут нам глаза, и чтоб не было нам больно, мы отмахиваемся ото всех чужих шкал как от безумия, от заблуждения, и весь мир уверенно судим по своей домашней шкале. Оттого кажется нам крупней, больней и невыносимей, не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам. Все же дальнее, не грозящее прямо сегодня докатиться до порога нашего дома, признается нами, со всеми его стонами, задушенными криками, погубленными жизнями, хотя б и миллионами жертв, – в общем вполне терпимым и сносных размеров.

В одной стороне под гоненьями, не уступающими древнеримским, не так давно отдали жизнь за веру в Бога сотни тысяч беззвучных христиан. В другом полушарии некий безумец (и наверно, он не одинок) мчится через океан, чтоб ударом стали в первосвященника *освободить* нас от религии! По своей шкале он так рассчитал за всех за нас!

То, что по одной шкале представляется издали завидной благоденственной свободой, то по другой шкале, вблизи ощущается досадным принуждением, зовущим к переворачиванию автобусов. То, что в одном краю мечталось бы как неправдоподобное благополучие, то в другом краю возмущает как дикая эксплуатация, требующая немедленной забастовки. Разные шкалы для стихийных бедствий: наводнение в двести тысяч жертв кажется мельче нашего городского случая. Разные шкалы для оскорбления личности: где унижает даже ироническая улыбка и отстраняющее движение, где и жестокие побои простительны как неудачная шутка. Разные шкалы для наказаний, для злодеяний. По одной шкале месячный арест, или ссылка в деревню, или «карцер», где кормят

белыми булочками да молоком, — потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и прощены — и тюремные сроки по двадцать пять лет, и карцеры, где на стенах лед, но раздевают до белья, и сумасшедшие дома для здоровых, и пограничные расстрелы бесчисленных неразумных, все почему-то куда-то бегущих людей. А особенно спокойно сердце за тот экзотический край, о котором и вовсе ничего не известно, откуда и события до нас не доходят никакие, а только поздние плоские догадки малочисленных корреспондентов.

И за это двоенье, за это остолбенелое непониманье чуждого дальнего горя нельзя упрекать человеческое зрение: уж так устроен человек. Но для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью. При шести, четырех, даже при двух шкалах не может быть единого мира, единого человечества: нас разорвет эта разница ритма, разница колебаний. Мы не уживем на одной Земле, как не жилец человек с двумя сердцами.

Но кто же и как совместит эти шкалы? Кто создаст человечеству единую систему отсчета — для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? Кто прояснит человечеству, что действительно тяжело и невыносимо, а что только поблизости натирает нам кожу, — и направит гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это — искусство. Это — литература.

Доступно им такое чудо: преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне ему приходит опыт других. От человека к человеку, восполняя его куцое земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздает опыт, пережитый другими, — и дает усвоить как собственный.

И даже больше, гораздо больше того: и страны, и целые континенты повторяют ошибки друг друга с опозданием, бывает, и на

века, когда, кажется, так все наглядно видно! а нет: то, что одними народами уже пережито, обдумано и отвергнуто, вдруг обнаруживается другими как самое новейшее слово. И здесь тоже: единственный заменитель не пережитого нами опыта – искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации – никогда не пережитый этой второю трудный многодесятилетний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного, или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории.

Об этом великом благословенном свойстве искусства я настойчиво напоминаю сегодня с нобелевской трибуны.

И еще в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю – в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу.

(За последнее время модно говорить о нивелировке наций, об исчезновении народов в котле современной цивилизации. Я не согласен с тем, но обсуждение того – вопрос отдельный, здесь же уместно сказать: исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились, в один характер, в одно лицо. Нации – это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла).

Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это – не просто нарушение «свободы печати», это – замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти. Нация не помнит сама себя, нация лишается духовного единства, – и при общем как будто языке соотечественники вдруг перестают понимать друг друга. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни сами себе, ни потомкам. Если такие мастера, как Ахматова или Замятин, на всю жизнь замурованы заживо, осуждены до гроба творить молча, не слыша отзвука своему написанному, – это не только их личная беда, но горе всей нации, но опасность для всей нации. А в иных случаях – и для всего чело-

вечества: когда от такого молчания перестает пониматься и вся целиком История.

В разное время в разных странах горячо, и сердито, и изящно спорили о том, должны ли искусство и художник жить сами для себя или вечно помнить свой долг перед обществом и служить ему, хотя и непредвзято. Для меня здесь нет спора, но я не стану снова поднимать вереницы доводов. Одним из самых блестящих выступлений на эту тему была Нобелевская же лекция Альбера Камю — и к выводам ее я с радостью присоединяюсь. Да русская литература десятилетиями имела этот крен — не заглядываться слишком сама на себя, не порхать слишком беспечно, и я не стыжусь эту традицию продолжать по мере сил. В русской литературе издавна вроднились нам представления, что писатель может многое в своем народе — и должен.

Не будем попираť права художника выражать исключительно собственные переживания и самонаблюдения, пренебрегая всем, что делается в остальном мире. Не будем требовать от художника, — но укорить, но попросить, но позвать и поманить дозволено будет нам. Ведь только отчасти он развивает свое дарование сам, в большей доле оно вдунуто в него от рожденья готовым — и вместе с талантом положена ответственность на его свободную волю. Допустим, художник никому ничего *не должен*, но больно видеть, как *может* он, уходя в своесозданные миры или в пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных, а то и ничтожных, а то и безумных.

Оказался наш XX век жесточе предыдущих, и первой его половиной не кончилось все страшное в нем. Те же старые пещерные чувства — жадность, зависть, необузданность, взаимное недоброжелательство, — на ходу принимая приличные псевдонимы вроде классовой, расовой, массовой, профсоюзной борьбы, рвут и разрывают наш мир. Пещерное неприятие компромиссов введено в теоретический принцип и считается добродетелью ортодоксальности. Оно требует миллионных жертв в нескончаемых гражданских войнах, оно нагруживает в душу нам, что нет общечеловеческих устойчивых понятий добра и справедливости, что все они текучи, меняются, а значит всегда должно поступать так, как выгодно твоей партии. Любая профессиональная группа, как только находит удобный момент *вырвать кусок*, хотя б и не заработанный, хотя б

и избыточный, — тут же вырывает его, а там хоть все общество развалилось. Амплитуда швыряний западного общества, как видится со стороны, приближается к тому пределу, за которым система становится метастабильной и должна развалиться. Все меньше стесняясь рамками многовековой законности, нагло и победно шагает по всему миру насилие, не заботясь, что его бесплодность уже много раз проявлена и доказана в истории. Торжествует даже не просто грубая сила, но ее трубное оправдание: заливают мир наглая уверенность, что сила может все, а правота — ничего. *Бесы* Достоевского — казалось, провинциальная кошмарная фантазия прошлого века, на наших глазах расползаются по всему миру, в такие страны, где и вообразить их не могли, — и вот угонами самолетов, захватами заложников, взрывами и пожарами последних лет сигналият о своей решимости сотрясти и уничтожить цивилизацию! И это вполне может удалиться им. Молодежь — в том возрасте, когда еще нет другого опыта, кроме сексуального, когда за плечами еще нет годов собственных страданий и собственного понимания, — восторженно повторяет наши русские опороченные зады XIX века, а кажется ей, что открывает новое что-то. Новоявленная хунвейбинская деградация до ничтожества принимается ею за радостный образец. Верхоглядное непонимание извечной человеческой сути, наивная уверенность не поживших сердец: вот этих лютых, жадных притеснителей, правителей прогоним, а следующие (мы!), отложив гранаты и автоматы, будут справедливые и сочувственные. Как бы не так!.. А кто пожил и понимает, кто мог бы этой молодежи возразить, — многие не смеют возражать, даже заискивают, только бы не показаться «консерваторами», — снова явление русское, XIX века, Достоевский называл его «рабством у передовых идей».

Дух Мюнхена — нисколько не ушел в прошлое, он не был коротким эпизодом. Я осмелюсь даже сказать, что дух Мюнхена преобладает в XX веке. Оробелый цивилизованный мир перед натиском внезапно воротившегося оскаленного варварства не нашел ничего другого противопоставить ему, как уступки и улыбки. Дух Мюнхена есть болезнь воли благополучных людей, он есть повседневное состояние тех, кто отдался жажде благоденствия во что бы то ни стало, материальному благосостоянию как главной цели земного бытия. Такие люди — а множество их в сегодняшнем мире — изби-

рают пассивность и отступления, лишь дальше потянулась бы привычная жизнь, лишь не сегодня бы перешагнуть в суровость, а завтра, глядишь, обойдется... (Но никогда не обойдется! – расплата за трусость будет только злей. Мужество и одоление приходят к нам, лишь когда мы решаемся на жертвы). А еще нам грозит гибелью, что физически сжатому стесненному миру не дают слиться духовно, не дают молекулам знания и сочувствия перескакивать из одной половины в другую. Это люта опасность: пресечение информации между частями планеты. Современная наука знает, что пресечение информации есть путь энтропии, всеобщего разрушения. Пресечение информации делает призрачными международные подписи и договоры: внутри *оглушенной* зоны любой договор ничего не стоит перетолковать, а еще проще – забыть, он как бы и не существовал никогда (это Оруэлл прекрасно понял). Внутри оглушенной зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский экспедиционный корпус, они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы пойти топтать ее в святой уверенности, что «освобождают».

Четверть века назад в великих надеждах человечества родилась Организация Объединенных Наций. Увы, в безнравственном мире выросла безнравственной и она. Это не организация Объединенных Наций, но организация Объединенных Правительств, где уравниены и свободно избранные, и насильственно навязанные, и оружием захватившие власть. Корыстным пристрастием большинства ООН ревниво заботится о свободе одних народов и в небрежении оставляет свободу других. Угодливым голосованием она отвергла рассмотрение частных жалоб – стонов, криков и умолений единичных маленьких *просто людей*, слишком мелких букашек для такой великой организации. Свой лучший за двадцать пять лет документ – Декларацию Прав человека – ООН не посилилась сделать обязательным для правительств условием их членства – и так предала маленьких людей воле не избранных ими правительств.

Казалось бы: облик современного мира весь в руках ученых, все технические шаги человечества решаются ими. Казалось бы, именно от всемирного содружества ученых, а не от политиков должно зависеть, куда миру идти. Тем более, что пример единиц показывает, как много могли бы они сдвинуть все вместе. Но нет, ученые не явили яркой попытки стать важной самостоятельно дей-

ствующей силой человечества. Целыми конгрессами отшатываются они от чужих страданий: уютней остаться в границах науки. Все тот же дух Мюнхена развесил над ними свои расслабляющие крыла.

Каковы ж в этом жестоком, динамичном, взрывном мире на черте его десяти гибелей – место и роль писателя? Уж мы и вовсе не шлем ракет, не катим даже последней подсобной тележки, мы и вовсе в презрении у тех, кто уважает одну материальную мощь. Не естественно ли нам тоже отступить, разувериться в неколебимости добра, в недробимости правды и лишь поведывать миру свои горькие сторонние наблюдения, как безнадежно исковеркано человечество, как измельчали люди и как трудно среди них одиноким тонким красивым душам?

Но и этого бегства – нет у нас. Однажды взявшись за *слово*, уже потом никогда не уклониться: писатель – не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, – то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, – то на ладонях писателя синяки от той веревки. И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам и хватают заложников, – то перемешивается это зловоние с дыханием писателя. Найдём ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?

Однако ободряет меня живое ощущение мировой литературы как единого большого сердца, колотящегося о заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу.

Помимо исконных национальных литератур, существовало и в прежние века понятие мировой литературы – как огибающей по вершинам национальных и как совокупности литературных взаимовлияний. Но случалась задержка во времени: читатели и писатели узнавали писателей иноязычных с опозданием, иногда вековым, так что и взаимные влияния опаздывали, и огибающая национальных литературных вершин проступала уже в глазах потомков, не современников.

А сегодня между писателями одной страны и писателями и читателями другой есть взаимодействие если не мгновенное, то близ-

кое к тому, я сам на себе испытываю это. Не напечатанные, увы, на родине, мои книги, несмотря на поспешные и часто дурные переводы, быстро нашли себе отзывчивого мирового читателя. Критическим разбором их занялись такие выдающиеся писатели Запада, как Генрих Белль. Все эти последние годы, когда моя работа и свобода не рухнули, держались против законов тяжести как будто в воздухе, как будто ни на чем – на невидимом, немым натяге сочувственной общественной пленки, – я с благодарною теплотой, совсем неожиданно для себя узнал поддержку и мирового братства писателей. В день моего пятидесятилетия я изумлен был, получив поздравления от известных европейских писателей. Никакое давление на меня не стало проходить незамеченным. В опасные для меня недели исключения из писательского союза – стена защиты, выдвинутая видными писателями мира, предохранила меня от худших гонений, а норвежские писатели и художники на случай грозившего мне изгнания с родины гостеприимно готовили мне кров. Наконец, и само выдвижение меня на Нобелевскую премию возбуждено не в той стране, где я живу и пишу, но – Франсуа Мориаком и его коллегами. И, еще позже того, целые национальные писательские объединения выразили поддержку мне.

Так я понял и ощутил на себе: мировая литература – уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами, но некое общее тело и общий дух, живое сердечное единство, в котором отражается растущее духовное единство человечества. Еще багровеют государственные границы, накаленные проволокою под током и автоматными очередями, еще иные министерства внутренних дел полагают, что и литература – «внутреннее дело» подведомственных им стран, еще выставляются газетные заголовки: «не их право вмешиваться в наши внутренние дела!» – а между тем *внутренних дел* вообще не осталось на нашей тесной Земле! И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего: людям Востока было бы сплошь безразлично, что думают на Западе; людям Запада – сплошь безразлично, что совершается на Востоке. И художественная литература – из тончайших, отзывчивейших инструментов человеческого существа – одна из первых уже переняла, усвоила, подхватила это чувство растущего единства человечества. И вот я уверенно обращаюсь к мировой литературе сегодняшнего дня –

к сотням друзей, которых ни разу не встретил въявь и, может быть, никогда не увижу.

Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим! В своих странах, раздираемых разноголосицей партий, движений, каст и групп, кто же искони был силою не разъединяющей, но объединяющей? Таково по самой сути положение писателей: выразителей национального языка – главной скрепы нации, и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае и национальной души.

Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями: перенести сгущенный опыт одних краев в другие так, чтобы перестало у нас двоиться и рябить в глазах, совместились бы деления шкал, и одни народы узнали бы верно и сжато истинную историю других с тою силой узнавания и болевого ощущения, как будто пережили ее сами, – и тем обережены бы были от запоздалых жестоких ошибок. А сами мы при этом, быть может, сумеем развить в себе и *мировое зрение*: центром глаза, как и каждый человек, видя близкое, краями глаза начнем вбирать и то, что делается в остальном мире. И соотнесем, и соблюдем мировые пропорции.

И кому же, как не писателям, высказать порицание не только своим неудачным правителям (в иных государствах это самый легкий хлеб, этим занят всякий, кому не лень), но – и своему обществу, в его ли трусливом унижении или в самодовольной слабости, но – и легковесным броскам молодежи, и юным пиратам с замахнутыми ножами?

Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, – оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием. Оно уже не

всегда, не обязательно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть э т о приходится в мир и даже царит в мире – но не через меня. Писателям же и художникам доступно больше: *победить ложь*! Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! – зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь – но только не против искусства. А едва развеяна будет ложь – отвратительно откроется нагота насилия – и насилие дряхлое падет.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскаленный час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни – но выйти на бой!

В русском языке излюблены пословицы о *правде*. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт, и иногда поразительно:

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.

**ПАКТ РЕРИХА ПО СОХРАНЕНИЮ
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (1935 г.)
Краткий исторический очерк¹**

В истории мира бывают периоды, когда вводится великая новая идея, облагораживающая все человечество, и такие идеи всегда приносят с собою большие улучшения и новые условия жизни.

Рядовой обыватель не всегда отдает себе отчет в великой важности этих поворотных пунктов истории; но по мере того как человеческое сознание расширяется и обыватель все более и более выявляет себя сознательным сотрудником великих культурных, то есть религиозных, художественных, просветительных, социальных, научных, экономических и бесконечного числа других областей мирового строительства, становится безотлагательным, что-

¹ Шибаев В. Держава Рериха. – М., 1994.

бы он обратил внимание, поддерживал бы и активно участвовал в развитии всех этих великих движений, которые улучшают жизнь в целом и, в конце концов, способствуют также и достижениям личности, поскольку они приносятся как вклад на благо более широких кругов человечества.

Вряд ли нужно повторять эти великие поворотные пункты в истории. Прекращение рабства (1833–1864), защита детского труда на фабриках, равноправие женщин (1918–1920), международные договоры в области судопроизводства (1922), труда (1919), почтово-телеграфных (1865–1874) и воздушных (1919) сообщений, торговли (1920) и великая идея об учреждении международного Красного Креста (1864) – эти и многие другие международные договоры теперь принято считать самоочевидностями, и страшно было бы даже подумать, какой хаос водворился бы в мире, если бы все эти договоры были бы вдруг аннулированы или поруганы.

Самым важным новым вкладом в историю утверждения улучшения международных взаимоотношений является Пакт Рериха Знамя Мира по охранению культурных ценностей человечества от разрушений как во время войны, так и во время так называемого мира, когда такие ценности уничтожаются благодаря небрежности, вандализму, непониманию их ценности, от внутренних неурядиц и т. д.

По условиям этого Пакта договаривающиеся страны обязуются почитать, поддерживать и защищать все культурные завоевания человеческого гения в той же мере, как Красный Крест охраняет человечество от физических страданий.

Осуществление этого общечеловеческого идеала выпало на долю великого русского художника и мирового культурного деятеля – академика Николая Константиновича Рериха. Недаром лучшие умы всех стран признают его культурное водительство и характеризуют это такими словами: «Рерих несомненно является одним из величайших культурных вождей всех времен» (из речи известного американского юриста Джона Гордона Баттла), «Имя Рериха останется в истории как имя человека, сделавшего больше в защиту и для развития искусства и культуры и достижения постоянного мира, чем кто-либо другой, будь это теперь или в прошлом» (из статьи в лондонском журнале «Вокруг света»).

Сам академик Рерих в приветствии Третьей международной Конференции по Пакту Рериха в Вашингтоне так выражает идеалы и цели этого договора: «Приветствую вас, сошедшихся во имя священного дела мира. Не случайно мир мыслит о мире, ибо действительно вражда и взаимная ненависть дошли до предела. Нарушение творческой жизни увлекает поколения в бездну одичания. Никакие поверхностные признаки цивилизации не скрывают одичания духа. В этой вражде, среди земных смятений, разрушаются истинные ценности творения духа человеческого. Не будем оглядываться назад, где столько плачевных примеров, когда людям приходилось писать памятные слова: “Разрушено человеческим неведением – восстановлено человеческою надеждою”. Именно ради этой надежды человечества на лучшее будущее, на истинный прогресс духа, необходимо охранить истинные ценности. Несомненность нашей мирной идеи подтверждается существованием Красного Креста. Если Красный Крест печется о телесно раненных и больных, то наш Пакт ограждает ценности гения человеческого, тем охраняя духовное здоровье. Мир всячески мыслит о мире. В каждом мирном предложении заключается стремление к тому же мировому прогрессу и благосостоянию. Каждый на своем языке повторяет благую формулу доброжелательства. Вот и мы знаем, что, охранив, подобно Красному Кресту, все творческие ценности человечества особым знамением, мы вытесняем этим порядком и само понятие войны. Если весь мир покроется знамением охранения сокровищ истинной культуры, то и воевать и враждовать будет негде. Были голоса, замечавшие, что зачем мыслить об охранении, когда проще, казалось бы, вообще прекратить войну. Но в то же самое время, когда такие голоса были слышимы, уже новые сокровища человечества разрушались и земля покрывалась новыми стыдными знаками. Итак, будем же прежде всего священно охранять творческие сокровища человечества. Прежде всего, согласимся на самом простом, что, подобно Красному Кресту, Знамя в значительной мере может призывать человеческое сознание к охранению того, что уже по свойству своему принадлежит не только нации, но всему миру и является действительной гордостью человечества!» (из книги Н.К. Рериха «Твердыня Пламенная»).

Академик Рерих уже в 1904 году высказал мысль о защите культурных ценностей человечества, сделав доклад по этому по-

воду в Обществе архитекторов. Затем опять, в 1915 году, был сделан доклад Императору Николаю II и Великому Князю Николаю Николаевичу, и хотя оба доклада были приняты с большим интересом, военные действия того времени помешали осуществлению Пакта. Но в 1929 году, после возвращения в Америку из пятилетней грандиозной экспедиции по Центральной Азии, академик Рерих опубликовал принципы Пакта в нью-йоркской прессе, после того как доктор международного права Г.Г. Шклявер, по его поручению, разработал статуты Пакта в соответствии с законами международного права. Параграфы I и II гласят: «Образовательные, художественные и научные учреждения и научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейтральными и как таковые будут подлежать покровительству и уважаемы воюющими. Покровительство и уважение в отношении вышеназванных учреждений и миссий во всех местах будет подчинено верховной власти договаривающихся стран без различия от государственной принадлежности какого-либо отдельного учреждения или миссии. Учреждения, коллекции и миссии, зарегистрированные на основании Пакта Рериха, составляют отличительный флаг, который даст им право на особенное покровительство и уважение со стороны воюющих государств и народов всех договорных стран».

Это Знамя, тоже предложенное академиком Рерихом, представляет собою красную окружность с тремя красными кружками посередине на белом фоне. Уже существует много индивидуальных толкований этого простого красивого символа, из которых самыми распространенными являются: Религия, Искусство и Наука, как проявления Культуры, или Прошлые, Настоящие и Будущие Достижения Человечества, окруженные кольцом Вечности. «Обе эти интерпретации, – сказал академик Рерих, – одинаково хороши, ибо они представляют собою синтез жизни, а это мой руководящий принцип».

Комитеты Пакта и Знамени Мира были учреждены в 1929 году в Нью-Йорке и в 1930 году в Париже и Брюгге. Из всех стран начали поступать приветствия Пакту и письма, выражавшие восхищение, одобрение и принятие Пакта как всякими культурными организациями, так и со стороны отдельных культурных и политических деятелей, включая также и военные круги, которые, между прочим, были отнюдь не в меньшинстве [...].

Первая международная Конференция Пакта состоялась в городе Брюгге в Бельгии 13–15 сентября 1931 года и вызвала большой энтузиазм в самых разнообразных культурных кругах. В этом же году вышел первый том сборника приветствий и документов в пользу принятия Пакта.

8 и 9 августа 1932 года была созвана Вторая международная Конференция Пакта в том же городе Брюгге, и в результате ее был основан Фонд Рериха за Мир, Науку, Искусство и Труд.

Громадный шаг вперед был сделан в 1933 году, когда 17–18 ноября в Вашингтоне состоялась Третья международная Конференция Пакта Рериха, в которой участвовали также дипломатические представители 36 государств. Отчет этой Конференции, которую один из директоров Панамериканского Союза назвал «одной из самых удачных конференций, когда-либо состоявшихся в Вашингтоне», недавно напечатан в форме книги [...]. Подводя итог 200 страницам этого интереснейшего документа современности, видно, что все ораторы на этой Конференции высказались за немедленное принятие Пакта, рекомендуя «принятие этого гуманитарного договора правительствами всех стран мира для введения в жизнь либо единолично через провозглашение правительства, либо в форме договора между отдельными странами, или же в форме пакта международными конференциями».

Конференция утвердила Постоянный Комитет Пакта и Знамени Мира, избрав почетным президентом академика Н.К. Рериха и его супругу Е.И. Рерих [...].

В декабре того же 1933 года Седьмая Конференция Панамериканского Союза в Монтевидео в Уругвае вынесла единогласную резолюцию принять Пакт Рериха и рекомендовать всем своим членам подписать этот договор. Членами Панамериканского Союза являются правительства всех 21 самостоятельных государств Северной, Центральной и Южной Америки (с общим народонаселением более четверти миллиарда), и в течение 1934 года эти правительства назначили своих представителей подписать Пакт Рериха [...].

В полдень 15 апреля 1935 года в кабинете президента Ф.Д. Рузвельта в Белом Доме в Вашингтоне Пакт Рериха был подписан Соединенными Штатами Северной Америки и всеми республиками Центральной и Южной Америки, являющимися членами Панамериканского Союза (Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Коста-

Рика, Куба, Доминиканская Республика, Эквадор, Эль-Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Колумбия, Уругвай и Венесуэла). Американская пресса подчеркнула великое значение этого знака культурного единения и взаимопонимания, который объединяет всю Северную и Южную Америку. Ожидается, что в скором будущем к этому культурному договору присоединятся и другие нации.

Все передовые газеты Америки напечатали статьи, посвященные этому событию, приводя текст обращения президента и речей представителей правительства и иностранных министров. По всему миру газеты опубликовали данные, касающиеся этого исторического дня [...].

Д.С. ЛИХАЧЕВ¹

ПИСЬМА К МОЛОДЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

Письмо девятнадцатое. Как говорить?

...Неряшливость в одежде – это, прежде всего, неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе. Дело не в том, чтобы быть одетым щегольски. В щегольской одежде есть, может быть, преувеличенное представление о собственной элегантности, и по большей части щеголь стоит на грани смешного. Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет и в зависимости от возраста. Спортивная одежда не сделает старика спортсменом, если он не занимается спортом. «Профессорская» шляпа и строгий черный костюм невозможны на пляже или в лесу за сбором грибов.

А как расценивать отношение к языку, которым мы говорим? Язык в еще больше мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Есть разного рода неряшливости в языке человека. Если человек родился и живет вдали от города и говорит на своем диалекте, в этом никакой неряшливости нет. Не знаю, как другим, но мне эти местные диалекты, если они строго выдержаны, нравятся. Нравится их напевность, нравятся местные слова, местные выражения. Диалекты часто бывают неиссякаемым источником обогащения

¹ <http://www.orthgymn.ru/publish/likhachev/khrestomatia/letters/19.php>

русского литературного языка. Как-то в беседе со мной писатель Федор Александрович Абрамов сказал: «С русского Севера вывозили гранит для строительства Петербурга и вывозили слово – слово в каменных блоках былин, причитаний, лирических песен...». «Исправить» язык былин – перевести его на нормы русского литературного языка – это попросту испортить былины.

Иное дело, если человек долго живет в городе, знает нормы литературного языка, а сохраняет формы и слова своей деревни. Это может быть оттого, что он считает их красивыми и гордится ими. Это меня не коробит. Пусть он окает и сохраняет свою привычную напевность. В этом я вижу гордость своей родиной – своим селом. Это неплохо и человека это не унижает. Это так же красиво, как забытая сейчас косоворотка, но только на человеке, который ее носил с детства, привык к ней. Если же он надел ее, чтобы покрасоваться в ней, показать, что он «истинно деревенский», то это и смешно, и цинично: «Глядите, каков я: плевать я хотел на то, что живу в городе. Хочу быть непохожим на всех вас!»

Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, – распространеннейшее явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха, боязни, иногда просто опасения. Грубыми прозвищами учителей именно слабые волей ученики хотят показать, что они их не боятся. Это происходит полусознательно. Я уж не говорю о том, что это признак невоспитанности, неинтеллигентности, а иногда и жестокости. Но та же самая подоплека лежит в основе любых грубых, циничных, бесшабашно иронических выражений по отношению к тем явлениям повседневной жизни, которые чем-либо травмируют говорящего. Этим грубо говорящие люди как бы хотят показать, что они выше тех явлений, которых на самом деле они боятся. В основе любых жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость. «Плюющиеся словами» люди потому и демонстрируют свое презрение к травмирующим их явлениям в жизни, что они их беспокоят, мучат, волнуют, что они чувствуют себя слабыми, не защищенными против них. По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и

употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо¹.

Наш язык – это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело: мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его возможной «закомплексованности» [...].

Учиться хорошей спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно – прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть это и трудно – это надо, надо. Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения (как я уже сказал), но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она «затягивает».

Письмо двадцатое. Как выступать?

Общественные устные выступления обычны теперь в нашей жизни. Каждому надо уметь выступать на собраниях, а может быть, с лекциями и докладами.

Тысячи книг написаны во все века об искусстве ораторов и лекторов. Не стоит здесь повторять все, что известно об ораторском искусстве. Скажу лишь одно, самое простое: чтобы выступление было интересным, выступающему самому должно быть интересно выступать. Ему должно быть интересно изложить свою точку зрения, убедить в ней, материал лекции должен быть для него самого привлекательным, в какой-то мере удивительным. Выступающий сам должен быть заинтересован в предмете своего выступления и суметь передать этот интерес слушателям – заставить их почувствовать заинтересованность выступающего. Только тогда будет его интересно слушать.

И еще: в выступлении не должно быть несколько равноправных мыслей, идей. Во всяком выступлении должна быть одна доминирующая идея, одна мысль, которой подчиняются другие. Тогда выступление не только заинтересует, но и запомнится.

¹ С вопросом о психологии языковой грубости вы можете ознакомиться в моей работе: «Арготические слова профессиональной речи» в кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 311–359.

А по существу, всегда выступайте с добрых позиций. Даже выступление против какой-то идеи, мысли стремитесь построить как поддержку того положительного, что есть в возражениях спорящего с вами. Общественное выступление всегда должно быть с общественных позиций. Тогда оно встретит сочувствие.

Письмо двадцать первое. Как писать?

Каждый человек должен так же писать хорошо, как и говорить хорошо. Речь, письменная или устная, характеризует его в большей мере, чем даже его внешность или умение себя держать. В языке сказывается интеллигентность человека, его умение точно и правильно мыслить, его уважение к другим, его «опрятность» в широком смысле этого слова.

Сейчас речь у меня пойдет только о письменном языке и по преимуществу о том виде письменного языка, к которому я сам больше привык, то есть о языке научной работы (литературоведческой в основном) и о языке журнальных статей для широкого читателя.

Прежде всего, одно общее замечание. Чтобы научиться ездить на велосипеде, надо ездить на велосипеде. Чтобы научиться писать, надо писать! Нельзя обставить себя хорошими рекомендациями, как писать, и сразу начать писать правильно и хорошо: ничего не выйдет. Поэтому пишите письма друзьям, ведите дневник, пишите воспоминания (их можно и нужно писать как можно раньше – не худо еще в юные годы – о своем детстве, например).

У нас часто говорят о том, что научные работы и учебники пишутся сухим языком, изобилуют канцелярскими оборотами. Особенно в этом отношении «достается» работам по литературоведению и истории. И по большей части эти упреки справедливы. Надо писать хорошо и не надо плохо! Этого никто не отрицает, и вряд ли найдутся люди, которые бы выступили с противоположной точкой зрения. Но вот что такое «хороший язык» и как приобрести навыки писать хорошо – об этом у нас пишут редко.

В самом деле, «хорошего языка» как такового не существует. Хороший язык – это не каллиграфия, которую можно применить по любому поводу. Хороший язык математической работы, хороший язык литературоведческой статьи или хороший язык повести – это различные хорошие языки.

Часто говорят: «Язык его статьи хороший, образный», и даже от классных работ в школе требуют образности языка. Между тем образность языка не всегда достоинство научного языка.

Язык художественной литературы образен, но с точки зрения ученого неточен. Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное – многозначность. Возьмем строки Есенина: «В залихватском степном разгоне колокольчик хохочет до слез». Перед нами образ, очень богатый содержанием, но неоднозначный. Что это – веселый звон колокольчика? Конечно, не только это. Крайне важно, что в строках этих упоминаются и слезы, хотя при поверхностном чтении можно и не придать им особого значения, приняв в целом все выражение за обычный фразеологизм: хохотать очень сильно. Образ уточняет свое значение благодаря контексту и становится полностью понятным только в конце стихотворения: «Потому что над всем, что было, колокольчик хохочет до слез». Здесь вступает в силу тема иронии судьбы – судьбы, смеющейся над преходящими явлениями человеческой жизни.

Художественный образ как бы постепенно «разгадывается» читателем. Писатель делает читателя соучастником своего творчества. Эта постепенность самораскрытия художественного образа и соучастие читателя в творческом процессе – очень существенная сторона художественного произведения. От этого зависит не только то эстетическое наслаждение, которое мы получаем при чтении художественного произведения, но и его убедительность. Автор как бы заставляет читателя самого приходить к нужному выводу. Он делает читателя, повторяю, своим соучастником в творчестве.

То же можно сказать и о такой разновидности художественного творчества, как шутка. Шутка незаменима, например, в споре. Заставить рассмеяться аудиторию – это значит наполовину ее убедить в своей правоте. Художественный образ и шутка заставляют читателя или слушателя разделить с их автором ход его мыслей.

Французская поговорка гласит: «Важно иметь смеющихся на своей стороне». Тот, с кем смеются, – победитель в споре.

Шутка важна в трудных положениях: ею восстанавливается душевное равновесие. Суворов шуткой подбадривал своих солдат.

Поэтому там, где необходимо не только логическое убеждение, но и эмоциональное, – художественный образ и шутка очень важ-

ны. Они важны в научно-популярной работе и в ораторских выступлениях. Всякий лектор знает, как важно восстановить ослабевшее внимание аудитории шуткой. Шутка даже в большей степени, чем художественный образ, требует активного соучастия, она заставляет слушателей не только активно слушать, но и активно «домысливать» остроту.

Но в научной работе образность и остроты допустимы только в качестве некоторого дивертисмента. По природе своей научный язык резко отличен от языка художественной литературы. Он требует точности выражения, максимальной краткости, строгой логичности, отрицает всякие «домысливания».

В научном языке не должны «чувствоваться чернила»: он должен быть легким. Язык научной работы должен быть «незаметен». Если читатель прочтет научную работу и не обратит внимания на то, хорошо или плохо она написана, — значит, она написана хорошо. Хороший портной шьет костюм так, что мы его носим, «не замечая». Самое большое достижение научного изложения (тут уж я говорю вообще об изложении, а не только о языке) — логичность и последовательность переходов от мысли к мысли. Умение развивать мысль — это не только логичность, но и ясность изложения.

Очень важно, чтобы ученый «чувствовал» своего читателя, точно знал, к кому он обращается. Надо всегда конкретно представлять себе или воображать читателя будущей работы и как бы записывать свою беседу с ним. Пусть этот воображаемый читатель будет скептик, заядлый спорщик, человек, не склонный принимать на веру что бы то ни было. В строго научной работе этот мысленный образ читателя должен быть высок — воображаемый читатель должен быть специалистом в излагаемой области. В научно-популярных работах этот воображаемый читатель должен быть немного непонятлив (но в меру: своего читателя не следует «обижать»). Беседуя с таким воображаемым читателем, записывайте все, что вы ему говорите. Чем ближе ваш письменный язык к языку устному, тем лучше, тем он свободнее, разнообразнее, естественнее по интонации. Специфические для письменной речи обороты утяжеляют язык. Они не нужны. Однако устный язык имеет и большие недостатки: он не всегда точен, он неэкономичен, в нем часты повторения. Значит, записав свою речь к воображаемому читателю, надо затем ее максимально сократить, исправить, осво-

бодить от неточностей, от чрезмерно вольных, «разговорных» выражений. Научная работа «подожмет», станет компактной, точной, но сохранит интонации живой речи, а главное – в ней будет чувствоваться адресат, воображаемый собеседник автора.

Обогащение и легкость письменного языка часто идут от разговорного языка. Из разговорного языка можно заимствовать отдельные слова и целые выражения. Но надо помнить, что разговорные выражения настолько стилистически сильны и заметны в письменном языке, что в точном научном языке их нельзя повторять в близком расстоянии друг от друга.

* * *

В науке очень важно найти нужное обозначение для обнаруженного явления – термин. Очень часто это значит закрепить сделанное наблюдение или обобщение, сделать его заметным в науке, ввести его в науку, привлечь к нему внимание.

Если вы хотите, чтобы ваше наблюдение вошло в науку, – окрестите его, дайте ему имя, название. Вводите в науку свое детище, предоставьте его обществу ученых, а для этого назовите его и ничто не оставляйте безымянным. Но не делайте это слишком часто. Некоторые новые работы по лингвистике или литературоведению перенасыщены новой терминологией. В деле своей жизни ученому достаточно создать всего два-три новых термина для значительных явлений, им открытых.

Ньютон не столько открыл закон всемирного тяготения (все и до него знали, что вещи падают на землю, а чтобы оторвать их от земли, необходимо некоторое усилие), сколько создал термин, обозначение всем известного явления, и именно этим заставил «заметить» его в науке.

Обычный путь создания нового обозначения, нового термина – привлечение метафоры. Метафорой будет и заимствование слова из какой-то соседней области, из науки другого характера.

Разумеется, ни одна метафора и ни один образ в силу своей первоначальной многозначности не могут быть совершенно точными, не могут полностью выражать явление. Поэтому в первый момент новый термин всегда кажется немного неудачным. Лишь тогда, когда за метафорой, образом закрепится одно точное значение, – исследователи к нему «привыкнут», образ, лежащий в осно-

ве нового термина, потеряет свою остроту, – термин войдет в употребление и даже, может статься, будет казаться удачным.

Точное научное значение «прорастет» сквозь образ. Сперва в новом научном термине образ как бы заслоняет собой точное значение, затем точное значение начинает заслонять образ.

Точным должно быть само наблюдение ученого, ярко отграниченным и специфическим само явление, которое обозначается новым термином, – тогда точным станет и термин.

В тех случаях, когда ученый может или даже должен прибегнуть к метафоре, к образу, необходимо следить за их «материальным» значением. У одного высокообразованного литературоведа XIX века мы читаем такую фразу: «Данте одной ногой прочно стоял в средневековье, а другой приветствовал зарю возрождения...» Остроумнейший и наблюдательнейший историк В.О. Ключевский так пародировал эту фразу в своем «Курсе лекций по русской истории»: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу... одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении»¹.

Здесь образ пародирован. Пародия оправдана тем, что в обоих случаях речь идет о величайших переходных этапах: один – в истории Западной Европы, другой – в истории России. Но царь Алексей Михайлович не Данте и над ним стоило посмеяться.

Однако у того же В.О. Ключевского мы можем встретить и неудачные выражения, неудачные образы: «Этому взгляду... критик не мог придать цельного выражения, высказывая его по частям, осколками». «Осколками» нельзя высказывать что-либо. Но если стремиться сохранить образ «осколков», то фразу легко было бы исправить так: «Его мысли были чисты и ясны как стекло, но высказывал он их неполно – как бы осколками». Надо всегда следить за уместностью и осмысленностью образа. Советский историк Б.Д. Греков писал в своей работе о Новгороде: «В воскресный день на Волхове больше парусов, чем телег на базаре...» И это осмыслено тем, что речь в контексте идет именно о торговле.

Нельзя писать просто «красиво». Надо писать точно и осмысленно, оправданно прибегая к образам. Великий мастер русского

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. – Сочинения. – М., 1957. – Т. III. – С. 320.

языка историк В.О. Ключевский умел не размазывать свою мысль, давая ее иногда лишь намеком, прибегая к своего рода стилистическому лукавству, которое действовало иногда сильнее, чем самый яркий образ. Сравните его такие фразы: «В университете при Академии наук (речь идет о XVIII веке, – Д. Л.) лекций не читали, но студентов секли» или о времени Петра: «Казнокрадство и взяточничество достигли размеров небывалых прежде, разве только после...». О стихотворстве царя Алексея Михайловича он же пишет: «Сохранилось несколько написанных им строк, которые могли казаться автору стихами».

Ключевский был и мастером антитез. Вот некоторые примеры: «Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутом» – это об эпохе Петра I. Или о воображаемом предке Евгения Онегина: «Он (этот «предок», – Д. Л.) старался стать своим между чужими и только становился чужим между своими». В последнем случае перед нами крестообразная антитеза, которой Ключевский также владел превосходно. Вот пример одной его такой крестообразной антитезы, имеющей непосредственное отношение к нашей теме: «Легкое дело – тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить – тяжелое дело».

Говоря о научных терминах, мы должны вспомнить и об особой роли терминов в исторической науке, когда для научного понятия берется старое слово или целое выражение. Архаизмы, инкрустации в свои работы целых выражений, цитат вполне законны у историков, так как старые явления жизни лучше всего выражаются в старом же языке. Но опять-таки – не следует этим злоупотреблять.

Хорошо, когда образ постепенно разворачивается и имеет многие отражения в описываемом явлении, то есть когда образ соприкасается с описываемым явлением многими сторонами. Но когда он просто повторяется (даже не всегда прямо) – это плохо. У Ключевского в одном тексте говорится о том, что кривая половецкая сабля была занесена над Русью, а немного дальше о том, что кривой ятаган был занесен над Европой. Не совсем точный и удачный образ становится совершенно невозможным от его повторения, хотя бы и варьированного.

Цветистые выражения имеют склонность вновь и вновь всплывать в разных статьях и работах отдельных авторов. Так, у искус-

ствоведов часто повторяются такие выражения, как «звонкий цвет», «приглушенный колорит» и прочая «музыкальность». В последнее время в искусствоведческой критике в моду вошло прилагательное «упругий»: «упругая форма», «упругая линия», «упругая композиция» и даже «упругий цвет». Все это, конечно, от бедности языка, а не оттого, что слово «упругий» чем-то замечательно.

Главное – нужно стремиться к тому, чтобы фраза была сразу понята правильно. Для этого большое значение имеет расстановка слов и краткость самой фразы. Например, на с. 79 моей работы «Человек в литературе Древней Руси (2-е изд., 1970) напечатано: «Вот почему Стефан Пермский называется Епифанием Премудрым “мужественным храбром”...». Фраза двусмысленная. Иная расстановка слов сразу бы ее исправила: «Вот почему Стефан Пермский называется “мужественным храбром” Епифанием Премудрым...» Или еще лучше так: «Вот почему Епифаний Премудрый называет Стефана Пермского “мужественным храбром”».

Внимание читающего должно быть сосредоточено на мысли автора, а не на разгадке того, что автор хотел сказать. Поэтому чем проще, тем лучше. Не следует бояться повторений одного и того же слова, одного и того же оборота. Стилистическое требование не повторять рядом одного и того же слова часто неверно. Это требование не может быть правильным для всех случаев. Язык должен быть, разумеется, богат, и поэтому для разных явлений и понятий нужно употреблять разные слова. Употребление одного и того же слова в разном значении может создать путаницу. Этого делать не следует. Однако если говорится об одном и том же явлении, слово употребляется в одном и том же значении, вовсе не надо его менять. Конечно, бывают сложные случаи, которые нельзя предусмотреть каким-либо советом. Бывает, что одно и то же понятие (а следовательно, и одно и то же слово) употребляется от бедности самой мысли. Тогда, разумеется, если нельзя усложнить мысль, то надо прийти на помощь мысли стилистически, разнообразя словами тупо вертящуюся мысль. Лучше всего помогать мысли самой мыслью, а не вуалировать словом скудоумие.

Ритмичность и удобочитаемость фразы! Люди, читая, мысленно произносят текст. Надо, чтобы он произносился легко. И в этом случае основное – в расстановке слов, в построении фразы. Не следует злоупотреблять придаточными предложениями. Стремиться

писать короткими фразами, заботясь о том, чтобы переходы от фразы к фразе были легкими. Имя существительное (пусть и повторенное) лучше, чем местоимение. Избегайте выражений «в последнем случае», «как выше сказано» и прочее.

Бойтесь пустого красноречия! Язык научной работы должен быть легким, незаметным, красоты в нем недопустимы, а красота его – в чувстве меры.

А в целом следует помнить: нет мысли вне ее выражения в языке, и поиски слова – это, в сущности, поиски мысли. Неточности языка происходят, прежде всего, от неточности мысли. Поэтому ученому, инженеру, экономисту – человеку любой профессии следует заботиться, когда пишешь, прежде всего, о точности мысли. Строгое соответствие мысли языку и дает легкость стиля. Язык должен быть прост (я говорю сейчас об обычном и научном языке – не о языке художественной литературы).

Легкость языка бывает ложная: например, «бойкость пера». «Бойкое перо» – не обязательно хороший язык. Надо воспитывать в себе вкус к языку. Дурной вкус губит даже талантливых авторов.

Т. ГРИГОРЬЕВА **Что есть красота?¹**

Не сообразуйтесь с веком сим,
но преобразуйтесь обновлением ума вашего.

Рим 12, 2

Знай, что мы целого человека лишены.

Сковорода

Сказано: не упоминай имя Божье всуе, и то же о Красоте. Слова стираются от безудержного употребления, не питают более душу. Так и с мудростью. Слова Достоевского – «мир спасет красота» – могут прогореть, как фейерверк, не оставив следа. Есть глубинный смысл во взгляде Лаоцзы: «Кто говорит, не знает. Кто знает, тот не говорит». Кто говорит, задумывается ли над тем, что говорит? Какая именно красота спасет мир? Инстинктом ощущая Истину, устраиваем тем не менее под этим девизом конкурсы кра-

¹ Григорьева Т. Что есть красота? / Т. Григорьева // Всемирная литература. – 1998. – № 1. – С. 171–189.

соты, и люди теряют веру в ту Красоту, которая спасет мир. Знаем ли, что есть Красота, не следуем ли обману, забывая, что наши вкусы не безупречны... зависимы от пространства и времени? Красота для нас то, что радует глаз, но то ли видит глаз? Для одного – красиво, для другого – нет. У каждого народа свое понимание красоты, у каждого времени свои критерии прекрасного, то, что нравилось древнему греку, может не нравиться современному европейцу, хотя европейская культура выросла из греческой, но в наше время он ищет иного идеала. Современнику с развитым вкусом нравятся предметы старины, старинные храмы. Не потому ли, что они ближе красоте истинной, первозданной? Словом, кто усомнится, что видимая красота относительна. По крайней мере, сколько уж веков поклоняется человек красоте, а Спасение не приходит. Может быть, потому, что зависимая от чего-то красота не есть истинная Красота, ибо Истина это то, что ни от чего не зависит, – безусловное, верное для всех и на все времена.

Но «что есть Истина?» – спросите вы вслед за Пилатом, хотя много веков миновало и приблизился «конец времен». И время кончается по-разному: либо выводит к вечности, либо предает полному забвению. Прерывается связь времен, когда прерывается связь Земли и Неба, человека с Духом, – ничто уже не удерживает его от падения в Тартар. Таков закон Целого: всякая односторонность рано или поздно саморазрушается. «Всякая неупорядоченная душа, – по Августину, – сама в себе несет свое наказание» (Исповедь 1, 12, 19)¹. Отказавшись от Неба, от божественного предназначения, от жизни в духе, что делает человека своим в доме Бытия, человек неизбежно впадает в универсальный нигилизм. Ничего святого – значит все дозволено. В этом психологическая предпосылка всех бед XX века. **Все перевернулось вверх дном, все ценности.** Вторичное затмило первичное, видимое заставило забыть о невидимом, малое вытеснило большое, часть – целое. Но, говоря словами Блаженного Августина, «всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна».

Отпавшее от Бытия существование не может быть прекрасным и возбуждать любовь к Красоте, к красоте человека прежде всего. «Каков человек, таков и мир, и каков мир, таков и человек: один

¹ Исповедь Блаженного Августина // Богословские труды. – М., 1987. – Сб. 19. – С. 71–264.

акт создает обоих»¹. У ничтожного человека – ничтожная мера. Чем мельче человек, тем мельче масштаб его измерений, тем более он дробит действительность, выдавая свой частный интерес за всеобщий. Мелкомасштабное сознание уменьшает все, с чем ни имеет дело, пока вовсе не сводит на нет. Дробится человек, дробится время, и кажется, остановились биологические часы, крутится лишь секундная стрелка. Частичный, утративший ценность человек теряет мерило прекрасного, ибо Красота есть Целое. Теряя мерило прекрасного, становится Разрушителем. Человек-часть, человек-функция ко всему относится функционально, во всем видит средство для удовлетворения своей потребности, ни в чем не видит цели, потому что лишен чувства Целого. Но часть, не согласующаяся с целым, «безобразна». Некрасота души ведет к Некрасоте поступков. Просто диву даешься, как эти люди, с усеченным сознанием, выбирают для разрушения самые красивые места; разрушают именно то, где обитает Красота, будь это древние храмы, или озера, или Катунь. Наверное, когда-нибудь физиологи и психологи займутся этой проблемой: что-то нарушено в сознании и психике, что мешает этой категории людей сосуществовать с Красотой, жить по законам Бытия. Не потому ли избегают Красоты, что она излучает Свет? «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин 3, 19–21). Дух Святой, говорят богословы, и есть Красота, источник Красоты, все собою украшающий.

Но пока что гибнут леса и озера. Одномерное мышление ведет к распаду всех связей, все перевернулось вверх дном. «Логика без нравственности превращается в логику безнравственности; психология без нравственности – в психологию безнравственности, а свобода без нравственности – в свободу безнравственности»². Потому и гибнут озера, а вместе с ними и человек.

Осенью 1990 года мне пришлось побывать на Байкале, участвовать в Советско-Американском театральном-экологическом

¹ Гегель. Работы разных лет: в 2 т. – М., 1970. – Т. 1. – С. 385.

² Свешников В. Боже мой, никому не стыдно! / ЛГ. – 1990. – № 40.

фестивале-конференции, которая так и называлась: «Спасем озера Байкал – Мичиган!» И родились размышления. Почему же все, вроде бы, понимают, что нужно спасать природу, что конец природы есть конец человека, а она не спасается? Может быть, потому, что и «природу» мы умаляем (потому и пишем с маленькой буквы), не отдавая себе отчета в том, что она есть все, Целое? Произносились пламенные речи, ученые ратовали за юридические законы, технологические, экономические меры. Но решения принимаются, а дело не делается. Это уже стало трюизмом. В чем же причина? Почему слова не действуют, утратили силу? Наверное, и слова выпали из Бытия: они как бы сами по себе, а Бытие само по себе. Перевернутый человек уже привык делать не то, что говорит, а говорить не то, что думает.

[...] Ничто в этой жизни не остается без ответа, это только кажется, что что-то может пройти бесследно, не заденет тебя [...]. «Ведь существует единственная мудрость, – известно уже Гераклиту, – познать замысел, устроивший все через все», но «большинство не понимает, с чем имеет дело», «и самый вдумчивый познает только кажущееся и лелеет его».

Прошло с тех пор два с половиной тысячелетия, а люди, похоже, мало изменились. Значит, сам человек, или его неразвитое сознание, враг своему счастью! Как думаем, так и делаем, как делаем, так и живем. Человек, и в самом деле, есть мера вещей: по мере и воздается. Если плохо живем, значит, плохо соображаем. При закрытии конференции я сказала: «не очистятся озера, пока не очистится наше сознание». Состояние природы есть зеркало души, а «всякая неупорядоченная душа сама в себе несет свое наказание». Очистится душа, очистятся озера, не очистится душа, не очистятся озера. Здесь связь обоюдная, глубинная, настолько глубинная, что и вообразить трудно [...].

Или Плотин: «мир покоится в “мировой Душе”, как невод в воде, и как невод пропитан водой, так и мир проникнут Душой во всех частях своих». А древнерусский богослов Иосиф Волоцкий сравнивал воду с мыслью человека. Значит, загрязняя воду, мы загрязняем собственную душу. В буддийской сутре «Вималакирти» сказано: «Если ум чист, то и все чисто; если ум не чист, то и все нечисто».

На мои слова кто-то тихо возразил: «философией не очистишь озера». В том-то и дело, что очистишь. Именно нравственной фи-

лософии, философского осмысления не хватает, чтобы понять происходящее, а без понимания так все и будет рушиться, если заниматься следствиями вместо причин. Эти следствия будут лишь возрастать в геометрической прогрессии. Буддисты недаром видят корень зла в неведении (*санск.* авидья), в непонимании законов Бытия.

Знающий не сотворит зла, очищенный ум не засоряет природу, среду обитания. И в этом смысле – мир есть Сознание, все зависит от Разума, который только и позволит вырваться из круга противоречий – дурной бесконечности.

А что такое Разум? Говорят о новом мышлении, но часто ли задумываются, в чем его суть? А если и в самом деле от того, научимся ли мы думать по-новому, зависит жизнь на Земле, как о том более трех десятилетий назад предрекли ученые в известном Манифесте Рассела – Эйнштейна? [...]

С тех пор как отпал человек от Целого, отпал от Неба, возомнив себя всемогущим, и притянулся к Земле, утратил он опору в Бытии, ибо нет Земли без Неба, как нет тела без души. (Разные учения трактуют этот разрыв, это «грехопадение» по-разному, но суть одна: утративший ощущение Целого теряет ощущение Истины, ибо Целое и есть Истина.) С тех пор расширялась трещина между человеком и Природой, рассекая его душу. Раздвоенный человек, раздвоенное, одномерное сознание привело к одномерному существованию [...].

При таком взгляде – «или то, или это» – страдают обе стороны, ибо по закону Целого одного нет без другого, и разум так же нужен чувству, как чувство разуму. Нет Земли без Неба, как нет материи без духа, материя саморазрушается при участии бездуховного человека. Сказано: «Душа, которая поворачивается к материи, страдает и нищенствует, лишается своей силы. Но если она вернется к Разуму, она получит полноту и обретет вновь свою целостность» (Парфиров. Начала. 37, 32). Чем больше притягивался человек к вещному, земному, тем более дробилось его сознание, а чем более дробилось сознание, тем более он терял способность ориентироваться в этом мире [...].

Заикленность на земном, неоощущение небесного плана, высшего смысла Бытия или крайний рационализм, [...] ведет к [...] универсальному нигилизму, к превращению всего в ничто, не-

бытие (меон), толкает человечество к неминуемой гибели. Отпадение от Бытия, пренебрежение его законами, есть смерть души, царство «мертвых душ», когда человек только с виду человек, а в существе его не осталось ничего человеческого. [...] Но конец истории сулит небывалые страдания [...].

Дуализм мышления – разъятие небесного и земного, духа и тела, человека и природы; сам принцип мышления – «или то, или это» явился причиной всеобщего распада, прежде всего распада самого человека. Процесс материализации, овеществления сущего, принял в начале века угрожающие размеры. [...] «...Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя»¹.

И вековая культура, которая не давала человеку погибнуть в самые страшные времена, начинает дробиться, вырождаться, когда теряет связь с высшей Реальностью. Человеку не остается ничего другого, как подняться до Бога или пасть до зверя.

Эволюцию, однако, невозможно остановить ни невежеством, ни танками, но можно выпасть из ее орбиты. Эволюция идет своим чередом, на смену одной фазе приходит другая, и процесс этот не зависит напрямую от воли человека, но последний может сопутствовать или не сопутствовать движению времен. В последнем случае ничего хорошего его не ждет. Каждая фаза Эволюции находит свою Форму, и крушение старой Формы, – чему мы свидетели, – предвещает новую эру, рождение Нового человека. В старческом организме нарушается энергетический обмен, энергия уже не может циркулировать равномерно, ее скопление, закупорка вызывает судороги социального организма, массовые психозы. Национальные распри – следствие социальной аритмии. Знанием свойств космической энергии владели древние, скажем, даос Чжуан-цзы (IV в. до н. э.): «Соберется энергия (ци), образуется жизнь, рассеется – образуется смерть... Говорят: “Единое ци пронизывает Вселенную, потому и мудрый ценит Единое”». Если нарушить циркуляцию ци между Небом и Землей или органами человека, то наступит смерть. [...]

Запрограммированное на Борьбу (со времен древних греков), на «закон исключенного третьего» («или то, или это – третьего не дано») сознание порождало идею: чужое подлежит истреблению

¹ Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. – М., 1916. – С. 52–53.

как ересь. Дело, естественно, не в религии, а в ее защитниках, которые готовы положить за нее голову, вместо того чтобы проявить ее. Ни одна религия не учит плохому, плохому учат ее одержимые последователи, предубежденность неразвитого ума.

Бог для того и дал народам разные языки и разные учения, чтобы, потрудившись, научились понимать друг друга, говоря именно на разных языках, пестуя свой Путь, ибо к Единству высшего порядка идут разными путями. Единство достигается раскрытием индивидуального, все остальное – не единство, а камуфляж.

Историю человечества можно сравнить с огромной горой. Народы, исповедующие разные религии, приверженные своим обычаям, шли по разным склонам гигантской горы, не видя друг друга, а если и видели, то сражались или торговали. При мудрых правителях предпочитали торговать, обмениваться товарами, предметами искусства. Так узнавали друг друга. Завязывались горизонтальные связи, вроде Шелкового пути, но и они со временем терялись. Существовали, однако, невидимые связи по вертикали, они звали восходить к Вершине, туда, где нет раздоров. [...] Гора мешала народам видеть друг друга: каждому казалось, что только его путь верен, все остальное – ложь. И тем, кто полагал себя всезнающим, ведая лишь свой закуток, – да и его знать не могли, не ведая остального, – выпало мучительное восхождение к знанию Истины.

Они хотели стать всем, будучи ничем, и навлекли великое наказание на свою голову – Вавилонское столпотворение. Бог дал людям разные языки, чтобы они научились быть разными и жить вместе. Смысл истории в избавлении от эгоизма – национального, религиозного, социального. И пока это не произойдет, не спадут шторы с глаз, не разомкнутся путы, сковывавшие сознание, – не закончится Вавилон, границы вражды не перестанут рассекать мировое пространство. Чем ближе к Вершине, тем труднее путь. Чем ближе Вершина, тем страшнее падение: быть низвергнутым не к истинному Началу, а в Тартар; такая судьба уготована изменившему себе, своему назначению. [...] На Вершине же человек обретет Свободу и его уже не используешь как орудие своих вожелений.

Разные религии и учения трактуют по-разному причину несовершенства, падшести человека, но суть одна – помраченность сознания. Скажем, в буддизме это *авидья* – неведение, незнание ис-

тинных законов Бытия, что делает человека зависимым, несвободным существом. Авидья — космическая сила, изначальное волнение; человек же призван успокоить, сгармонизировать мировые отношения. Но пока авидья существует, и даже господствует в мире, человек будет пребывать в *майе*, в мире иллюзий, ложных представлений, все более запутываясь в сетях суетных дел и желаний, пока не осознает, что есть выход из дурной бесконечности. Есть возможность переправиться на другой берег или коренным образом изменить сознание. Тогда и откроется Истина, вещи предстанут в подлинном виде [...].

В христианстве к грехопадению привел соблазн: первочеловек вкусил с древа познания добра и зла, и это повредило его душу. С тех пор он и стал мудрствовать, противопоставлять одно другому [...].

Раздвоению со времен древних греков подверглась и Красота. Потому и не могла «спасти мир», что была Цель, но не было средства, достойного Цели. Целое доступно лишь Целому, Красота открывается лишь целостному уму. Уже Платон и стоики противопоставили красоту духовную физической, красоту души и тела. Для стоиков красота — в характере человека. «Существует четыре вида прекрасного: справедливость, мужество, умеренность, благоразумие. Соответственно существуют четыре вида безобразного: несправедливость, трусость, неумеренность, неразумие» (Диоген Лаэртский).

Красота, как таковая, мало занимала их воображение, этическое превалировало над эстетическим: «Эти блага — Мудрость и Смелость, сама Красота и сама Справедливость и твердое, уверенное Знание всех вещей в их подлинной сущности. А разные там богатства, славу, наслаждения — все вообще, что связано с телом, — человек оставляет внизу и обнаженным восходит кверху; так, говорят, и Геракл, предав себя сожжению на Эте, сделался богом. И он сбросил с себя все человеческое, полученное от матери, а его божественное начало, отделившееся в огне от всяких примесей, очищенным вознеслось к богам. Вот и этих людей философия, как некий огонь, освобождает от всего того, что неправильное суждение толпы считает удивительным»¹.

¹ Лукиан. Гермотим, или О выборе философии // Лукиан. Избранная проза. — М., 1991. — С. 44.

Неоплатоники обожествляли Красоту, видя в ней чистый, изначальный Свет: «так как ум прекрасен, даже прекраснейшее из всего, покоится в чистом свете и чистом сиянии и охватывает природу сущего – наш прекрасный мир есть лишь тень и отражение ума» (Плотин. Энн, III, 8, II).

Но чем более делился мир на идеальный и материальный, тем более страдала Красота, ибо она есть Целое. Прорыв в Целое у Августина: «По своим обязанностям и целям все служат к красоте целого, так что чего мы ужасаемся в частностях, то производит на нас приятное впечатление, если рассматривать его в целом»¹ [...].

Но европейское искусство пошло своим путем, скорее противопоставления, чем единства, – путем анализа и синтеза, – в соответствии с дуальной моделью мира. И даже такой оригинальный художник XVIII века и Теоретик искусства, как Хогарт, назвал свое сочинение «Анализом красоты»². Пожалуй, это сочинение знаменует и надвигающуюся перемену в сознании – возвращение в лоно Бытия. Об этом свидетельствует поиск «языка» вещей (так буквально можно перевести родовое понятие японской прозы, повести – «моногатари» – «говорят вещи»), но само словосочетание «анализ красоты» совершенно невозможен для японцев; все равно что сказать «анализ бога».

Последнее, однако, не смущало европейский ум, одержимый идеей разъятия Единого [...].

Такие философы, как Шеллинг, пытались снять противостояние красоты небесной красоте земной, но безуспешно. Даже В. Соловьев видел в природной, земной красоте «покрывало», брошенное на шевелящийся под ним хаос, на «злую жизнь», подчиненную закону разобщения и взаимоуничтожения, но и видел спасение в Красоте абсолютной, Божественной. Свидетельство ли это двойной природы самой красоты или того, кто смотрит на нее и кто привык за два с половиной тысячелетия верить в изначальный Хаос, который человек призван побороть, переделав мир по своему усмотрению? Можно ли сомневаться, что из самых высоких побуждений превозносилась небесная красота: дать человеку идеал, цель восхождения к богочеловеческому. Но почему-то чем

¹ Прекрасному у Августина посвящена книга В.В. Бычкова «Эстетика Аврелия Августина». – М., 1984.

² Хогарт У. Анализ красоты. – Л., 1987.

дальше, тем больше пленилась или полонилась душа демонической красотой. Не мучился ли Достоевский тем же: «В содоме ли красота? Верь, что в содоме – то она и сидит для огромного большинства людей... Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» («Братья Карамазовы»). Так оно и есть. Но это дело рук человеческих, или несовершенства его души, плод грехопадения: смотреть на красоту как на средство услады, оттого и поплатились расстройством души. Потому верил, что воссоединится Красота с духом, чтобы спасти мир.

Не было ли назначено человеку пройти тяжкий путь раздвоения, испытать до дна чашу страданий, признать свое сознание «несчастливым», чтобы сделать выбор, – не выпасть в осадок, не самоистребиться в войнах ли, в иммунных болезнях? К концу XX века осознается пророчество Августина: «когда человек живет по человеку, а не по богу, он подобен дьяволу» («О граде божием». XIV, 4). [...]

Можно согласиться, что все действительное разумно и все разумное – действительно в том смысле, что ничто не происходит напрасно, для чего-то случается, но рано или поздно возобладает разумное. Таков закон Бытия [...].

Собственно, эта вера в конечную реализацию изначально совершенной внутренней Формы (греч. *энтелехиа*; кит. *ли*) прошла через всю философию: от древних даосов и Аристотеля до Хайдеггера и Бердяева.

О том же возвещали на своем языке творцы искусства: живописцы, музыканты, поэты. Мир устремлен к Свету, несмотря на отчаянное сопротивление Тьмы. И раз о том же говорили мудрецы Востока и Запада, значит, так оно и есть. Мысль достоверна, если возникает независимо, в разные времена, в разных частях света и не исчезает во времени.

И разве можно объяснить случайностью, простым совпадением, что на пороге XX века интеллигенция мира, от Америки до Индии и Японии, проникается идеей Единства всех в духе [...]. В 1838 году в лекции, прочитанной в Гарвардском университете, Эмерсон провозглашал: «Поскольку человек справедлив в своем сердце, постольку этот человек – Бог... Все существа исходят от одного духа, носящего в своих различных проявлениях разные названия: любви, справедливости или мудрости [...]».

Что уж говорить о русской идее «всеединства», объединившей философов – гордость русской культуры: братьев Р.Н. и С.Н. Трубецких, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, И.Л. Флоренского, попытавшихся претворить в жизнь учение В. Соловьева о «положительном всеединстве». Я уже не говорю о писателях и поэтах, о Л. Толстом и Достоевском, о Блоке и А. Белом. Вспомним, какой интерес проявлял Толстой к учению Лаоцзы и Конфуция, и его душевное отношение к Японии; или идею Достоевского о «вселенскости» русской души. Но ограничимся на сей раз тем направлением в русской философии, которое обозначено как школа «всеединства». На почве русской культуры проросли зерна, брошенные в III веке Оригеном, в V веке – Августином. [...]

В учении В. Соловьева идею Всеспасения воплощает образ Софии, вечно женственного начала. Человек, по Соловьеву, существо нравственное, призван быть посредником между Богом и природой. Генетически – он вершина земной эволюции, онтологически он первичен. Это и дает ему силу и возможность одухотворить сущее, привести мир к Всеединству и выполнить свое мессианское назначение. Он достигнет этого по мере изживания своей греховности: «искушения плоти», «искушения духа» и «искушения власти» – три искушения лежат препятствием на пути восхождения к богочеловеку, но они бессильны перед любовью, которая есть «индивидуализация всеединства»¹ [...].

Окакура предвидит мировые войны, и слова его звучат пророчески: «Небо современного человечества сотрясается от борьбы Циклопов за богатство и власть. Мир движется вслепую, в тени самомнения и вульгарности, Наука продается, потому что совесть и благожелательность принесены в жертву выгоде. Восток и Запад – как два дракона мечутся в море невзгод, тщетно пытаясь отыскать жемчужину Жизни» [...]. Он призывал мир к спокойствию, когда появились первые подземные толчки, предвещающие мировые катастрофы: «Мы долго шли разными путями, но почему бы нам не дополнять друг друга? Европейцы извлекли из экспансии выгоду, но потеряли покой. Мы лелеяли свою Гармонию, а она не смогла противостоять натиску извне... Так не лучше ли, не мудрствуя, просто встречаться почаще за чашкой чая?»

¹ Как не вспомнить слова японца XVIII века – Сео, проповедника «учения о сердце» (синга-ку): «Если у Вселенной одно сердце, значит, каждое сердце – Вселенная».

Мир не последовал совету зрячих и пережил цепь катастроф, действительно, небывалые страдания в конце Истории [...]. Но обречено на гибель то, что не укоренено в Бытии, не отвечает его законам. Была высшая правда в убеждении провидцев: как бы зло ни торжествовало в промежуточных фазах, конец, к которому придет История, будет уже окончательной, полной и вечной победой Добра.

Всемирный исторический процесс, если продолжить мысль Эрна, есть постепенное проникновение Логоса во все элементы мироздания. Человек, в своей ноуменальной сущности, принадлежит к царству Свободы и призван осуществить Вселенское освобождение: «Только соприкасаясь в глубинах своего духа с тем, что космически *будет*, а онтологически вечно *есть*, – может заполнить истинным содержанием *христианскую* идею прогресса». Человек – посредник между двумя мирами, та точка, в которой оба мира соприкасаются, реализуя себя, поднявшись до себя истинного, до «полного совпадения субъективно-переживаемого с объективным порядком и строем Вселенной»¹ сможет выполнить свою миссию – Спасителя мира.

Но, значит, будущее за Целым человеком, которому дано преодолеть разрыв между субъективно-переживаемым и объективным порядком Вселенной, воссоединить Небо и Землю. Многого достигли наши предшественники, но и много утрачено с тех пор, – само понимание Целого. Наверное, уместно вспомнить о том, что же такое Целое, если от него зависит существование человека. Пожалуй, потому и ускользает Целое, что его все еще ищем не там и не тем способом. Сколько ни стремились образовать целое, не получалось, потому что Целое – не сумма частей, не агрегат, Целое не конструируется, а произрастает, проявляется в благоприятной среде, уже существуя в эмбриональной форме, как цветок в семени, Или то, что Аристотель называл Энтелехией, Лейбниц – монадой, а китайские ученые – внутренней формой (ли). Всякое же искусственное образование бездуховно и, стало быть, безжизненно – не укоренено в Бытии, все, не укорененное в Бытии, вымирает, самоуничтожается. [...]

Средневековые мистики верили, что в душе человека существует несотворенное начало, единосущное Богу, «искра божья» –

¹ Эрн В. Борьба за логос. – С. 248, 177.

по Экхарту (1260–1327), она и делает доступной истинную Красоту, которая, действительно, спасет мир, ибо, как и Свобода, первична, присуща Бытию. Значит, если есть в душе человека эта вечная и прекрасная частица, «искра божья», то, стало быть, ему доступно полное преображение, очищение души от зла, творимого непросветленным умом [...]. Лишь Целое, достигшее полноты, может быть свободным. Часть потому и часть, что не свободна, зависима от какого-то надуманного, условного целого [...].

Если следовать Толстому: «самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека участвовать в этом движении и подчиняться и содействовать ему»¹. Ему же принадлежат слова: «Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, то есть дао, и сами собой уничтожатся все действия, причиняемые вам вашими чиновниками». Иначе говоря, нет Свободы вне целостного сознания, а все, что называлось до сих пор свободой, имело к ней малое отношение. Нет свободы вне истины: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8, 32). Другого пути нет. Вне Истины нет Свободы, Истина же есть Целое, Целое же есть Красота. Наверное, эту Красоту и имел в виду Достоевский, говоря «мир спасет красота», – вернет «блудного сына» в лоно Бытия.

Если не Красота спасет мир, то что же спасет его? Все остальное, похоже, оказалось бессильно. Мир подошел к той черте, после которой или гибель, или Спасение [...]. Человека пытались убедить в необходимости прогресса, обращая к его разуму, воспитывая в нем моральное существо, но нет, видимо, пути прямее к сердцу человека, чем преображение Красотой. Говоря же словами Плотина: «Душа никогда не увидит красоты, если сама раньше не станет прекрасной, и каждый человек, желающий увидеть прекрасное и божественное, должен начать с того, чтобы самому сделаться прекрасным и божественным». Значит, не все потеряно, нет того, кто бы не мог не проникнуться этой мыслью: Красота откроется тому, у кого очистится душа. [...]

Итак, если Целое есть Истина, а Истина есть Красота, то ощущение этого приведет человека к Спасению; поможет ему познать себя, что мир и сам он изначально прекрасны, сотворены по законам Красоты или высшей Гармонии, Социальный, групповой

¹Л.Н. Толстой. Дневник // Собр. соч.: в 20 т. – М., 1965. – Т. 20. – С. 98.

интерес заставлял его идти против себя, не давал ощутить в себе «искру божью». Но осознав себя, свою первичность, он обретет Свободу. Познавший же Свободу, уже не может ее лишиться. Познавший Свободу не посягнет на свободу другого. [...]

У каждого народа – свое назначение, свой путь к Истине. Лишь разные дороги ведут к Единому. Вспомним еще раз Вивекананду, его лекцию в Мадрасе. «У всякой нации, как и у каждого отдельного человека, есть в ее жизни одна-единственная тема, которая служит центром ее существования, основная нота, вокруг которой группируются все остальные ноты гармонии... Если она ее отбросит, если она отбросит принцип своей собственной жизненности, направление, переданное ей веками, – она, эта нация, умирает» [...].

В чем же, в таком случае, Путь России? Путь к Истине русского человека, похоже, угадан русскими философами начала века – Путь духовидения, духовного совершенства, как о том сказано в очерке Е.Н. Трубецкого «Россия в ее иконе». Русская земля, веками жившая без просвещения, благодаря подвигу св. Сергия, сподобилась той высоты своего просвещения, которое мало кому выпадало. В иконе XV века она получила наиболее прекрасное и наиболее русское выражение – как хранительница неповрежденной веры православной. Отсюда и ее «вселенскость».

Это, конечно, не значит, что не нужно России просвещения, культуры: без них невозможно и все остальное, никакое предначертание не поможет. Культура, просвещение – неременное условие для реализации национальной энтелехии, в чем Россия убедилась на горьком опыте. Недостаточная степень просвещенности народа стала причиной национального недуга, невиданного по масштабу саморазрушения, надругательства над своими святынями. Взорванные и поруганные храмы – великий грех России мог, действительно, обернуться ее кончиной: без души погибает и тело нации.

Насколько такой взгляд на уникальность, неповторимость Пути каждого народа созвучен японцам, свидетельствуют слова из лекции Кавабата Ясунари «О существовании и открытии Красоты», которую он прочитал в Гавайском университете в мае 1969 года. Когда Рабиндранат Тагор, великий поэт Индии, приехал в Японию, он сказал в своей речи: «Каждая нация обязана выявить перед миром свою национальную сущность. Если же нации нечего дать

миру, это следует рассматривать как национальное преступление. Это хуже, чем смерть, и никогда не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее. Благородный дух и есть богатство нации, а ее достояние – готовность, преодолевая узкие, частные интересы, послать всему миру приглашение принять участие в празднике ее духовной культуры»¹. [...]

Есть роковая неизбежность в том, что процветающие цивилизации истощаются, и чем пышнее расцвет, тем печальнее увядание. Культура – живой организм: зарождается, расцветает и умирает. По крайней мере, так полагал О. Шпенглер, сравнивая культуры Индии и Китая с гигантскими высохшими деревьями². Бывает и так, что объятый гордостью за свое прошлое народ перестает совершенствовать свой дух, перестает понимать то прошлое, на которое уповает.

То есть культура умирает только в том случае, когда прерывается связь в пространстве и времени: с собственными истоками, родником языка, с другими культурами, тогда она и выпадает из Бытия, народ наказывается за свою гордыню. Хотя, в сущности, ничто не исчезает, лишь затихает на время, чтобы, обновившись, одумавшись, пробудиться к новой жизни.

¹ К. Ясунари. О существовании и открытии красоты. – Токио, 1969. – С. 34–35.

² С точки зрения О. Шпенглера, уже сошли с мировой сцены восемь культур: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, византийско-арабская и культура майя. Но время вносит свои коррективы, вдруг начинает цвести, казалось бы, увядшее дерево. Кстати, Шпенглер верил в зарождение девятой, русско-сибирской культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Риторика – наука о построении текста	5
Античная риторика и ее теории	8
Античный риторический канон. «Риторика» Аристотеля	23
Красноречие в Беларуси	51
Современная классификация речей. Логические приемы построения речи	53
Основные типы речи и общие принципы ее построения. Монологическая и диалогическая речь. Дискуссионная речь.	64
Коммуникативные качества речи как условие эффективного общения	87
Текст как основа устной и письменной речи	92
Выразительные возможности речи	102
Культура дискусивно-полемиической речи	118
Литература	130
Приложение	131
Александр Солженицын. Нобелевская лекция по литературе (1972 г.)	131
В. Шибает. Пакт Рериха по сохранению культурных ценностей человечества (1935 г.)	145
Д.С. Лихачев. Письма к молодым читателям	150
Т. Григорьева. Что есть красота?	160